

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2>

ISSN 2410-0765

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФЭННЭР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2024. Том 14, № 2

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2024, vol. 14, no. 2

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Баумана, 20)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-87862
от 22 июля 2024 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2024

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(420111, Kazan, Bauman Str., 20)

Certificate of the Mass Media registration ПИ № ФС 77-87862
received from Roskomnadzor on Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

420111, Kazan, Baturin Str., 7
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2024

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Гайнанова Миляуша Рамилевна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Scientific editor of the issue: **Alsu V. Akhtyamova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Milyausha R. Gaynanova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Abdullin Department of History of the Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ахунов Р.Н. «Тридцать три Ахуна» 3.3. Ахунова. К 150-летию татарского общественного деятеля	10
Гильмутдинов Д.Р. Между прессом «казённой религии» и прессой «Сенного базара»: публичная сфера мусульман Центральной России в дореволюционный период	25
Гарипов Н.К. Традиционные религиозные взгляды мусульман и кадимизм в начале XX в.	45
Ахтямова А.В. История создания проектов уставов Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и Уфимского дарульмугаллимата «Султание»	59
Alp A. Sadri Maksudi'nin Çalışmalarında Ceditçi Prensipler	75
Scherberger M.G. Sadri Maksudi Arsal ve Türk dil devrimi	86
Сибгатуллина А.Т. Вассан-Гирей Джабагиев – ингушский друг Гаяза Исхаки	100
Галиева Л.Ш. О публикациях Гаяза Исхаки в журнале «Северный Кавказ»	114
Gaynanova M.R. The evolution of the Turkey image in 1964–1982 on the pages of the newspaper “Pravda”	123

Публикация источника

Хайрутдинов А.Г. Муса Бигиев о стилях рецитации Корана и проблемах мусульманской системы образования	137
--	-----

Новые книги, рецензии

Миронова Е.В. Рецензия на книгу: Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск (конец XVIII – начало XX века): монография (Казань, 2023)	148
--	-----

Научная жизнь

Хамидуллин Б.Л. Памяти Миркасыма Абдулахатовича Усманова (1934–2010) (к 90-летию со дня рождения)	154
---	-----

CONTENTS

Articles

- Akhunov R.N.** “Thirty-three Ahuns” of Z.Z. Akhunov.
To the 150th anniversary of the Tatar public figure10
- Gilmutdinov D.R.** Between the “state religion” press machine
and the “Hay Bazaar” press: the public sphere of Muslims
in Central Russia in the pre-revolutionary period25
- Garipov N.K.** Traditional religious views of Muslims
and Kadimism in the early twentieth century45
- Akhtyamova A.V.** History of the creation of the draft charters
of the Ufa Darulmugallimin “Sultaniye”
and the Ufa Darulmugallimat “Sultaniye”59
- Alp A.** Jadidism Principles in the studies of Sadri Maksudi75
- Scherberger M.G.** Sadri Maksudi Aرسال
and the Turkish language revolution86
- Sibgatullina A.T.** Vassan-Girey Dzhabagiev –
Ingush friend of Gayaz Iskhaki100
- Galieva L.Sh.** About the publications of Gayaz Iskhaki
in the magazine “North Caucasus”114
- Gaynanova M.R.** The evolution of the Turkey image in 1964–1982
on the pages of the newspaper “Pravda”123

Publication of the source

- Khairutdinov A.G.** Musa Bigiev about styles of recitation
of the Koran and problems of the Muslim education system137

New books, reviews

- Mironova E.V** Book review: Gabdrafikova L.R. County town
Menzelinsk (late 18th – early 20th century):
monograph (Kazan, 2023)148

Scientific life

- Khamidullin B.L.** In memory of Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov
(1934–2010) (on the 90th anniversary of his birth)154

СТАТЬИ

УДК 929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.10-24>

«Тридцать три Ахуна» З.З. Ахунова. К 150-летию татарского общественного деятеля

Р.Н. Ахунов

Исследователь

Казань, Российская Федерация

В 2023 г. исполнилось 150 лет со дня рождения татарского купца и общественного деятеля Мухамет-Закира Залялетдиновича Ахунова (1873–1951). В статье рассматривается жизненный путь З.З. Ахунова, а также прослеживаются судьбы представителей этого рода. Источниковой базой исследования послужил комплекс сведений, представленных в опубликованных работах и документах из фондов Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), Государственного архива Республики Татарстан (г. Казань), Объединенного государственного архива Челябинской области (г. Челябинск) и личного архива. Благодаря выявленным источникам биография З.З. Ахунова была реконструирована с достаточно высокой степенью подробности. Сделан вывод о том, что татарский деятель внес значительный вклад в развитие мусульманской общины Челябинска в начале XX в.

Ключевые слова: татарское купечество, благотворительность, татарские общественные деятели, семейная история, мусульманская община, Челябинск

Для цитирования: Ахунов Р.Н. «Тридцать три Ахуна» З.З. Ахунова. К 150-летию татарского общественного деятеля // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.10–24. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.10-24>

В Челябинске, в отличие от других городов Оренбургской губернии, мусульманская община сформировалась достаточно поздно. Как отмечают исследователи, это было связано с окраинным положением города, неразвитостью коммуникаций, отсутствием здесь крупной приграничной торговли и промышленности [12, с.138]. В конце XIX в. уездный город превратился в важнейший железнодорожный узел на Транссибирской магистрали. В рассматриваемый период численность мусульманской общины Челябинска продолжала постепенно увеличиваться за счет естественного роста населения и набирающей обороты урбанизации [12, с.139]. Так, если в 1870 г. в Челябинске приверженцев ислама насчитывалось всего 51 человек (1% от

общего населения) [20, отд.1, с.32], то спустя 27 лет (1897 г.) количество мусульман достигло 897 человек (4,5% от общего населения) [19, с.172].

Рост удельного веса мусульман сыграл большую роль в формировании единого культурно-религиозного пространства. Отметим, что к 1917 г. в городе действовали две мечети (закрыты в 1923 г. и 1930 г.) [21, с.290]. Передачу религиозных знаний и культурных традиций обеспечивали мусульманские начальные училища (мектебе) и медресе [см. более подробно: 12, с.140–141, 143–144]. В конце XIX – начале XX в. в Челябинске при финансовой поддержке местной буржуазии была реформирована система мусульманского образования. В 1906–1912 гг. действовало Челябинское мусульманское благотворительное общество. Позднее оно было возрождено под названием «Челябинское благотворительное общество, учрежденное в память юбилея 300-летия царствования Дома Романовых»¹ [12, с.144–146; 21, с.290; 16, с.198, 200–203]. В 1906 г. при Соборной мечети (Ак-мечеть) Общество открыло «Челябинскую мусульманскую бесплатную народную библиотеку-читальню» («*Чиләбе ижрәтсез мәселман китапханә-кыйратханәсе*»). Наряду с библиотекой-читальней Оренбургского мусульманского общества, Челябинская мусульманская бесплатная народная библиотека-читальня была крупнейшим среди татарских библиотек губернии [17, с.108].

Частью благотворительности стало театральное искусство. С целью организации сбора пожертвований в пользу мусульманских учебных заведений или мусульманской библиотеки ставились татарские спектакли, но далеко не всегда удавалось получить разрешение губернатора. Отметим, что летом 1909 г. в Челябинске было создано любительское общество «Музыка и драма», при котором татарская молодежь основала «Мусульманскую секцию» [7, с.202–204; 8, с.204–207]. Еще одним популярным способом привлечения денежных средств было проведение Сабантуя.

Среди прогрессивных татарских деятелей Челябинска своей активностью выделялся купец 2-й гильдии Мухамет-Закир (Закир) Залялетдинович Ахунов (1873–1951) – уроженец Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне – Тюлячинский район РТ). Являясь успешным предпринимателем, он занимался общественной деятельностью, принимал активное участие в жизни мусульман Челябинска. Биографические сведения о нем освещаются не впервые. Среди публикаций, направленных на характеристику основных этапов биографии татарского деятеля, выделяются статьи, включенные в энциклопедические издания [4, с.66; 5, с.45–46, 223–224, 403]. Немало ценных материалов о жизни челябинской мусульманской общины в дореволюционный период и роли представителей национального торгово-промышленного круга в ее развитии, в том числе об общественной и благотворительной деятельности З.З. Ахунова, можно почерп-

¹ Устав Общества был утвержден Оренбургским губернским по делам об обществах присутствием 7 июня 1913 г.

*Мухамет-Закир
Залялетдинович Ахунов
(1873–1951). Начало XX в.
Фото из личного архива
Р.Н. Ахунова*

нать в очерках и статьях ученых и исследователей – Д.Н. Денисова [13, с.172] (некоторые его работы написаны в соавторстве [14; 16]), Р.Н. Ахунова [2].

Кроме того, и в сети Интернет публиковались статьи, в которых рассматривалась личность З.З. Ахунова. Наиболее значимые авторы: челябинский историк Г.Х. Самигулов, челябинский краевед Ю.В. Латышев, краевед и директор челябинского издательства «Каменный пояс» Д.Г. Графов. Однако, в таких случаях публикации касались в основном топографической привязки деятельности З.З. Ахунова в Челябинске.

Предлагаемая читателю статья содержит описание фактов биографии З.З. Ахунова в контексте истории мусульманской

общины дореволюционного Челябинска. Автором предпринята попытка устранить прежние ошибки и неточности, с добавлением новых сведений.

Мухамет-Закир Залялетдинович Ахунов не являлся неким национальным демиургом уровня С.Максуди или Г.Исхаки. Его личность – это элемент общей мозаики деятельности общественных татарских деятелей на местах. Он родился 17 апреля (по старому стилю) 1873 г.² в татарской деревне Большие Метески Лаишевского уезда Казанской губернии в крестьянской семье, обучался в медресе³ – знал пять языков: родной татарский, язык Священного Корана арабский, турецкий, персидский и русский⁴.

Родители: отец Залялютдин Ахунов, мать Биби Файза Хисматуллина, в хозяйстве которых было два деревянных жилых строения, крытых тесом, и службы⁵. Домовладение располагалось рядом с деревенской мечетью.

В 1888 г. отец устроил его мальчиком в городе Казани у известного купца С.С. Губайдуллина, у которого Закир Ахунов проработал до 1896 г. Затем он перешел на работу к уроженцу д. Битаман Казанского уезда и губернии (ныне – Высокогорский район РТ) Садретдину Мифтахутдиновичу Назирову⁶ и прожил уже в Уфе до конца XIX в. В 1895 г. З.З. Ахунов женился на дочери муллы Салахутдина Мухаметаминева из Казанского уезда и губернии Биби Кашифе, осиротевшей в пятилетнем возрасте. Около 1898 г. в Уфе родилась его старшая дочь Гульсум (Умугульсума).

² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.204. Оп.177. Д.126. Л.208.

³ ГА РТ. Ф.103. Оп.1. Д.4. Л.78 об., 81.

⁴ Эти сведения приводятся по рассказам старших родственников.

⁵ ГА РТ. Ф.103. Оп.1. Д.4. Л.78, 78 об., 81.

⁶ ГА РТ. Ф.868. Оп.2л. Д.42. Л.3 об., 5.

*Челябинск, Уфимская улица, вид на магазин З.З. Ахунова. Начало XX в.
Из фондов издательства «Каменный пояс»*

В 1898 г. Закир Ахунов основал свою торговую фирму⁷, не позднее 1901 г.⁸ перебрался всей семьей в Челябинск, где к 1902 г. достаточно крупные его обороты приходились на торговлю азиатским товаром [12]. С 1903 г. он заявлял свои капиталы как челябинский 2-й гильдии купец⁹. В основном осуществлял оптовую и розничную торговлю мануфактурным и азиатским товаром. К 1909 г. оборотный капитал Закира Ахунова достигал 250 тыс. руб. В документах Государственного банка начала XX в. сохранилась следующая характеристика купца З.З. Ахунова: «Торговец дельный, честный, хорошие отзывы единокоренных» [3, с.66].

Мухамет-Закир Залялетдинович Ахунов – полное метрическое имя, в обиходе и документах он чаще фигурирует как З.З. Ахунов или просто Закир Ахунов. В Челябинске он имел три дома¹⁰, а также 3 деревянные торговые лавки в Гостином дворе, розничный магазин на железнодорожной станции Челябинск. На Уфимской улице в каменном 2-этажном доме наследников Александрова З.З. Ахунов арендовал первый этаж под контору и оптово-розничный магазин, вывеска на котором гласила: «Мануфак-

⁷ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-3. Оп.1. Д.1221. Л.75.

⁸ ОГАЧО. Ф.И-226. Оп.4. Д.364. Л.306 об.

⁹ ОГАЧО. Ф.И-3. Оп.1. Д.752. Л.14 об.–15.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.143. Оп.8. Д.1796. Л.1 об.

турная торговля 3.3. Ахунова из Казани». Имеется историческая фотография магазина. Здание сохранилось, ныне значится по адресу: ул. Кирова, 145. Так же осуществлялась регулярная торговля на ярмарках: Чумлякской, Карачельской, Тукманской и Сухоборской¹¹.

16 мая 1911 г. был зарегистрирован устав «Ссудо-сберегательной кассы служащих 3.3. Ахунова в г. Челябинске», которая решала вопросы финансового и социального обеспечения работников.

В 1906 г. 3.3. Ахунов выступил одним из учредителей Челябинского мусульманского благотворительного общества, а в 1913 г. – пришедшего ему на смену Общества в память юбилея 300-летия царствования Дома Романовых. Был заместителем (1914 г.), а затем и председателем Правления (1915 г.) благотворительной организации. Согласно отчету за 1914 г., в Обществе состояло 2 почетных и 110 действительных членов. В 1914 г. его приход составил 3458 руб. 91 коп., расход – 1683 руб. 89 коп., на 1915 г. остаток равнялся 1775 руб. 2 коп. Только проведение Сабантуютя 26 мая принесло чистую прибыль в размере 1553 руб. 9 коп. Предполагалось открыть ремесленную школу для подготовки по четырем специальностям, а именно: портняжному, сапожному мастерству, плетению корзин и столярному делу, но из-за недостатка средств было создано лишь столярное отделение [23, б.4].

3.3. Ахунов состоял действительным (пожизненным) членом Челябинской бесплатной мусульманской народной библиотеки-читальни [14, с.172]. Интерес к мусульманской библиотеке-читальне заметно повысился. В 1908 г. в читальном зале было зарегистрировано 700 читателей, а еще 400 читателям выдали книги на дом [23, б.4]. По отчету за 1914 г. читальный зал посетили 15593 человека, в том числе 1263 женщины, на дом было выдано всего 5448 книг (из них 2832 – мусульманская литература, 2616 – русская литература). На 1 января 1915 г. библиотечный фонд составлял 2407 экз. книг. В 1914 г. приход составил 1407 руб. 49 коп., расход – 1145 руб. 9 коп. [23, б.4]. О росте популярности библиотеки свидетельствует и следующий факт. 7 октября 1915 г. в здании клуба железнодорожного общественного собрания участники татарского театрального кружка поставили любительский благотворительный спектакль (комедии «Уйнаш» – «Распутство», «Кияү эзләү» – «В поисках жениха») в поддержку библиотеки. *«Несмотря на сложные погодные условия и дальнюю дорогу, довольно много народу (хотя зал был неполный) пришло на вечер»*, – писала татарская газета «Тормыш» («Жизнь»), издававшаяся в Уфе [24, б.3]. Данная благотворительная акция собрала около 750 руб. в пользу библиотеки [25, б.3].

Значительная часть средств, на которые открывались и содержались мусульманские школы в Челябинске, как и во многих других местах, поступала от благотворителей. Так, например, в 1915/1916 учебном году в

¹¹ ОГАЧО. Ф.И-3. Оп.1. Д.1221. Л.75.

пользу мужского и женского мектебе пожертвовали деньги мусульманские предприниматели, включая челябинских купцов (Шакир Ахметов и Закир Ахунов внесли по 400 руб., Закир Галеев – 300 руб.). Согласно отчету за 1915/1916 учебный год, помощь оказала и уездная земская управа (200 руб.). Источниками финансирования деятельности этих учебных заведений в 1915/1916 учебном году были и поступления от благотворительного общества, и от организации татарских спектаклей и т.д., всего поступило 5056 руб. 88 коп. [25, б.4].

23 декабря 1916 г. в Челябинске состоялось собрание мусульман, в ходе которого по инициативе Закира Галеева было собрано 56500 руб. на покупку дома для женского медресе (Шакир Ахметов, Закир и Ибрагим Галеевы, Закир Ахунов, Мулламухамед Яушев внесли по 10 тыс. руб., Мухамеджан Валеев, Габдулла Валиуллин – по 5 тыс. руб., братья Гафуровы – 3 тыс. руб., Абдрахман Хабибуллин – 1 тыс. руб., Абдулхалик Мавлютов, Ахмет Сайфетдинов, Шакирзян Яушев, Габдулгани Хасанов – по 500 руб., Исхак Рахимкулов – 100 руб.) [8, б.2; 9, б.4].

Наряду с казанским Гарун-Рашидом Апанаевым, 3.3. Ахунов документально зафиксирован действительным членом Екатеринбургского мусульманского благотворительного общества в 1915 г. [18, с.35]¹².

Судя по обилию в семейном архиве чистых открыток с портретами деятелей джадидизма Исмаила Гаспринского и Юсуфа Акчуры, Закир Ахунов был сторонником этой популярной доктрины в среде либерально настроенной татарской буржуазии.

Он неоднократно избирался гласным Челябинской городской думы [13, с.172], участвовал в различных городских комиссиях. В 1908 г. был избран членом Сиротского суда от купеческого общества [1, с.111].

Пользовался уважением и за рамками мусульманской общины города, свидетельством чему является памятная открытка от семейства Заводчиковых.

Из-за опасности возникновения стихийных погромов в 1905 г. Закир Ахунов принимал участие в организации гражданской охраны правопорядка в Челябинске. Штаб одного из отрядов самообороны, состоявший из трех служащих 3.3. Ахунова, располагался в конторе его оптово-розничного магазина¹³. В конце того года в городе было неспокойно. Случались как черносотенные погромы еврейского имущества, так и бесчинства со стороны революционно настроенных боевиков-социалистов, как это отмечено в воспоминаниях непосредственного свидетеля тех событий, акцизного чиновника К.Н. Теплоухова (1870–1942) [22, с.189, 190, 192–193].

С 6 февраля 1915 г. товарищем министра финансов был «утвержден в должности члена Учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным

¹² В отчете этого общества обе фамилии фигурируют рядом, в обоих случаях их упоминания.

¹³ ОГАЧО. Ф.596. Д.61. Оп.1. Л.117.

кредитам при Челябинском отделении Государственного банка». По истечении двухгодичного срока был повторно утвержден в этой должности¹⁴.

Закир Ахунов – участник совещания Центральной комиссии Национального фонда, состоявшегося 17 октября 1917 г. в Уфе в здании бывшего Оренбургского магометанского духовного собрания, в ходе которого им было сделано пожертвование в 10 тыс. руб. [11, с.391, 393].

По семейной легенде, до революции, или в ее период, в доме 3.3. Ахунова укрывался от полиции некий татарский социалист. Этот человек фигурировал как знаковая персона в послевоенном татарском отрывном календаре. Мне его показывали, но я не запомнил ни его фамилии, ни его инициалов.

Скорее всего, именно на 1919 год 3.3. Ахунову приходит решение покинуть Челябинск вместе с отступающей белой армией и попытаться на время осесть в Маньчжурии¹⁵. Но попытка оказывается неудачной.

После революции имущество 3.3. Ахунова было муниципализировано. Однако по окончании эпохи военного коммунизма, в рамках установленной законом демуниципализации имущества, он пытался бороться за его возврат, проживая уже в Уфе.

В анкетах и автобиографии советского времени, составленных к простому 1938 г., 3.3. Ахунов сообщает о себе сведения, к некоторым из которых следует относиться осторожно. Так, он утверждал, что в 1916 г. поступил на работу в качестве помощника кассира в Челябинском отделении госбанка¹⁶, тем самым подменяя на более скромную формулировку факт того, что с февраля 1915 г., как указано выше, он был «утвержден в должности члена учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам при Челябинском отделении Государственного банка».

По сведениям одного из старших родственников, торговая фирма 3.3. Ахунова имела и неформальное название «Тридцать три Ахуна», обыгрывающее его инициалы, похожие на числа 33, с одной стороны, и обилие работавших в его фирме родственников, с другой стороны. Однако в документах дореволюционного периода такое название не встречается. Упоминает это название лишь анонимный критик, скрывавшийся под псевдонимом В.Уральский, осуществлявший травлю семейства Закира Ахунова в статье, опубликованной в №94 уфимской газеты «Яна авыл» («Новая деревня»), органа Башобкома партии, от 18 августа 1929 г.¹⁷ Остальные биографические сведения, указанные 3.3. Ахуновым в анкетных данных советского периода, не было возможности выверить по альтернативным источникам. Сам же он утверждал в своей анкете советского пе-

¹⁴ ГА РФ. Ф.143. Оп.8. Д.1796. Л.1 об., 2.

¹⁵ По сведениям, полученным от старших родственников – детей 3.3. Ахунова: сына Салиха и дочери Амины.

¹⁶ ГА РТ. Ф.868. Оп.2л. Д.42. Л.3 об., 5.

¹⁷ ГА РТ. Ф.Р-262. Оп.2. Д.8а. Л.6.

риода, что в 1920 г. служил в качестве приказчика в Иркутском отделении губсоюза, где и проработал до 1922 г.¹⁸. В этот же период там с ним проживал его старший сын Нагим (мой отец), обучавшийся в 6-й иркутской школе 2-й степени, что имеет документальное подтверждение¹⁹.

С 1922 по 1927 г., ввиду болезни, 3.3. Ахунов жил в Уфе на иждивении детей. В 1927 г. он поступил в Уфимскую кооперативную артель «Кустарка», где проработал в качестве трудового кустаря до 1930 г. К этому времени имел инвалидность²⁰.

В период с 1927 по 1929 г. в газете «Яңа авыл» разворачивается травля по сословно-имущественному признаку всего семейства 3.3. Ахунова, в результате которой двоих его сыновей, студентов Заки и Касыма, исключают из Казанского индустриального института²¹. В 1930 г. 3.3. Ахунов поступил на работу в уфимскую телеграфную сеть в должности заведующего складом, где проработал до 1933 г. В анкете это предприятие он называет конторой по переустройству уфимской телефонной сети с крайними датами: в одном случае – 1930–1932 гг., в самой анкете – 1930–1933 гг.²² Последняя версия вернее, поскольку 1933 год, как окончание работы в этой организации, подтверждается и сведениями его старшего сына Нагима²³. Один из младших сыновей 3.3. Ахунова – Салих – в свою очередь указывал в своих анкетах, что «...окончив школу-семилетку, ввиду плохого материального положения, поступил на работу слесарем в “Контору переустройства телефонной сети” (г. Уфа). Проработав там до 1929 года...»²⁴. Получается некая семейная преемственность по работе в этой организации: до 1929 г. там работает один из сыновей Закира Ахунова, затем со следующего года – он сам.

С начала 1930-х гг. семейство начинает потихоньку переезжать в Казань. Средняя дочь 3.3. Ахунова, Рукйа, 23 июня 1933 г. сумела взять в Больше-Метескинском сельсовете справку о том, что ее отец по происхождению крестьянин-середняк. Это помогло всей семье избежать дальнейших преследований по сословно-имущественному признаку.

¹⁸ ГА РТ. Ф.868. Оп.2л. Д.42. Л.3 об., 5.

¹⁹ Личный альбом Н.З. Ахунова для памятных записей // Семейный архив.

²⁰ ГА РТ. Ф.868. Оп.2л. Д.42. Л.3 об., 5.

²¹ ГА РТ. Ф.262. Оп.2. Д.8а. Л.5, 5 об., 6, 7, 8, 8 об. Когда они поступали на учебу в 1927 г., это был индустриальный техникум, когда отчислились в 1929 г., уже институт.

²² ГА РТ. Ф.868. Оп.2л. Д.42. Л.3 об., 5.

²³ Ахунов Нагим Закирович – личное дело студента КГУ (1933 г.) // Научно-библиографический отдел (НБО) Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (НБЛ КФУ). Оп. л/д студентов и аспирантов исключенных, выбывших и окончивших КГУ с 1926–1952 гг. Д.724. Л.2.

²⁴ Ахунов Салих Закирович. 1937–1939 гг. // МПС. Управление Казанской железной дорогой. Отдел кадров. Личное дело. Арх. №149. Л.3.

3.3. Ахунов сообщает в своей анкете, что в 1933 г. он поступил на работу в Казводтпо на должность охранника, где проработал до 1934 г. С мая по сентябрь 1934 г. он – охранник в Татсоюзе. Затем в том же году поступил в ящичный цех на пряничную фабрику Татнаркомместпрома, где работал ящичником. В апреле – августе 1935 г. – киоскер Казанского табакторга (киоск №2). С мая 1936 г. по октябрь 1937 г. – продавец в Союзтекстильшвейторге, по увольнении за ударный труд (в оригинале *за ударничества*) был поощрен денежной премией. После поступил на работу в Казинторг в качестве продавца. Это сведения по состоянию на 1938 год, когда было создано личное дело 3.3. Ахунова как работника Казинторга, в том же году он уволился²⁵.

Умер 3.3. Ахунов в 1951 г. после тяжелой онкологической болезни.

В челябинский период жизни в рамках общественной деятельности 3.3. Ахунов пересекался с Сулейманом Аитовым, Гарун-Рашидом Апанаевым, троицкими Рахманкуловыми и Бакировыми, уфимским купцом, выходцем из Казанской губернии Садретдином Назировым, уроженцем д. Бакрчи Цивильского уезда Казанской губернии Ш.А. Ахметовым, уроженцем д. Сая Казанского уезда и губернии Г.Ф. Бурнаевым, Закиром и Рахимом Тумашевыми (старшие родственники Равиля Тумашева и Нияза Халита), уроженцем д. Б.Менгер Казанского уезда и губернии Г.Гайнутдиновым (отец архитектора И.Г. Гайнутдинова), уроженцем д. Наласа Казанского уезда и губернии Закиром Галеевым, у которого останавливался Г.Баруди.

Косвенные факторы позволяют предположить, что уроженец Казанского уезда и губернии, крупнейший уфимский торговец и благотворитель С.М. Назиров через свою жену приходился родственником семейству 3.3. Ахунова²⁶.

С первых лет челябинской торговли Закира Ахунова к нему начинают перебираться родственники. Не позднее 1905 г. сюда переезжает его старший брат Салахутдин – отец будущего скульптора Садри Ахуна. Покинув родные края – Б.Метески Лаишевского уезда Казанской губернии, до переезда в Челябинск, Салахутдин Ахунов служил приказчиком в екатеринбургских торговых предприятиях Агафуровых²⁷. В Челябинске он служил у Закира Ахунова ответственным приказчиком (заведующим магазином).

²⁵ ГА РТ. Ф.868. Оп.2л. Д.42. Л.3 об., 5.

²⁶ Садретдин Мифтахутдинович Назиров – уроженец д. Б.Битаман, где муллой служил дед Биби Кашифы. В семейном архиве есть открытка с записью «На память родственникам в Казани от Назировых», а в семейном архиве Рабиги – младшей сестры Биби Кашифы, хранится фотография С.М. Назирова с женой Мастюрой и т.д.

²⁷ ГА РТ. Ф.П-8353. Оп.1. Д.78. Л.3.

Кроме Салахутдина Ахунова, в Челябинск переехали племянники 3.3. Ахунова – Мухаметзян Ахунов – сын самого старшего брата Ахметзяна и Галиахмет Габдулганеев – сын родной сестры Закира Ахунова – Газизы. Так же в Челябинске находились и Амины – родственники жены Закира – Биби Кашифы мулла Салахутдин кызы (дочь муллы д.Торнояз Казанского уезда и губернии Салахутдина Мухамет-Аминова). Амины, переехавшие на Урал, проживали, кроме того, в Уфе и Троицке.

Благодаря тому, что в дореволюционный Челябинск на работу в торговле 3.3. Ахунова приехали родственники, ряд из них получал и культурный толчок именно здесь. Садрий – сын его старшего брата Салахутдина, обучаясь в торговой школе, попал под влияние хорошего преподавателя рисования Е.Т. Володина, заметившего в нем талант и развившего его на начальном этапе [6, с.11–12], в советский период этот племянник 3.3. Ахунова стал известным татарским скульптором Садри Ахуном.

Другой племянник Закира Ахунова, Мухаметзян, был в числе инициаторов создания Челябинского народного татарского театра в 1910 г. [7, с.202, 205].

Младшая дочь самого 3.3. Ахунова, Амина, в конце 1920-х гг. получившая дополнительное образование в уфимском музыкальном техникуме искусств (так сама А.З. Ахунова называла это учебное заведение; вероятно, Башкирский государственный техникум искусств), стала методистом дошкольного музыкального образования.

Один из сыновей 3.3. Ахунова работал в КБ Ильюшина инженером авиационного электрооборудования, являлся участником разработки бортовой панели самолета ИЛ-62. Другой его сын, Салих, в довоенное время работавший по строительной части в системе железной дороги, после войны был переведен в систему гражданской авиации аэрофлота, в 1960-х гг. участвовал в освоении Арктики, а также от Управления гражданской авиации и Главмосстроя занимался застройкой районов Москвы.

Выяснение предполагаемого родства жены Закира Ахунова, Биби Кашифы [Мухамет]-Аминовой, с С.М. Назировым требует дополнительных архивных изысканий. Кроме этого невыясненного момента, так же за недостаточностью источников, остается еще вопрос по общественной деятельности 3.3. Ахунова в послереволюционный период.

В коллекции фотографий Абдула Субханкулова (1910, Челябинск –?) екатеринбургским исследователем Рустамом Бикбовым была обнаружена фотография, датированная на обороте 1923 г. и подписанная на лицевой стороне как «Мусульманский педтехникум».

Кроме изначально отмеченного стрелочкой на этой фотографии, по всей видимости, дарителем, некоего Бикбова, автором были идентифицированы еще две персоны: Мухаметзян Фазылжанович Валеев и Закир Заллялетдинович Ахунов.

Мусульманский педтехникум. 1923 г.

Из коллекции фотографий Абдула Субханкулова (1910, Челябинск –?), передана Р.Н. Ахуну в цифровом виде Рустамом Бикбовым

Сначала Р. Бикбовым было выдвинуто предположение, что фотография сделана в Екатеринбурге (Свердловском этот город стал именоваться с 1924 г.). Однако в ходе совместного обсуждения мы пришли к выводу, что местом съемки состава «Мусульманского педтехникума» наиболее вероятен Челябинск или Троицк.

В центре фотографии явно расположены либо представители администрации, либо спонсоры этого учебного заведения. Данное обстоятельство может свидетельствовать об общественной деятельности М.Ф. Валеева и З.З. Ахунова в 1923 г. Однако материалов уточняющего характера до сих пор не обнаружено.

Что касается екатеринбургской версии фотографии «Мусульманского педтехникума», автору был доступен лишь хронологически близкий источник 1922 г. Сведения о составе Екатеринбургского мусульманского педагогического техникума, имеющиеся в издании «Советский Екатеринбург: справочник-путеводитель» (1922 г.) весьма скупы: указываны лишь фамилия заведующего, общее число учащихся, длительность срока обучения и адрес этого учебного заведения.

Проведенные Рустамом Бикбовым исследования материалов Государственного архива Свердловской области по Свердловско-Екатеринбургскому мусульманскому педагогическому техникуму за период его функционирования с 1919 по 1937 г., какую-либо информацию о М.Ф. Валееве и З.З. Ахуну там не выявили.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что 3.3. Ахунов как татарский деятель не только внес значительный вклад в развитие мусульманской общины Челябинска в начале XX в., но принимал участие в насущных вопросах российских мусульман и за пределами Челябинска Оренбургской губернии. Как участником и благотворительностью на совещании Центральной комиссии Национального фонда, состоявшегося 17 октября 1917 г. в Уфе, так и участием в поддержке новых образовательных институций для мусульман раннего советского периода (Мусульманский педтехникум). Широкие иногородние общественные связи 3.3. Ахунова подтверждаются и фактом упоминания его в составе мусульманского благотворительного общества Екатеринбургa Пермской губернии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 г. Оренбург: Изд. Губ. стат. ком., 1912. 160 с.
2. Ахунов Р.Н. 3.3. Ахунов в Челябинске: опыт генеалогического исследования // Гороховские чтения: материалы шестой региональной музейной конференции. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. С.612–616.
3. Боже В.С. Ахунов Закир Залялетдинович // Челябинск: энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2001. С.66.
4. Боже В.С., Денисов Д.Н., Ахунов Р.Н. Ахунов Закир Залялетдинович // Ислам на Урале: энциклопедический словарь. М.; Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. С.45–46, 219.
5. Бреннерт В. Садри Ахун: к 25-летию творческой деятельности татарского скульптора. Казань: Тип. Ремесл. училище №8, 1945. 46 с.
6. Бурнай Г. Чилэбе каласында татар театры // Татар театры (1906–1926). Тульландырылган 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. Б.202–204.
7. Бурнай Г. Чилэбедә татарча беренче спектакль // Татар театры (1906–1926). Тульландырылган 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. Б.204–207.
8. Вакыт. 1917. 3 гыйнвар.
9. Вакыт. 1917. 4 гыйнвар.
10. Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и примеч. С.М. Исхаков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 492 с.
11. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1902.
12. Денисов Д.Н. Мусульманская община Челябинска (60-е годы XIX – начало XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2008. Вып. 27, №4 (135). С.137–148.
13. Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М.: Изд. дом Марджани, 2011. 256 с.
14. Денисов Д.Н., Хабутдинов А.Ю. Формирование и эволюция мусульманских общин Троицка и Челябинска в конце XVIII – начале XX века // Tatarica. 2021. №17(2). С.84–104. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-84-104>

15. Эл-Ислах. 1908. №38. Б.10.
16. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края / В.В. Амелин, Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов. Оренбург: Университет, 2014. 303 с.
17. Миннуллин З.С. Благотворительность и татарские общественные библиотеки начала XX века // Библиотековедение. 2011. №2. С.107–112. <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2011-0-2-107-112>
18. Отчет Екатеринбургского Мусульманского Благотворительного Общества за 1915 год. Екатеринбург: Тип. М.М. Доброхотовой, 1916. 39 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб.: Изд-е Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. 173 с.
20. Справочная книжка Оренбургского края на 1872 год. Оренбург: Изд. Губ. стат. ком., 1872. 595 с.
21. Татарская энциклопедия / гл. ред. А.М. Мазгаров; отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Ин-т татар. энцикл., 2014. Т.6: У–Я. 2014. С.290–291.
22. Теплоухов К.Н. Удивительное жизнеописание акцизного чиновника и человека в его мемуарах, рассказах и фотографиях. 1897–1924 гг. / сост. Д.Г. Графов. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 623 с.
23. Тормыш. 1915. 11 сентябрь.
24. Тормыш. 1915. 14 октябрь.
25. Тормыш. 1916. 6 август.

Информация об авторе:

Ахунев Рустем Нагимович – исследователь (Казань, Российская Федерация); РИНЦ Author ID: 1083150; e-mail: rustik68@gmail.com

Поступила 01.04.2024

Принята к публикации 22.04.2024

"Thirty-three Ahuns" of Z.Z. Akhunov.
To the 150th anniversary of the Tatar public figure

R.N. Akhunov

Researcher

Kazan, Russian Federation

2023 marked the 150th anniversary of the birth of the Tatar merchant and public figure Mukhamet-Zakir Zalyaletdinovich Akhunov (1873–1951). The article examines the life path of Z.Z. Akhunov, and also traces the fate of representatives of this genus. The source base for the study was a complex of information presented in published works and documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation (Moscow), the State Archive of the Republic of Tatarstan (Kazan), the United State Archive of the Chelyabinsk Region (Chelyabinsk), the and personal archive. Thanks to the identified sources, the biography of Z.Z. Akhunov was reconstructed with a fairly high degree of detail. It is concluded that the Tatar figure made a significant contribu-

tion to the development of the Muslim community of Chelyabinsk at the beginning of the 20th century.

Keywords: Tatar merchants, charity, Tatar public figures, family history, Muslim community, Chelyabinsk

For citation: Akhunov R.N. "Thirty-three Ahuns" of Z.Z. Akhunov. To the 150th anniversary of the Tatar public figure. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.10–24. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.10-24> (In Russian)

REFERENCES

1. *Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1912*. Orenburg: Provincial Statistical Committee Publ., 1912. 160 p. (In Russian)
2. Akhunov R.N. Z.Z. Akhunov in Chelyabinsk: experience of genealogical research. *Gorokhov readings: materials of the sixth regional museum conference*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local Lore, 2015. Pp.612–616. (In Russian)
3. Bozhe V.S. Akhunov Zakir Zalyaletdinovich. *Chelyabinsk: encyclopedia*. Chelyabinsk: Stone Belt Publ., 2001. P.66. (In Russian)
4. Bozhe V.S., Denisov D.N., Akhunov R.N. Akhunov Zakir Zalyaletdinovich. *Encyclopedic Dictionary "Islam in the Urals"*. Moscow-Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2009. Pp.45–46, 219. (In Russian)
5. Brennert V. Sadri Akhun: on the 25th anniversary of the creative activity of the Tatar sculptor. Kazan: Craft school no.8 Publ., 1945. 46 p. (In Russian)
6. Burnay G. Tatar theater of Chelyabinsk. *Tatar theaters (1906–1926)*. Expanded second edition. Kazan: Magarif Publ., 2003. Pp.202–204. (In Tatar)
7. Burnay G. The first performance in Tatar in Chelyabinsk. *Tatar theaters (1906–1926)*. Expanded second edition. Kazan: Magarif Publ., 2003. Pp.204–207. (In Tatar)
8. *Vakyt*. 1917, January 3. (In Tatar)
9. *Vakyt*. 1917, January 4. (In Tatar)
10. *The Great Russian Revolution of 1917 and the Muslim Movement: a collection of documents and materials*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 492 p. (In Russian)
11. *All Russia: Russian book of industry, trade, agriculture and administration: commercial and industrial address-calendar of the Russian Empire*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1902. (In Russian)
12. Denisov D.N. Muslim community of Chelyabinsk (60s of the 19th century – beginning of the 20th century). *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series 1: History*. 2008, vol.27, no.4 (135), pp.137–148. (In Russian)
13. Denisov D.N. *Essays on the history of Muslim communities of the Chelyabinsk region (18th – early 20th centuries)*. Moscow: Marjani Publ., 2011. 256 p. (In Russian)
14. Denisov D.N., Khabutdinov A.Yu. Formation and evolution of Muslim communities of Troitsk and Chelyabinsk at the end of the 18th – beginning of the 20th century. *Tatarica*. 2021, no.17(2), pp.84–104. <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-84-104> (In Russian)
15. *Al-Islah*. 1908, no.38. p.10. (In Tatar)

16. *Islam in the confessional space of the Orenburg region*. Orenburg: University Publ., 2014. 303 p. (In Russian)
17. Minnullin Z.S. Charity and Tatar public libraries of the early 20th century. *Bibliotekovedenie*. 2011, no.2, pp.107–112. <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2011-0-2-107-112> (In Russian)
18. *Report of the Yekaterinburg Muslim Charitable Society for 1915*. Ekaterinburg, 1916. 39 p. (In Russian)
19. *First general census of the Russian Empire, 1897*. Ed. by N.A. Troitskiy. Vol.28. Orenburg province. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 173 p. (In Russian)
20. *Reference book of the Orenburg region for 1872*. Orenburg: Orenburg Provincial Statistical Committee Publ., 1872. 595 p. (In Russian)
21. *Tatar Encyclopedia*. Ed. by A.M. Mazgarov, G.S. Sabirzyanov. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia, 2014. Vol.6: U–Ya. Pp. 290–291. (In Russian)
22. Teploukhov K.N. *An amazing biography of an excise official and man in his memoirs, stories and photographs. 1897–1924*. Chelyabinsk: Stone Belt Publ., 2015. 623 p. (In Russian)
23. *Tormysh*. 1915, September 11. (In Tatar)
24. *Tormysh*. 1915, October 14. (In Tatar)
25. *Tormysh*. 1916, August 6. (In Tatar)

About the author:

Akhunov Rustem Nagimovich – researcher (Kazan, Russian Federation); RSCI Author ID: 1083150; e-mail: rustik68@gmail.com

Received April 1, 2024

Accepted for publication April 22, 2024

УДК 297.17

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.25-44>

Между прессом «казённой религии» и прессой «Сенного базара»:
публичная сфера мусульман Центральной России
в дореволюционный период

Д.Р. Гильмутдинов

*Центр исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению феномена «публичная сфера» у татар-мусульман до Октябрьской революции. Раскрывается теоретическое содержание этого термина в отечественной и зарубежной гуманитарной науке, применительно к мусульманскому, а также татарскому дореволюционному миру. Опираясь на определение социолога Армандо Сальваторе, предлагаются личности, конструирующие эту сферу, анализируются их взгляды на основе всего массива оставленных ими письменных документов (или самых важных, на наш взгляд). Показывается близость взглядов акторов друг к другу. Доказывается уникальность и самодостаточность их взглядов. Составляемая ими «публичная сфера» опирается на понимание справедливости (все в более религиозном смысле) и артикулированность (непротиворечивость и четкую обозначенность) позиции. Для Мусы Бигиева теологический сдвиг прошел по формуле «от поклонения к знанию», то есть дезактуализации религиозной практики в пользу умозрительных представлений и внутренних концепций и ценностей. Гаяз Исхаки боролся с угнетением, ставя как приоритет лозунги «равенства» и эмансипации (все более коллективные). Известный политик Абдурашид Ибрагимов считал, что лучшим и сильнейшим мировоззрением в условиях колониализма является ислам. Опираясь на него, мусульмане не могут не победить несправедливость, как социально-политическую, так и онтологическую.

Ключевые слова: публичная сфера, «казённая религия», «Сенной базар», мусульманское меньшинство, исламский дискурс в России и СССР

Для цитирования: Гильмутдинов Д.Р. Между прессом «казённой религии» и прессой «Сенного базара»: публичная сфера мусульман Центральной России в дореволюционный период // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.25–44. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.25-44>

«Публичная сфера» ислама в Российской империи. Понятие «публичная сфера» впервые появляется в римском праве – «*ius publica*» и дополняет патриархальную личную (частную) сферу, основу римского законодательства. Последняя составляла основу и средневекового права. Публичное право не выделялось, поскольку общественно-политическая жизнь

не приобрела характер системы, не было механизма воспроизводства власти, она была «сама по себе», могла ограничить себя только сама. Исследователи соглашались, что четкой границы между «частным» и «публичным» не существовало. Именно поэтому социолог Юрген Хабермас говорит о буржуазном характере «публичной сферы», считая, что она связана с триумфом рационального мышления [31]. Следуя этой идее, исламовед Армандо Сальваторе пишет, что на Западе публичная сфера выросла из личных коммерческих интересов представителей «третьего сословия». Обсуждая частные вопросы, буржуа объединялись, формируя единую программу, часто оппозиционную власти. Из этой «публичной сферы» выпадали рабочие, женщины и другие «низы», а позднее также колонизированный, в первую очередь, исламский мир. Эти угнетенные массы сформировали свои альтернативные группы давления, число которых увеличивалось пропорционально либерализации и усложнению общественной жизни. В связи с формированием формальных демократических режимов «выкристаллизовалось» современное значение старого термина. В своей наиболее фундаментальной работе «Публичная сфера: Либеральная модерность, Католицизм и Ислам» А.Сальваторе пишет:

Публичная сфера ни в коем случае не может быть сужена до уровня движения или института, хотя она, в определенной степени, паразитирует на них обоих. Элегантность геометрии третьей сферы заключается в выходе за рамки и нейтрализации четко обозначенной креативности движений и некреативного администрирования институтов, опираясь на мягкую, инициативную, по большей части рационализируемую, конструкцию, создаваемую свободными агентами [2, с.24].

Важно понять ее отличие от идеи «гражданского общества», заключающейся в особом порядке и форме репрезентации индивидуальных и групповых интересов. Сегодня это умозрительное представление и деятельность по достижению социальной справедливости. Публичная сфера скрепляет общество, а люди, независимо от занимаемой должности, должны быть нацелены на достижение «общего блага». Российская правовая мысль критерием «публичности» считает «повелительность, безусловную обязательность» [3]. Для западного исследователя – это социальная коммуникация, широта «общественного договора». А.Сальваторе и Ю.Хабермас писали о моноэтнических, монорелигиозных обществах. Татары же представляли собой национально-религиозное меньшинство, диаспору. Таким образом, в России была абсолютная (с 1905 г. ограниченная) монархия, национальные «анклавы» и частные интересы отдельных представителей буржуазии.

А.Сальваторе описывает «публичную сферу» в Египте в современный период. Он связывает ее с возвращением общества к религии после «насеровских» преобразований. Олицетворением этой сферы были две личности: писатель Мустафа Махмуд влиял на образованные круги, а богослов Мухаммад Мутавалли аш-Шаграви – на простых и околорелигиозных лю-

дей. То есть «публичная сфера» исламских обществ для А.Сальваторе – это приоритет «трансцендентного» (Высшей справедливости) в повседневной жизни.

До второй половины XIX в. татары Волго-Уралья жили в атмосфере культурной автономии. Потеря к новому времени государственности является началом общинно-замкнутого, бытового периода в татарской истории. Она представляла собой биографии отдельных личностей, историю сословий, эволюцию культурно-национальной идеологии, то есть, по большей части, социальную историю. Позже государство стало инициатором создания общественных институтов. С образованием в 1788 г. Духовного собрания (ОМДС) исламская религия была вписана в административную структуру, а имамы стали государственными служащими. Какое-то время существовало гражданское самоуправление в Казани (Казанская татарская ратуша) и Сибири. Татары постепенно «открывались». По мнению Розалии Гариповой, если до Великих реформ середины XIX в. государство использовало ОМДС для управления «иноверным» населением, то во второй половине столетия Духовное собрание для мусульманского сообщества стало своеобразным рычагом доведения своих требований до власти [1]. С появлением среди татар печатных СМИ, идеологии обновления, «джадидизма» и с широким распространением печатных книг, чему способствовали законы о введении русского языка в медресе, об обязательном знании русского языка для занятия должностей при мечетях и об укреплении начал веротерпимости, у татар возникают проекты по секуляризации, то есть концепции нации с модернизированной концепцией трансцендентности. Татарская Советская Республика (ТАССР) не только обозначила создание новой татарской политической элиты и понятия «нация», но и сделала татар не менее чем русских секулярным и урбанизированным народом. В советское же время продолжали использоваться формы «публичной сферы», которые были созданы до революции.

Понятие «социальной справедливости» для татар-мусульман к началу XX в. оказалось совсем не однозначным. Основную массу населения волновали вопросы национально-религиозного самосохранения и развития. Однако альтернативную, часто не менее соответствующую времени точку зрения, представляли традиционалисты. Под влиянием русских народников многие представители интеллигенции стали носителями чисто социалистических идей. Велико было и влияние либеральных реформ середины XIX в. Особенно и непосредственно на татаро-мусульманское население повлияли Земская и Судебная реформы. По мнению некоторых исследователей, эти реформы создали почву для гражданского равенства в Империи, которое не хотели принимать влиятельные группировки («движения») внутри сообщества татар-мусульман. Таким образом, до революции мы можем выделить три публичные сферы, равноудаленные как от власти, так и от «лоббистских» движений. Это – сторонники социального равенства (социалисты), представители «татарской улицы» (выступающие против

христианизации, русификации и модернизации) и крайние религиозные реформаторы.

Поскольку речь идет о периоде печатных масс-медиа в более-менее традиционном обществе, то здесь можно говорить об общем поле социальных дискуссий. Это некий тезис, предложение, связанное с индивидуальным видением будущего народа. На наш взгляд, оно связано с несколькими персонажами, которые удовлетворяют описанию. Артикулированность лозунга-предложения связана с заменой чего-либо чем-либо. Например, Гаяз Исхаки выступал за идею равенства против разных форм самодержавия. С разного рода идеологическими дополнениями этот тезис будет справедливо применен к нему на всем протяжении его творческой деятельности. Следующий герой «публичной сферы» – Муса Бигиев. Его политико-богословскую программу можно охарактеризовать выражением «за знание вместо поклонения». Наконец, третьим актором дореволюционной «публичной сферы» был Абдуллах Ибрагимов, выступавший за ислам против христианизации и русификации. Несмотря на свою «узкую» специализацию (каждый из них выражал сугубо свое мнение), они были активными продуктами «печатного капитализма», то есть активно публиковались. Их можно назвать удачливыми писателями, публицистами и редакторами.

Со времени падения Казанского ханства татар-мусульман беспокоит вопрос о статусе населенных ими земель – остались они «мусульманскими» (Дар ул-ислам) или потеряли это качество? Однако, ко времени развитой общественной сферы, появления книгопечатания и печатных СМИ, этот традиционный вопрос потерял актуальность (возможно, стало считаться, что Курсави и Марджани поставили точку в этом вопросе). Большинство же мусульман периферии остались локальными и не имели общемусульманских проектов реформ.

Рамка «публичной сферы». «Сенной базар» и «казённая религия». «Сенной базар» – термин, который использовали «левые» элементы для описания мещанской городской татарской среды. Вторым аналогом этого термина можно указать отнесение к «таджвидистам» (тэжвидчелэр) (составителей и бенефициаров брошюр по методике чтения Корана, вызывающих неизменный интерес у населения). Здесь не было принципов, а только финансовая заинтересованность. Все было для привлечения покупателей, все покупалось и продавалось. Книжная продукция была также подвержена этой болезни, когда печатались книги, имеющие постоянно высокий спрос («таджвиды», Кораны, хафтияки и т.д.). Однако, на наш взгляд, сфера отдельных религиозных «рисалей» (брошюр) выходила за эти рамки. Скорее всего, они тоже искали признания со стороны читателей и потребителей. Например, Ибрагимов издавал очень популярную в Средней Азии газету «Ульфат», используя исламскую тематику, а Гаяз Исхаки писал свои романы, пытаясь отображать эмоциональные переживания, что

нравится читателям. Однако было бы сильным преувеличением считать, что это они делали из-за желания финансового обогащения и благополучия. Стремление быть в тренде присутствует, но оно связано не с корыстными интересами, а с попыткой найти образ, который мог бы быть интересен большой аудитории. Таким образом, для нашей цели идеально подходят публицистические сочинения в форме «рисаля» или печатной периодики.

С разделением религии и государства в начальный период советской истории появляется возможность анализа позиции религии и анти-религии (христианского миссионерства) в имперском и советском пространстве с объективных позиций. Обе позиции только в определенной степени могли себя выражать до революции. Большевицкая революция разделила мыслительные лагеря более четко и радикально. Большинство из представляющих «публичную сферу» деятелей (так же, как и движений) не смогли принять советскую форму интернационализма и материализма и были вынуждены мигрировать.

Образное выражение «казённая религия» использовал в одной из серии своих статей татарский богослов, «эпоним» дореволюционного «джадидизма», «советский» казый (судья) ЦДУ (Центрального духовного управления) в Москве Зияутдин (Зия) Камали. Цитата из его статьи «Коран и современная наука», изданной в самом начале 1927 г. в журнале ЦДУ «Ислам», звучит следующим образом:

Возможно усердие, основывающееся на вере в то, что их долгом и вкладом в человечество является черпание из этих источников (средневековых книг, раскрывающих исламскую космологию, например, османскую «Сорок вопросов») («Кырык суаль». – Д.Г.) неверную информацию, имитируя бурную деятельность и выражая поддержку власти, пытаясь освоить большие государственных средств, смеясь над религией наций, не исповедующих казённую религию, показывая, что исповедуя ее невозможно развиваться, а также сделав их рабами и пленниками, включив в казённую религию. Однако Великая Октябрьская революция показала, что правда такой не бывает. Сами враги в течение этой революции исчезли или восприняли идеалы революции.

«Казённая религия» – это не только христианство, поскольку ее источниками указываются средневековые исламские тексты. В числе «врагов» видятся миссионеры-переводчики (например, Саблуков), использующие средневековые «сказочные» исламские трактаты вместо серьезных тафсиров (вроде «Кашшаф» аль-Замахшари). Другими словами, главной сутью претензий автора является российско-советский «ориентализм», архаизирующий «истинную» религию и дискредитирующий ее мировоззрение. В принципе, к сфере «казённой религии» можно отнести все российское академическое исламоведение, связанное с некоторыми официальными религиозными структурами, а также нехарактерными для местных мусульман фондами (например, «Фонд исследований исламской

культуры имени Ибн Сины»), которые имеют свои собственные цели участия в этих дискуссиях.

До революции на русском языке в Санкт-Петербурге выходил журнал «Мир ислама» (под руководством сначала В.Бартольда, а затем Д.Позднеева), а в Париже – журнал «Мусульманин» (под руководством М.Хаджетлаше). Их издавало правительство. Писали там, в основном, русские ученые-востоковеды. Однако они не понимали сущность ислама, особенно его российской составляющей. Более того, это было не важно, поскольку они (российская власть) сами «создавали» ислам. Ислам в России ограничится и будет таким, каким ему дашь воплотиться... Татарский общественный деятель социалистического лагеря Г.Исхаки считал это примером русского ориентализма. («Ориентализмом» можно назвать «халатное» отношение ко всему нерусскому внутри России, жизнь по принципу «им и так сойдет»). Можно было очаровываться Востоком, видеть в нем будущее или подмять под свою культуру и стремиться подавить. В любом случае, это некий образ, который мало соотносился с реальностью [29]. По мнению З.Камали, книга «Сорок вопросов» была размножена в период диктатуры предпоследнего халифа Абдулхамида II для того, чтобы держать народ в диком, но в спокойном состоянии. «Где же источник идеи о том, что небеса находятся на семи рогах?» – задается вопросом теолог. Он говорит, что эти представления были и у христиан. Появились такие идеи в период язычества, а привязывать это к Корану нельзя. Для доказательства он обращается к книге египетского ученого Мухаммада Тауфика Сидки «Космология и Коран». Были и региональные проявления национального русского ориентализма. Например, тот же Г.Исхаки замечает, что казанский издатель Харитонов размножил священную книгу Коран с ошибками. Очень удивительной была ответная реакция издателя на критику. Он сказал: «Это ерунда! С ошибками тоже пойдет!» [19, с.225]. Таким образом, указанные выше представители «публичной сферы» выступали против безответственности и беспринципности продажных дельцов «казанского Арбата» и винтиков чуждой для татар бюрократической машины. Обе крайности связаны с неким конвейером, позволяющим без личных усилий заполнять социальный спрос и получать сверхприбыли.

Роль ислама до революции для создателей термина «Сенной базар». «Сенной базар», как символ общественной активности мусульман Центральной России получил «второе дыхание» в советское время. «Сенной базар» или «джадитское движение» – автономное от государства, а во многом и антигосударственное или альтернативно государственное движение по обновлению ислама среди татар. То, что Р.Фахретдин и Дж. Валиди были против финансирования татарских медресе из средств земства, ярко говорит об отношении этого движения к государству. Идея о существовании некоего скрытого «союза» татар-мусульман, об упущенном единстве консерваторов и прогрессистов появилась в советское время как в

иммигрантской, так и в советской атеистической среде. Например, у Г.Исхаки и Г.Чыгтая (Гафурова)¹. Эти оба автора развились на османской прогрессивной литературе. Исхаки до революции и Чыгтай в советское время говорят о единстве «джадидов» и «кадимистов» – это общий лагерь узкосословных интересов «Сенного базара». Исхаки часто проговаривает про родственные связи (кода-кодагыйлар) как о принципе организации власти. У Чыгтая приводится множество доказательств. Апофеозом «средневекового кадимизма» им считается женитьба Ишми-ишана на дочери наследников Курсави Гатауллы. «Хусаиния» – новое медресе «старого типа» (о нем критика есть у Г.Исхаки, Чыгтая, Г.-Р.Ибрагима). Как Чыгтай, так и Исхаки видели личности (не комьюнити), которые должны сражаться лично за свои «религиозные права». Оба они критикуют своих соратников – «леваков», то есть некий секулярно-эгалитарный лагерь, который станет после революции основой государства. Исхаки поссорился из-за партийности последних с такими верными соратниками, как Ф.Туктаров, Г.Ибрагимов, Ф.Сайфи-Казанлы и др. Чыгтай, наоборот, видит во всех деятелях дореволюционного социалистического лагеря – Ибрагиме и Умаре Терегуловых (последний был женат на Таибе Камаловой, дочери ишана Мухаммад-Закира Камалова) – «недосоциалистов». Нужно сказать, что и сам же Ибрагим в 1925 г. в крымской газете «Век мусульманства» («Асрый мусульманлык») напишет религиозную статью о мудрости коранических секретов и историй. Таким образом, социалисты были разной степени «традиционности/радикальности». Октябрьская революция разгромила дореволюционное патриархальное отношение представителей разных общественно-политических групп.

Какое же место занимал ислам в позициях представителей «публичной сферы»? По мнению Чыгтая, «джадиды» считают, что они лучше узнали религию, чем не только «кадимисты», но и классические исламские ученые. Сама же мусульманская реакция «подобна хвосту монархической реакции». Исламский клерикал (динче) живет образом многомиллионной уммы, – тем самым сохраняясь в российской монархии на протяжении столетий. «Джадидизм» сам устаревает, так как его представители (Зия Камали и Муса Бигиев) движутся очень медленно. То есть Чыгтая не устраивает уровень привязки к быстротекущей жизни у крайних исламских дореволюционных реформаторов. Гафур Кулахметов, по его наблюдениям, смеется над Судным днем, однако в его поэме «Абдурразак» нет ничего большевистского – только реформизм. Таким образом, в советской пропаганде ислам, «джадидизм» и «кадимизм» объединяются как пережитки эпохи имущественного неравенства. Японский исследователь Норихиро Наганава ссылается на Ибрагима Биккулова, который говорит, что реформа «джадидов» вытеснит из медресе жизнь, сделает их религиозны-

¹ Взгляды последнего мы собрали из его советских книг и журнала «Фэн һәм дин».

ми школами. Биккулов хвастался, что высокий уровень жизни сибирских мусульман позволил им понять негодность «джадитской» реформы мектебов. Но куда клонил Биккулов – в сторону «кадимизма» или социализма? Даже принятие привязки социума ко времени у крайних социалистов было крамольным (что тоже сближает их с «кадимизмом»). Зависимость от времени объединяет Исхаки и Чыгтая (однако, С.Атнагулов называет это «дахрилек» (изменчивость), олицетворяя ее с «джадидами»). Марджани, например, был против существования времени (в объективной реальности). Чыгтай обвиняет Камали в принадлежности к «движениям». Тот у Чыгтая выглядит как воплощение духа «джадидизма» – «знай, что искусственно, но свою религию защищай».

Коммунисты советского времени видели в принадлежности к религии «показную религиозность». Споры Г.Ибрагимова и Г.Исхаки, а затем противоречие Г.Ибрагимова и Г.Губайдуллина на страницах дореволюционной прессы относительно роли ислама, расы, языка, национальной культуры говорят о том, что «вольнодумство» стало рождаться уже до революции. Галимджан Ибрагимов пишет, что использование религии как инструмента не является признаком религиозности (это лишь тактика). Этим (неизвестно в каком плане), по его мнению, занимался Исхаки, написав роман «Инкыйраз». По мнению Чыгтая (в романе «Тутам» («Моя тётя»)) [18], после Октябрьского манифеста прошла мода использования религии как инструмента, даже имамы критиковали «приклеивание» к религии. Фанатизм и неграмотность мулл лишили «тутам» Чыгтая воспитания (то есть между знаниями (светскими) и воспитанием ставится равенство). Улемы занимаются шариатским узаконением нововведений, а также изучением старых «багдадских» фетв. Гали сделал карьеру, став муллой, но это ли ему было нужно изначально? В книге «Жемчужины» («Мэржаннар») Карим Тинчури [30] пишет о некоем исламском казарменном коммунизме в среде дореволюционных татар. Для обязательной пятничной проповеди выделялось три часа. В это время каждый мусульманин должен был ходить в мечеть. Отказывающихся увольняли с фабрики. Также он пишет, что медресе стали выпускать «приказчиков» вместо мулл. Таким образом, советское время породило идею, что религия как институт не имеет отношения к внутренней религиозности – это конвейер.

На понимание религии и религиозности до революции повлияла Первая мировая война. От идеологии «Сенного базара» люди стали отходить только под влиянием войны. То есть общество сплотилось. У Норихиро интерес к войне породил в целом интерес и к просвещению. По мнению Наганавы, крестьяне не боялись, а интеллигенция боялась «русификации». То есть, по мнению современного ученого, это был надуманный, сконструированный страх, придуманный фантазией «богемы». Здесь реальность времени Ш.Марджани проецируется на время рубежа веков, когда опасность русификации стала ощущаться достаточно явленно. Многие извест-

ные общественные деятели не знали родного языка, как издатель «Ахбар» Саид-Гирей Алкин или И.Гаспринский.

Содержание «публичной сферы». Еще одной важной чертой представителя публичной сферы можно считать артикулированность общественно-политической или религиозной позиции. Наличие этой концепции у себя констатировали все три представителя татарской дореволюционной «публичной сферы», однако многие их оппоненты, наоборот, обвиняли их в отсутствии позиции. Видимо, речь шла об эволюции взглядов. Мы получили возможность проследить их целостность только через десятилетия. В данной публикации за основу мы взяли некий четкий тезис – против чего и за что выступал общественный деятель.

А. «Знательное» единобожие². В своей дипломной работе «История Корана и его свитков» М.Бигиев останавливается на главном для верующего. Это улучшение (масляха) в обществе. Самое нужное для этого – стремление к знаниям (изучению и обучению). Оно приближает к улучшению и отдаляет от плохого [15, с.4]. Вот что входит в обязательное обучение своих детей: первоначальная грамотность, основы веры, языки, затем счет, естественные науки, основы религии и литературы, история и т.д. Он пишет о необходимости реформ медресе, где бы преподавались основы религии и прикладных знаний. Приводя в пример Шатыби, мы понимаем, что речь идет о приоритете именно прикладных дисциплин [15, с.7]. Этими последними надо заполнить нишу, занимаемую каламом и философией.

Большое внимание он уделял правильному исчислению времени, календарям. Этому посвящены как минимум две его брошюры.

Приоритет рационального основания над чувствами и действиями можно заметить по отрывку, объясняющему прощение упущений из книги «Взгляд на верования людей в божественное»: «В таком значении истинность каждого верования в божественное должна быть такой же понятной и конкретной, как правила науки фикха. Ибо если по причине существования незначительного оправдания с человека снимается исполнение небольшой обязанности, конечно же, является требованием мудрости. Если же шариат из-за наличия уважительной причины, снимающей с людей ответственность за неисполнение небольших обязанностей, не будет снимать с человека большие и трудные для выполнения предписания при наличии уважительной на то причины, то в этом случае Славный Законодатель лишится какой-либо значимости, тогда как в самом шариате проявятся вопящие непоследовательность и несоответствие» [5, с.18]. Здесь мы должны обратить внимание не на то что, а как утверждает. М.Бигиев

² Основная масса конкретных данных представлена про М.Бигиева. У нас есть отдельные статьи про Г.Исхаки и А.Ибрагимова, которые достаточно раскрывают целостность их общественно-политических взглядов.

полностью полагается на логику, объединяющую большие и малые предписания, и поиск аналогии между основами «акыды» и «фикха», интеллектуальных и телесных недостатков людей. Все это – метод, указывающий на то, что М.Бигиев отдал предпочтение логическому выводу «хукмов». Вопросы незнания «акыды» он сначала сделал «точными», подобно вопросам «фикха», для того чтобы их обесценить. Далее он сравнивает «пророчество» и естественный логический приход к вере, даже до прихода пророков [5, с.21]. Он приводит пример актерской игры пророка Ибрагима, когда тот притворился, что поклоняется небесным светилам, а затем логически их опроверг [5, с.23].

Особенно формула «от поклонения к знанию» проявляется в его «радиях» (опровержениях) З.Камали и Р.Фахретдину. В первом он пишет о том, что в исламе нет «наказания» [4, с.2], тем более за «родителей». «Знание» (ильм) в истинном значении отделяется от его «понимания» (таэвиль) [4, с.20], хотя сам «таэвиль» не является грехом, только если он насильно заменяет «оригинал». Далее он пишет, что «свобода» (хуррият) привела к замене «обязанности», «необходимости» [4, с.70]. Даже у всех чудес должна быть необходимость [4, с.71]. Но «миградж» был телесным. Если мы скажем иначе, то это будет преступление по отношению к избранности (шараф) знания [4, с.80]. Он называет себя «переводчиком саяфов», а не реформатором. «Муляхазу» (критику Р.Фахретдина) он начинает с критики «рационализма». Думаю, важным можно считать следующую мысль: «Те вещи, которые под названием веры внушаются в умы наших детей в мектебах и медресе, несут ли в себе значимость в той степени, которая позволит им стать непоколебимой основой человеческой жизни?» [9, с.36]. То есть Бигиев ищет некую идею, без которой человечество и отдельный человек не могли бы обойтись. То есть не нечто дополнительное к жизни, как «поклонение» или «вера» и «ахляк», а знание, исходящее из позиции, а затем из логики человека (в данном случае – автора).

В книге про безграничность божественного милосердия Бигиев рассуждает о превосходстве «прощения» над «гневом» у Всевышнего [7, с.31]. Считает, что противоположности превосходства верующих надуманы. Но он берет только «позитивные» аяты, не упоминая о наказаниях в других аятах. Даже известный аят про то, что «милосердие все превосходит», в самом тексте Священной книги начинается описанием мучения грешников (Коран, 7:156). Но он сразу обезоруживает оппонентов тем, что не нужно применять «таэвиль». То есть, сохраняя священный текст неприкосновенным, мы сами держим себя в рамках мирской, «оптимистичной» составляющей человеческого существования.

Говоря о халяльности пищи в книге «Трапеза», он исходит из природности, приводя такие ее качества, как чистота, польза и безвредность [16, с.44]. Для него «запретность» является неотъемлемым качеством (например, свинина) [16, с.82]. Запрет – это исключение [16, с.89–90]. Если кто-либо съест, то Аллах прощающий...

Почему нельзя кремировать трупы? Так как это лишение мертвого своего «жилища», то есть подобно изгнанию из своей квартиры [14, с.7]. Кремация в индуизме является формой «поклонения». Но в будущем, когда численность населения будет большой, то кремация решит проблему [14, с.23].

Он согласен, что все опьяняющее запретно (харам), уходя в терминологию и считая, что «сакар» – это сок, а «мускир» – опьяняющее. Но он предпочитает общее наименование, а не частности. Почти половина книги посвящена наблюдаемым негативным результатам опьянения [10].

Для веры важным фактором выступает «социальная полезность» [11, с.91]. В основе шариата – 6 целей [11, с.31]. В «Муляхазе» он пишет, что шариат – это действия. Они везде одинаковы. Поэтому не надо их объединять с акыдой и ахляком, которые различаются [9, с.11]. Уже здесь он называет Ахмад-Хади Максуди представителем «Печян базарь» («Сенного базара») [9, с.52]. Г.Исхаки будет тоже придерживаться этого отношения.

В книге «Основы шариата» он пишет комплиментарно идее «милли намаза» Гаяза Исхаки [13, с.47] о «приветствии общине» в тексте «намазов» и о том, что у всей уммы не может быть не принят «намаз». Здесь он говорит, что первым принципом веры является знание, «достаточное для знания своих прав и обязанностей». Вера – это достоверное знание (якыйн) [13, с.75].

Стихи – это искусство, доведенное до совершенства, а значит и знание [6, с.15]. Главным же признаком знания является его обоснованность. Его нельзя не принимать во внимание при выводе всех умозаключений [6, с.22–23]. В науке – это подтверждение на практике, опыт, а в «вероучении» – несомненный смысл [6, с.21]. «Ахад хадисы» (не абсолютно достоверные) не обозначают безусловную истину [6, с.26]. Здесь же он показывает себя сторонником общих правил (что ближе к ашаризму, а не к матуридизму) и дедукции [6, с.29–30]. Но одновременно считает человеческую культуру частью шариата [6, с.29]. Таким образом, описывая суть «знания» перед утверждением важности рациональности (акл), просвещения, практики, образования и т.д., Бигиев показывает его концептуальную значимость.

Сунна для него по «Китаб ас-сунна» понимается как возможность донесения истины Пророка в противовес «джихаду» и т.д. То есть это для него лишь форма, механизм, содержание которого менее важно, чем сама форма передачи информации через столетия. Это ему дает возможность посвятить много страниц критике убийства и джихада. Сунна сахабов времени праведных халифов является доводом в акыде, особенно если она полезна для социальной жизни [8, с.32]. Далее он пишет, что знание полностью отчуждено от личности, ее разума и чувств [8, с.53]. Рациональность (акл) же расширяет только знания, а не доказательства [8, с.57]. Она чуть выше чувств. Но высшее знание приходит с верой (тасдыйк) [8, с.59]. Коран не создан, как и все другие сыйфаты [8, с.68]. Некоторые могут по-

нять больше Коран, а некоторые – меньше (у кого нет способностей) [8, с.72]. В Коране на маленьких примерах подтверждается большая норма [8, с.73]. «Иджма» (коллективное решение) портит смысл божественных текстов, приводит к доминированию страстей. Для него согласие ученых в принципе невозможно [8, с.80]. Таким образом, «иджма» не может быть обязательной. «Кыяс» факихов простой [8, с.83]. Необходимость выше любого «кыяса» [8, с.87]. Истихсан – предпочтение конкретики, даже противоречащей общему [8, с.90–91]. Девятый и десятый виды «кыяса» – социальные выводы хукмов. Пример применения этих видов – книги «Мустасфа» Газали и «Муафакат» Шатыби [8, с.91].

В конце книги М.Бигиев «делает реверанс» в пользу «иррационализма». Автор ограничивает рационализм, говоря, что он только может показать негативность тех или иных поступков [8, с.93]. Но у этого механизма нет права создавать исламские нормы (ляйса ляху хукм аслан) [8, с.94], он может только их выполнять. Но ашариты считают, что хорошее и плохое ведет его к способности судить. В отличие от него, сира (пример из жизни Пророка) является доводом [8, с.95]. Он выступает против сакрализации отдельных личностей, считая, что Умма в своей целостности более чиста, чем отдельный праведник [8, с.110]. «Хадисы ахад» являются базой для норм. Когда-то они могут стать обязательными. Однако более важным является «дух ислама» (рух ул-ислам), то есть достижения науки и культуры. Именно это сделает Умму сильной.

Книга «Фикх ал-Куран» (1915) принижает религиозную практику, привязывая ее к значению выражений только первой суры Корана «Фатиhi» и нескольких аятов «Бакары». Это коррелирует с принципом М.Бигиева по предпочтению общих правил над конкретикой, но слишком обобщает (и тем самым искажает) конкретные действия. Ведется теоретизирование о том, что поклонение может быть «за» (благодать) или «против» (наказания) [17, с.8]. Не на всех, кто в заблуждении, лежит гнев Аллаха [17, с.18]. Если только не знаешь правду и делаешь ей назло. Без веры нет смысла от действий (амал) [17, с.25]. Немного место уделяется прямо поклонению. Признаком искренности имана объявляется выполненный намаз. Сердце останется живым с духом поклонения (рух ал-ибада). Но в следующем абзаце вновь ведется теоретизирование на тему того, что намаз в своей основе – обращение к Создателю [17, с.26]. «Намаз – основа религии и дух ислама» [17, с.27].

Переходим к кульминации отношения М.Бигиева к фикху. Соотношение теории и практики очень рельефно отображает книга «Пост в длинные дни». Здесь он сразу в одном ряду пишет, что намаз и пост нужны для возвышения пророчества и воспитания гуманизма (тазхиб инсаний) [12, с.2]. В последнем случае дозволено облегчение. Конечно, здесь он противоречит необходимости, о которой писал в «Китаб ас-сунна». Далее автор признает допустимость «кыяса», но не в сторону ужесточения норм, а облегчения [12, с.7]. То есть научнообразно потворствует желаниям «нафса». Главным оппо-

нением «облегчения» почему-то объявляется «такълид». То есть в попытке развития, процветания человечества можно «ужать» религию. Он спрашивает: разве тафсир Корана это не попытка облегчения? [12, с.23]. Здесь он связывает две проблемы: пост в отсутствие ночи и пятую молитву, считая, что по первой до сих пор ответ не дан [12, с.14]. В книгах по фикху якобы этот вопрос тоже обходится стороной. Он же будет опираться на допустимость облегчения поста из-за божественной милости [12, с.15]. В вопросе пяти намазов он следует Марджани [12, с.32]. Но возможность облегчения тоже в этом «достраивании» движения солнца... Он не отступает от «буквы», отрицает связь с землей, как Курсави и Марджани, в независимости чтения намаза от сопутствующих природных условий. В Финляндии он тоже думает не только об отсутствии ночи, но и о необходимости намазов: утреннего, вечернего и ночного [12, с.39]. Далее он критикует поклонение солнцу. Только Аби Ханифа сказал, что есть время, когда дополнительные намазы читать нежелательно [12, с.54]. Факихи запрещали из-за путаницы с «фарзами» (обязательными намазами) в свое время. Бигиев задает риторический вопрос – не лучше ли поклоняться «народу», нежели природе [12, с.55]? Короче говоря, следующий шаг после этих утверждений – перестать привязывать намаз ко времени и поставить гуманизм, а не законы природы на первое место по целям поклонения [12, с.56].

Далее, говоря о намазе, он пишет, что «благодарность» Всевышнему заложена в природе живых существ. Он демонтирует виды поклонения [12, с.57]. Если у поклонения нет «духа» (рух), то у него нет смысла, пишет он [12, с.59]. Самый лучший «ибадат» – «очищение морали» [12, с.60]. Разделение намазов по времени – для облегчения. Другого смысла этого нет [12, с.62]. Солнце тоже здесь ни при чем. Человечество как единую Умму разделили социальные отношения [12, с.69]. Он утверждает, что хадис о даджале, когда время будет условно, отображает отношение ислама ко времени [12, с.71]. Соглашаясь, что пост в Рамазан и пять намазов – это обязательные основы ислама, он пишет, что время для них не имеет значения. Ураза без улучшения морали и очищения не будет как «хадж» (нахождение телом) [12, с.74]. Далее он говорит, что послабления в посте не могут быть связаны с местом и временем. В Рамазан, по его мнению, некоторые места на земле остаются полностью «бесправными», сильно требующими от людей выдержки [12, с.79]. Он пишет, что неуравновешенные по времени дня и ночи земли не пригодны для проживания, нельзя по ним ориентироваться [12, с.81]. Также весь месяц держать не обязательно [12, с.83]. В отличие от еврейского поста, мусульманин учится не контролировать «страсти» (шахват), но давать свободу своей воле [12, с.90]. Почему воля? Из-за аята про Абу Ляхаба, который сознательно решил остаться «неверным» [12, с.97]. То есть опять теоретизация в ущерб действиям... В холодных регионах «аям магдуда» [12, с.91], то есть можно держать «считанные дни». Если сложно держать, то это уже перестает быть «ибадатом» [12, с.94]. Нет никакого смысла от трудностей поста [12,

с.123]. «Развенчав основы предначертания судьбы (такъдира), в этих (холодных. – *Д.Р.*) землях была доказана необязательность держания поста» [12, с.179]. Если сложно или болеешь, то можно платить «фидия» [12, с.180]. Если же в Рамазан, но не можешь, то пост пропадает. Его не нужно держать в другое время или платить фидию [12, с.180].

Б. «Милли намаз». Данный образ связан с известным писателем и общественным деятелем Гаязом Исхаки. Лозунг его «публичной сферы» можно обозначить как «от самодержавия (неравенства) к нации (равенству)». Попробуем вкратце проследить эволюцию понимания эмансипации и равенства народов в его публицистических произведениях и личных документах. В шестом томе собрания сочинений Г. Исхаки собраны статьи до 1915 г. С самого начала он выступает за движение в сторону равенства. Над национальным стоит имущественное неравенство, а над ним – политическое. Коллективное религиозное угнетение для него не актуально – если это начнется, то надо будет спасаться индивидуально в прямом смысле [19, с.33]. Себя он позиционирует как «социалист-автономист» [19, с.29]. Главным врагом объявляет бюрократию, в том числе религиозную. Религия также служит их интересам [19, с.53]. На их стороне и либеральная прослойка, которую он объединяет как «таджвидисты» (тэжвидчелэр) [19, с.104–105] и «Мусульманский союз» (т.е. «Иттифак ал-муслимин». – *Д.Г.*) [19, с.115]. Он призывает к единству татарских и русских рабочих [19, с.98]. Критикует засилье мусульманских книг, газет и ишанов. В 1915 г. (7-й том) начинает пробуждаться национальная тематика. Он пишет, что Первая мировая война отодвинула национальные, культурные и религиозные вопросы на второй план [20, с.9]. Он задумывается о возможностях повышения религиозности, например, с помощью отмечания «маулида» [20, с.13], повышения внимания к мусульманским ценностям, важности ахляка, возможностям «кадимизма» для слома бюрократического режима [20, с.57]. Он обвиняет русское востоковедение в «ориентализме» в виде отсутствия интереса [20, с.58]. Он называет «российский ислам» мумией [20, с.63]. Изучает политические преграды, разделяющие мусульман [20, с.84–90], то есть почти доходит до «панисламизма». Однако он одновременно обвиняет партию «Иттифак» в малодушии – участие во власти не позволяет ей строго держаться исламских норм [20, с.91–93]. То есть за год он явно переходит от социального к религиозному единству. С 1916 г. он начинает осознавать свои перегибы в отношении религии. Он пишет, что когда он стал трогать веру, то все стали ему врагами [21, с.26]. Джамал Валиди пишет, что Исхаки нужна была революция сознания, так как прогресс у татар оказался только внешним. Шакирды не бросили заниматься схоластикой и т.д. [21, с.124]. В 1917 г. он заявляет, что, несмотря на соглашение власти и татарской элиты в прошлом, первая сделала мусульманское учреждение «игрушкой канцелярий государственных учреждений» [22, с.8]. У него более четко оформляется дихотомия «ислам-

государство» [22, с.37–39]. В исламе он видел не «настоящее», а протестный потенциал для будущего. «Государственничество» татар он называет «хулиганством». Казанские мусульмане должны взять власть в свои руки [22, с.253]. Уже в советское время он пишет, что «мусульманские комитеты» совсем не фанатичные, то есть их ислам не стал частью национальной идеологии [23, с.145]. Таким образом, он констатирует, что ислам остался некоей «субкультурой». Но Г.Исхаки выбирает этот ислам, пишет, что религия спасла народ [23, с.160]. Он начинает искать положительные моменты ОМДС. Пишет, что эта организация была некоей крышей татаро-мусульманских купцов, что стало проблемой для конкурентов. Упоминает о важности сети медресе, даже связанной с «кадимизмом» [23, с.468–469]. Пишет о том, что татарские советские муллы покаялись в приравнивании «Капитала» Маркса и Корана [23, с.99].

По публикационной активности создается впечатление, что в иммиграции он возвратился к самым ранним взглядам, в которых религия ассоциируется с чем-то продажным, инструментальным. Через это понимание он критикует Абдуррашида Ибрагимов и других «клерикалов» [24, с.89, 154]. Они обвиняются в «торговле религией». В этом смысле он рассматривает догму марксизма как вид религии [25, с.31], но противоположную истинной. Что же у него за религия? Он пишет, что основа его деятельности – «милли иман» (национальная вера) [25, с.284]. Однако это и не секта. Так, он не принимает желание М.Бигиева перевести Коран [27, с.22]. У него не возникает общение с Ахматзаки Валиди, который выбрал союз с «востоковедами» [26, с.246]. В конце жизни он татарских мулл ставит выше идеологии «джадидизма» [28, с.46].

В. «Савад иман». Абдуррашид Ибрагимов является олицетворением российской ветви мирового «панисламизма», хотя, помимо этой очевидно главной идеи, у него были и менее центральные – российский патриотизм, социализм, паназиатизм, османоцентризм и т.д. Главной его идеей было торжество ислама, движение от «русификации» и «христианизации» к исламу. Именно она стала его «визитной карточкой». Однако, подобно нашим предыдущим героям, он использовал ислам как инструмент противостояния врагам – колониализму, диктатуре и «неверным» религиям. Однако его нельзя причислить и к ортодоксам, так как он очень равнодушно относился к вероучению – главной части любой религии. Основными элементами его «панисламского» проекта (по объединению всех мусульман) являются следующие: борьба с христианскими миссионерами, распространение ислама в Азии и «джихад» Османской империи против европейских агрессоров. С течением времени (это первая четверть двадцатого века), как и у вышеописанных коллег, у него происходит эволюция в сторону большей ортодоксии и религиозности. Нужно сказать, что А.Ибрагимов унаследовал у «джадидов» рациональное обоснование всех элементов религии. Если он не находил практической необходимости в них, то он их исключал очень легко. Как многие из коллег, он руководствовался

ся необходимостью. Сам он с комфортом остался бы на уровне религиозных наук, но время заставило его выйти из «зоны комфорта». Главная его идея – интерактивный мусульманский мир, коллективно решающий свои проблемы, активно развивающий технологии, должен стать мировым лидером. Свою же задачу он видел больше на низовом уровне – мусульмане в разных частях Земли должны были быть «правильными» мусульманами. Речь идет о первоначальной религиозной грамоте, которой не хватало многим мусульманам периферии. Он был представителем исламского «мейнстрима». В отличие от Г.Исхаки, поддерживающего «плебс» (гавам), он солидаризуется с М.Бигиевым, который был на стороне крупных купцов, являющихся традиционной опорой махалли.

Выводы. Итак, публичность татар не обязательно связана с легитимизацией властью. Татары и ислам не имеют «политическую субъектность» в России с XVI в. За пять столетий к началу XX в. у татар появилась сильная бюрократизированная прослойка. Остальная масса татар не знала даже общегосударственного языка. Неудивительно, что для многих представителей интеллигенции более важными были взаимоотношения с единоверцами за границей, чем с соседями «по жизни». Время Ш.Марджани (сер. XIX в.) обозначило период институционализированности татар. Последующая политика русификации привела к созданию культурной «дихотомии» татарского общества относительно прогресса. Появились «джадиды», имевшие серьезные связи в русском культурном сегменте. На наш взгляд, эта самоорганизация и «примыкаемость» не могли не «возвысить» голоса отдельных личностей, которые предлагали собственные проекты по созданию «правильного» общества. Из-за своего нонконформизма все эти «разрозненные» голоса оказались за рубежом – победила государственная бюрократия, институты. Помешала ли господству их идей сложившаяся атеистическая система? На наш взгляд, нет. Даже в советское время идеи Бигиева были на пике популярности. Г.Исхаки стал эпонимом «азатлык» (идеи суверенитета) в 90-е гг. Абдурашид Ибрагим, на наш взгляд, продолжает оставаться главным татарским политиком за все время Новейшей истории ислама в России. Эти личности стали не менее важными факторами создания современной татарской нации, чем обязательное среднее образование или отделение религии от государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Garipova R.* Transformation of the Ulama and Shari'a in the. Volga-Ural Muslim Community under Russian Imperial Rule: PhD Diss. Princeton. Univ., 2013. 338 p.
2. *Salvatore A.* The Public Sphere: Liberal Modernity, Catholicism, Islam. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 293 p.
3. *Барينو́ва М.А., Макси́менко С.Т.* Римское частное право: учебное пособие для ВУЗов. М.: Юстицинформ, 2006. 208 с.
4. *Бигиев М.* Бөек мәүзугларда уфак фикерләp. СПб., 1914. 112 б.

5. *Бигиев М.* Взгляд на верования людей в божественное. М.: ИД «Медина», 2022. 64 с.
6. *Бигиев М.* Гарәп әдәбияты һәм ислам фәннәре. Казан: Иман, 2000. 127 б.
7. *Бигиев М.* Доказательства божьей милости. М.: ИД «Медина», 2022. 160 с.
8. *Бигиев М.* Китаб ас-сунна. Бхопал, Индия, 1945. 128 с.
9. *Бигиев М.* Муляхаза. Петроград, 1914. 56 б.
10. *Бигиев М.* Мускират: проблема опьяняющих напитков с точки зрения исламского шариата. М.: ИД «Медина», 2022. 160 с.
11. *Бигиев М.* Некоторые актуальные проблемы нашего общества. М.: ИД «Медина», 2022. 200 с.
12. *Бигиев М.* Озын көннәрдә рузә. Казан: Умид, 1911. 204 б.
13. *Бигиев М.* Основы шариата. М.: ИД «Медина», 2022. 192 с.
14. *Бигиев М.* Проблема кремации, озвученная в Государственной Думе. М.: ИД «Медина», 2022. 64 с.
15. *Бигиев М.* Тарих ал-Куран ва-л-масахиф. СПб., 1905. 38 с.
16. *Бигиев М.* Трапеза. М.: ИД «Медина», 2022. 132 с.
17. *Бигиев М.* Фикх ал-Куран. Петроград, 1915. 32 б.
18. *Гафуров-Чыгытай Г.* Сайланма әсәрләр. Казан: Ихлас, 2013. 528 б.
19. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.6. Публицистика һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре (1902–1914). Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 447 б.
20. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.7: Публицистика (1915–1916). Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 365 б.
21. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.8: Г.Исхакыйның тормышы һәм ижаты турында замандашлары (1898–1917). Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 489 б.
22. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.9: Публицистика (1917–1926). Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 414 б.
23. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.10: Публицистика (1928–1933). Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 527 б.
24. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.11: Публицистика (1934–1936). Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 398 б.
25. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.12: Публицистика (1937–1938). Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 470 б.
26. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.13: Публицистика (1939–1954). Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 335 б.
27. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.14: Хатлар һәм автобиографик язмалар (1902–1954). Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 478 б.
28. *Исхакый Г.* Әсәрләр. Т.15: Гаяз Исхакыйның тормышы һәм ижаты турында истәлекләр һәм мәкаләләр (1923–1990). Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 526 б.
29. *Схиммельпунник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 419 с.
30. *Тинчурин К.* Мәржаннар. Казан: Иман, 2010. 163 б.
31. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. 344 с.

Информация об авторе:

Гильмутдинов Данияр Рустамович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1838-9870; e-mail: ascoldan@gmail.com

Поступила 26.02.2024

Принята к публикации 28.04.2024

Between the "state religion" press machine and the "Hay Bazaar " press:
the public sphere of Muslims in Central Russia
in the pre-revolutionary period

D.R. Gilmutdinov

*Center for Islamic Studies
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the phenomenon of the "public sphere" among Muslim Tatars before the October Socialist Revolution. The theoretical content of this term in domestic and foreign humanities is revealed, in relation to the Muslim, as well as the Tatar pre-revolutionary world is revealed. Based on the definition of sociologist Armando Salvatore, the individuals who construct this sphere are proposed. Their views are analyzed based on the entire amount of their written and published works. The similarity of views of the actors' views to each other is shown. The uniqueness and self-sufficiency of their views is proved. The "public sphere" they constitute is based on an understanding of justice (in a more religious sense) and articulation (consistency and clearly defined) position. For Musa Bigiev, the theological shift took place according to the formula "from worship to knowledge", that is, the de-actualization of religious practice in favor of speculative ideas and internal concepts and values. Gayaz Ishaki fought against oppression, prioritizing the slogans of "equality" and emancipation (increasingly collective). The famous politician Abdurrashid Ibragimov believed that Islam was the best and strongest worldview in the conditions of colonialism. Relying on it, Muslims cannot fail to defeat injustice, both socio-political and ontological.

Keywords: public sphere, "state religion", "Hay Bazaar", Muslim minority, Islamic discourse in Russia and the USSR

For citation: Gilmutdinov D.R. Between the "state religion" press machine and the "Hay Bazaar" press: the public sphere of Muslims in Central Russia in the pre-revolutionary period. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.25–44. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.25-44> (In Russian)

REFERENCES

1. Garipova R. *Transformation of the Ulama and Shari'a in the Volga-Ural Muslim Community under Russian Imperial Rule*: PhD Diss. Princeton. Univ., 2013. 338 p. (In English)
2. Salvatore A. *The Public Sphere: Liberal Modernity, Catholicism, Islam*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 293 p. (In English)
3. Barinova M.A., Maksimenko S.T. *Roman private law: a textbook for universities*. Moscow: Justitsinform Publ., 2006. 208 p. (In Russian)
4. Bigiev M. *Small thoughts about big problems*. St. Petersburg, 1914. 112 p. (In Tatar)
5. Bigiev M. *A look at people's beliefs in the divine*. Moscow: Medina Publ., 2022. 64 p. (In Russian)
6. Bigiev M. *Arabic-language literature and Islamic sciences*. Kazan: Iman Publ., 2000. 127 p. (In Tatar)
7. Bigiev M. *Proofs of God's mercy*. Moscow: Medina Publ., 2022. 160 p. (In Russian)
8. Bigiev M. *Kitab as-sunna*. Bhopal, India, 1945. 128 p. (In Arabic)
9. Bigiev M. *Deep reflection*. Petrograd, 1914. 56 p. (In Tatar)
10. Bigiev M. *Muscirat: the problem of intoxicating drinks from the point of view of Islamic Sharia*. Moscow: Medina Publ., 2022. 160 p. (In Russian)
11. Bigiev M. *Some actual problems of our society*. Moscow: Medina Publ., 2022. 200 p. (In Russian)
12. Bigiev M. *Fasting on long days*. Kazan: Umid Publ., 1911. 204 p. (In Tatar)
13. Bigiev M. *Fundamentals of Sharia*. Moscow: Medina Publ., 2022. 192 p. (In Russia)
14. Bigiev M. *The problem of cremation, voiced in the State Duma*. Moscow: Medina Publ., 2022. 64 p. (In Russian)
15. Bigiev M. *Tarikh al-Kuran va-l-masahif*. St. Petersburg, 1905. 38 p. (In Arabic)
16. Bigiev M. *Meal*. Moscow: Medina Publ., 2022. 132 p. (In Russia)
17. Bigiev M. *Understanding the Koran*. Petrograd. 1915, 32 p. (In Tatar)
18. Gafurov-Chygtay G. *Selected works*. Kazan: Ikhlas Publ., 2013. 528 p. (In Tatar)
19. Iskhaky G. *Works*. Vol.6. Journalism and articles on literary criticism (1902–1914). Kazan: Tatar book Publ., 2005. 447 p. (In Tatar)
20. Iskhaky G. *Works*. Vol.7. Journalism (1915–1916). Kazan: Tatar book Publ., 2008. 365 p. (In Tatar)
21. Iskhakiy G. *Works*. Vol.8. Contemporaries of G. Iskhaki about his life and work (1898–1917). Kazan: Tatar book Publ. 489 p. (In Tatar)
22. Iskhaky G. *Works*. Vol.9. Journalism (1917–1926). Kazan: Tatar book Publ., 2012. 414 p. (In Tatar)
23. Iskhaky G. *Works*. Vol.10. Journalism (1928–1933). Kazan: Tatar book Publ., 2013. 527 p. (In Tatar)
24. Iskhaky G. *Works*. Vol.11. Journalism (1934–1936). Kazan: Tatar book Publ., 2011. 398 p. (In Tatar)
25. Iskhaky G. *Works*. Vol.12. Journalism (1937–1938). Kazan: Tatar book Publ., 2012. 470 p. (In Tatar)

26. Iskhaky G. *Works*. Vol.13. Journalism (1939–1954). Kazan: Tatar book Publ., 2013. 335 p. (In Tatar)

27. Iskhaky G. *Works*. Vol.14. Letters and autobiographical notes (1902–1954). Kazan: Tatar book Publ., 2013. 478 p. (In Tatar)

28. Iskhakiy G. *Works*. Vol.15. Memoirs and articles about the life and work of Gayaz Iskhaki (1923–1990). Kazan: Tatar book Publ., 2014. 526 p. (In Tatar)

29. Schemmelpunnink van der Oye D. *Towards the Rising sun: how imperial myth-making led Russia to war with Japan*. Moscow: New Literary Review, 2009. 419 p. (In Russian)

30. Tinchurin K. *Scatterings of memories*. Kazan: Iman Publ., 2010. 163 p. (In Tatar)

31. Habermas Yu. *Structural change in the public sphere: a study on the category of bourgeois society*. Moscow: Whole World Publ., 2016. 344 p. (In Russia)

About the author:

Gilmudinov Daniyar Rustamovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1838-9870; e-mail: ascoldan@gmail.com

Received February 26, 2024

Accepted for publication April 28, 2024

УДК 378.09(091)(470.41-25)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.45-58>

Традиционные религиозные взгляды мусульман и кадимизм в начале XX в.

Н.К. Гарипов

*Российский исламский институт
Казанский исламский университет
Казанская духовная семинария
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена традиционным религиозным взглядам мусульман в начале XX в. Автор попытался рассмотреть представленную тему в историческом ключе и передать основные понятия через призму современных дискуссий, которые заданы как наследием советского прошлого, так и современными идеологиями, доминирующими в научном сообществе. Даны основные понятия, которые объяснить с точки зрения мусульманского мировоззрения. Представлена попытка объяснить разницу взглядов на религиозные традиции сторонников модернизма и традиционализма. Рассмотрены методы научного познания среди сторонников религиозного традиционализма. Традиционализм на сегодняшний день практически подвергается только критическому анализу. Таким образом, в некоторых исследованиях нет объективности в научных результатах. Обозначены перспективы развития традиционных взглядов мусульман в современных условиях существования религиозных общин. Предприняты и намечены пути решения проблем изучения религиозной традиции народов Поволжья и Приуралья. Поднята актуальность изучения истории быта и современной культуры народов.

Ключевые слова: мусульмане, мировоззрение, традиции, ақыда, кадимизм, джадидизм

Для цитирования: Гарипов Н.К. Традиционные религиозные взгляды мусульман и кадимизм в начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.45–58. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.45-58>

Современный мир полон разных религиозных течений, как традиционных общемировых, так и новых местного и локального уровня. Для предков татарского и башкирского народов Волго-Уральского региона начиная примерно с VIII в. основной религией становится Ислам [14, с.56]. Когда мы говорим о традиционном исламе, ученые подразумевают, прежде всего, религиозное вероучение и религиозно-правовую школу, которая распространилась вместе с расширением ислама среди народов Волго-Уральского региона [18, с.16–17]. Проходит определенное время, и ис-

лам стал настолько широко распространен в регионе, что сегодня практически невозможно определить, насколько эти классические и местные традиции переплетены.

1. Традиционные взгляды мусульман Поволжья.

А. По мнению большинства ученых, ислам в Поволжье распространился в глубокой древности. Если доверять сведениям, изложенным в работах – «Таварихе Булгария», которая была написана Шарафетдином Муслими, и «Тарих нама-и Булгар» Таджеддина Ялчыгула, в 9 году хиджры пророк Мухаммад¹, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, отправил в далекие края своих сподвижников. Из них трое были отправлены к царю булгар. Их целью было распространение ислама среди местных народов. Часть историков эту историю считают мифом (такое отношение к данным событиям сформировалось еще в XIX в.), к последним относятся такие известные историки, как Ш.Марджани, М.Гусманов и др.

Ш.Марджани находился под сильным влиянием русской исторической школы. При этом он не отрицал возможности принятия булгарами ислама от сподвижников пророка Мухаммада, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха. По его мнению, булгары в это время обитали на территории Северного Причерноморья, Приазовья и Северного Кавказа [10, с.65–66]. Согласно византийским источникам, хан Кубрат принял христианство и византийский император Ираклий удостоил его сана Патрикия [12, с.161], также возможно, что какая-то часть булгарских племен могла принять ислам.

Одна из первых мечетей, которая была построена на территории Волжской Булгарии, относится к IX в. Датировали археологический памятник еще советские археологи в 70-е гг. Также можно отметить о многочисленных захоронениях, которые находятся на территории всего Поволжья [15, с.55].

По мнению другой группы историков, которые в основном относятся к советской исторической школе, ислам у булгар распространился позже через купцов Средней Азии. В первую очередь на этот факт указывает приверженность местных мусульман ханафитской религиозно-правовой школе. На наш взгляд, в X в. в Волжской Булгарии среди мусульман уже распространилась ханафитская религиозно-правовой школа, так как Среднее Поволжье издревле было связано торговыми отношениями со многими регионами Средней Азии, где доминировал ханафитский мазхаб в Исламе. Как известно, на Северном Кавказе в основном были распространены ислам шафиитского мазхаба [1, с.100]. В этой полемике нет единого мнения, все правы по-своему. Поэтому лучше придерживаться золотой середины. И то, и другое мнение имеет право на существование. У ученых пока нет

¹ После имени пророка Мухаммада по традиции мусульманского вероучения дополняется благословение Всевышнего Аллаха.

всего комплекса исторических источников, которые полностью доказали бы какую-либо точку зрения.

Тем не менее, если учитывать мнение археологов и раннебулгарскую архитектуру, а также массовые мусульманские захоронения, то мы больше придерживаемся точки зрения, что ислам распространился среди болгар в ранний период. Тем более, сегодня есть факты, которые говорят о том, что на Дунай пришли также болгары, которые уже исповедовали ислам. А это, по крайней мере, как минимум VIII в. [17, с.124].

Таким образом, мы должны констатировать, что в Волжской Булгарии уже в VIII в. ислам был распространен. Об этом свидетельствует наличие соборной мечети в Биляре и многочисленные мусульманские захоронения, относящиеся к этому периоду.

Б. В Поволжье наибольшее распространение получила религиозно-правовая школа в исламе Абу Ханифы. В современном мусульманском мире существует четыре традиционные религиозно-правовые школы (мазхабы). Самая распространенная школа – это школа Абу Ханифы. И как свидетельствует секретарь посольства халифа в Волжскую Булгарию Ибн Фадлан, в X в. этот мазхаб уже был распространен среди болгар. Учение Абу Ханифы предусматривает рассмотрение религиозного вопроса через два основных источника. Священный Коран и Сунна пророка Мухаммада, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха. К этим двум источникам, согласно мазхабу, добавлен кьяс, суждение признанных ученых современности и признание местных обычаев и обрядов, если они не противоречат нормам шариата [5, с.68]. Такой гибкий подход к народным обычаям в данном мазхабе позволил широко распространиться исламу среди многих тюркских (и в первую очередь среди болгарских) племен. Обоснованием для подобного решения стало то, что ислам изначально и последовательно трактует свое учение как единственное ниспосланное от Всевышнего Аллаха и искаженное в предыдущих верованиях, в том числе и в местных верованиях. Мусульмане считают, что всем народам были ниспосланы пророки и посланники Всевышнего Аллаха, которые каждому народу племени ниспосылали ислам. Только пророк Мухаммад, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, был ниспослан для всего мира и для всех народов. Последний пророк Мухаммад, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, своим пророчеством объединяет всех пророков и заканчивает пророчество до Судного дня. В Священном Коране сказано: «Мухаммад – не отец кому-либо из ваших мужей, но он – Посланник Аллаха и Печать Пророков» (33:40) [8, с.354]. Поэтому мусульмане всегда признавали собственные народные обычаи как часть шариата и никогда их не считали нововведением.

В. Другой аспект Ислама – это верование или части учения о догматах веры. После смерти пророка Мухаммада, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха, появилось множество различных течений, религиозных сект, которые стали в фривольной форме трактовать аяты Священно-

го Корана и Сунны Пророка, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха. Некоторые из этих сект стали весьма популярными, такие как, например, хариджиты. Сегодня их именуют ваххабитами, сами себя они называют «салафитами». Мусульмане, полемизируя с сектантами, создали новую науку – науку о вероучении, или Акыйда. Одним из таких известных апологетов мусульман стал Матуриди [22, с.3]. Его кредо представлено в нескольких работах. Самым известным и распространенным можно назвать книгу «Китаб ат-Таухид» (Книга единобожия). В этом вероучении дается объяснение сущности Всевышнего Аллаха и его творений.

Среди мусульман Поволжья до начала XX в. во многих учебных заведениях преподавалось только матуридитское вероучение. Согласно большинству исторических источников, концепция матуридитского вероучения была частью ханафитской правовой школы. Как пишет современный исследователь Д.Шагавиев, есть три интерпретации известной работы Абу Ханифы «Фикх аль-Акбар» [18, с.36–38], одна из них относится к творчеству Абу Мансура Аль-Матуриди.

Местные религиозные традиции имеют глубокие корни. По мнению некоторых историков, многие из них были известны у предков тюркских народов, например, у хуннов. К таким, например, относятся поминальные обряды. В свое время Н.Катанов изучил вопрос о поминальных обрядах у древних тюркских народов и пришел к выводу, что они имеют древние и общие корни [7, с.140–141]. На сегодняшний день в большинстве своем этнографы приписывают появление народных традиций к языческому периоду и практически не изучают глубинный смысл обрядов. Такой подход приводит к поверхностным результатам. Таким образом, языческие традиции выдают за особую форму суфизма, а суфийские традиции – как наследие язычества. Последнее особенно выгодно современным противникам традиционного ислама.

Ислам – это, прежде всего, вера, связанная с практикой. Поклонение Всевышнему Аллаху регламентировано, но поминание Его регламентировано нашей жизнедеятельностью. Поэтому выделять отдельные элементы в качестве поклонения является ошибкой современных исследователей, что может привести к искаженным и упрощенным выводам.

Таким образом, ислам в Поволжье и Приуралье проник рано. По данным советских археологов, есть масса археологических находок, которые об этом свидетельствуют. Достаточно давно, примерно в IX–X вв., была основана религиозно-правовая школа Имама Абу Ханифы. Также давно установилась школа вероубеждения Матуриди в Волго-Уральском регионе. Народные традиции, которые имеют древние корни и не противоречат шариату, были признаны местными учеными и дошли до наших дней. В советское время, по мнению Валиуллы Якупова, известного татарского общественного и религиозного деятеля, именно религиозные традиции помогли сохранить ислам в татарском и башкирском обществах [21, с.3–7].

Любая традиция, которая сохраняется в народной культуре, в том числе и религиозная, имеет глубокие корни. В случае, например, с поминальными обрядами мы можем привести в качестве довода, что у всех тюркоязычных племен эта традиция существовала именно в том виде, в котором дошла до современных татар и башкир. Для современного обывателя проведение любых религиозных обрядов – дело бессмысленное и бесполезное, так как в своих действиях простые верующие руководствуются рациональным подходом. Идеологи модернизма в исламе предполагают, что можно заменить религиозную практику на трудовую деятельность, которая, по их мнению, является своеобразным религиозным поклонением [16, с.32]. Идея в какой-то мере была реализована большевиками при строительстве вначале социализма, а потом – коммунизма. Трудовая деятельность была, безусловно, элементом воспитания, в том числе и религиозного воспитания в традиционном, доиндустриальном обществе. Однако никто в традиционном обществе никогда не заикался о замене религиозных обрядов на трудовую деятельность. Поклонение и труд дополняли друг друга. Труд понимался как человеческое старание на пути пропитания, а религиозное поклонение – как старание на пути нравственного воспитания. Поминальные обряды кажутся на первый взгляд примитивными. Ислам предполагает полное подчинение воле Всевышнего Аллаха и упование на его милость, что выражается в одной интересной молитве, которая произносится всегда перед началом любого дела. Формула «С именем Аллаха Милостивого и Милостивейшего!» – есть не что иное, как полное упование на волю Всевышнего. Человек в данной формуле практически полностью себя отдает воле Всевышнего, остается полным подчиненным рабом, который всю свою деятельность вел, полагаясь на Всевышнего Аллаха. Даже мусульманские популярные имена свидетельствуют о направленности религии воспитать в мусульманах чувство приближения и растворения действий созданий в воле Создателя. Успех любого дела зависел от степени подчиненности простого мусульманина власти Всевышнего Аллаха. Для рационального мышления такой подход не приемлем, потому как он не дает возможности определить эффективность, степень богобоязненности человека. Действия при ритуальной практике никак не измеряются. Личные переживания верующего во время ритуальной практики или богослужения индивидуальны и не несут рационального объяснения. Поэтому все попытки обосновать нейтральную или рациональную интерпретацию переживаний верующего весьма субъективны и не отвечают на вопросы, поставленные светскими исследователями. Некоторые ученые ислам называют молодой религией. Молодость ислама объясняют пророчеством самого Мухаммада, историей его жизни.

В самом Священном Коране говорится о том, что Ислам – единственная религия перед Всевышним Аллахом (3:19) [8, с.63]. Связано это с тем, что в самом Коране Ислам является изначальной религией от Всевышнего Аллаха, которую исповедовал первый человек по мусульманскому веро-

учению Адам² и его супруга, которая была создана второй после первого человека. Таким образом, в Исламе подчеркивается изначальность Ислама задолго до появления пророка Мухаммада, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха. Конечно, это доктринальное вероучение подвергается критике со стороны немусульман, особенно тех, кто себя причисляет к особому вероучению, которое касается только их самих. Остальные, по их вероучению, не являются спасшимися. Таким образом, мусульмане всех людей считают изначальными мусульманами и всех пророков, которые были до пророка Мухаммада, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха. Поэтому мусульмане, так же как иудеи, почитают Соломона, или Сулеймана, согласно арабской традиции, так же как и христиане почитают Иисуса, или Ису, согласно мусульманской традиции. Как мы видим, такой подход позволяет практически полностью соответствовать предшественникам, при этом оставаться на собственных позициях.

Мусульмане в каждом обращении к Всевышнему Аллаху просят о милости, как к своим предкам, так и к пророкам, которые были до пророка Мухаммада, мир ему и благословение Всевышнего Аллаха. Ни в одной религии нет подобного обращения. И Всевышний Аллах в своем писании говорит о том, что пророки были посланы всем народам, и каждый из них получил и распространял тот шариат, который Всевышний Аллах предписал конкретному народу. Для болгар – предков татар, мусульман Среднего Поволжья и Приуралья поминальные обряды были частью местных религиозных традиций, которые сохранились и после принятия и распространения ислама в регионе. Мусульмане в поминальных обрядах видели глубокий смысл и поэтому после пятничной проповеди шли на кладбища и поминали своих предков. Этот обычай сохранялся вплоть до девяностых годов прошлого столетия. К сожалению, с приходом в муфтият новых религиозных деятелей, которые терпимо относились к салафитам и, более того, находились под их финансовом и духовном влиянии, обычай посещения кладбищ после пятничной молитвы полностью прекратили и, более того, стали яркими противниками вообще любого поминального обряда. Об этом свидетельствуют работы, вышедшие в 90-е и начале 2000-х гг. [19, с.17]. Только Валиулла хазрат и небольшое количество имамов Татарстана продолжали защищать давнюю традицию посещения кладбищ и поминания мусульман после их смерти [21, с.167–169].

На сегодняшний день муфтият вновь пытается возродить многие утраченные народные религиозные традиции. Об этом в своем интервью заявил муфтий Республики Татарстан Камиль хазрат Самигуллин: «Данное словосочетание (традиционный ислам) легко объясняется – это обучение на основе многовекового духовного наследия. А татарская богословская школа считается одной из старейших и сильнейших не только в Рос-

² После имен пророков, согласно традиции мусульманского вероучения, дополняется благословением Всевышнего Аллаха.

сии, но и во всем исламском мире» [2]. Однако сегодня, к сожалению, данное возрождение требует мобилизации местного мусульманского населения. Для этого необходимо пересмотреть многие известные взгляды на наше прошлое. Культура татарского и башкирского народов является культурой общей и практически полностью основана на религиозных мусульманских традициях, которые практиковались тысячелетиями. Общность культуры не дает покоя противникам религиозной идентичности, они акцентируют внимание на особенностях языка двух родственных народов и совершенно не учитывают культурную и бытовую общность. Язык является наиболее ярким и показательным примером подобной общности двух родственных во всех отношениях народов. В связи с этим для модернистов-реформаторов становится важным уничтожение и ликвидация религиозной самобытности двух народов, подмена традиционного ислама рациональным учением об исламе. Попытки демонтажа религиозных традиций народа встречают сопротивление у простых верующих. Религиозные модернисты-фундаменталисты посеяли среди местного населения зерно сомнений, которое дает свои плоды. Сегодня есть определенное количество верующих, которые с сомнением относятся к религиозным традициям народа. В Интернете много нелепых суждений о мусульманских праздниках, о предметах от сглаза, которые по своему невежеству приписывают к амулетам. Амулет, о котором говорит Всевышний в Священном Коране, является предметом поклонения, а предмет от сглаза (бети) является лишь предметом от сглаза, а не предметом поклонения. Шамаиль, висящей на стене, не оберегает сам по себе, как предмет или как картина с сакральным текстом. Задача Шамаиля на стене – прежде всего в напоминании верующему о Боге. Предполагается, что текст Корана на стене видят и ангелы, и другие невидимые глазу существа, которые могут читать и понимать, что находятся в доме у мусульман. В Священном Коране Всевышний Аллах призывает верующих обращаться с просьбой к тексту Священного Корана (18:78) [8, с.243]. То есть когда модернисты обвиняют людей, носящих текст Корана в кармане, в идолопоклонстве, то выступают против приказов самого Всевышнего Аллаха.

Историческую память российских мусульман большевики постарались полностью уничтожить через систему образования. Об этом свидетельствуют как работы В.И. Ленина, И.В. Сталина, так и других социал-демократов, которые основным врагом своей идеологии видели религию [20, с.97–103]. После революционных событий татары с башкирами практически были отрезаны от своей религиозной традиции в силу плохого знания не только языка, но и старо-татарской письменности [4, с.166]. Сегодня как никогда становится актуальным изучение своих исторических корней и прежде всего своей истинной религиозной культуры, которая тысячелетиями сохранялась в рамках старо-татарской письменности и которая была доступна нашим предкам в силу их 100-процентной грамотности.

Возрождение письменной традиции необходимо для воссоздания гуманитарного образования и сохранения собственного литературного языка. К сожалению, в советское время нам, по сути, навязали стереотип литературного языка на примере произведений Габдуллы Тукая. Практически все религиозные произведения были подвергнуты жесткой критике со стороны ученых-филологов. Чудом удалось возродить произведение Кул Гали «Кыссаи Йосыф». При этом данное произведение подверглось редактированию и доведению до норм современного литературного татарского языка. В свое время наши предки читали и заучивали это произведение в оригинале. Арабская графика была практически утеряна для татарского народа в начале XX в. Данное обстоятельство было связано с политикой большевиков, которые под лозунгами о мировой революции предлагали народам перейти на латинскую графику, в том числе рассматривался вопрос о переходе и русского языка на латиницу. Однако, когда планы о продолжении мировой революции рухнули с поражением большевиков в советско-польском конфликте 1920 г., вопрос перехода на латиницу народов СССР тоже был пересмотрен. К началу 30-х гг. прошлого столетия уже практически состоялся демонтаж арабской графики, и шли активные мероприятия перехода на латиницу. В конце 90-х гг. часть татарского национального движения вновь заговорила о переходе на латиницу, при этом никто даже не рассматривал вопрос перехода и возрождения арабской графики. Часть ученых-филологов утверждала об удобстве использования латиницы в татарском языке. Этот тезис совпадал и с плохо разработанной на тот момент базой компьютерных шрифтов на кириллице для татарского и других местных языков. Сегодня в арсенале программного обеспечения «Майкрософт» есть как латинская версия татарского языка, так и арабская.

Любая традиция, религиозная или культурная, имеет корни, то есть когда-то произошло событие или исторический факт, который способствовал появлению данной традиции. К сожалению, не все исторические события отражены или сохранились в источниках. Поэтому с точки зрения исторической науки, которая использует в своих исследованиях рациональный подход, только подлинные письменные исторические источники являются документальным подтверждением того или иного исторического факта. К сожалению, народная религиозная традиция практически не имеет письменных источников, которые бы доказывали ее обоснованность. Например, Ризаэтдин Фахретдинов в своем произведении «Асар» критикует Муслими и его работу «Таварихе Булгария» за то, что автор использовал в основном исторические легенды и народные предания. Ризаэтдин Фахретдинов называет работу Муслими бесполезной. При этом сам использует в своей работе такие же малоизученные биографические данные [13, с.231–232]. Таким же способом пользовался его духовный наставник Шигабуддин Марджани, который так же критиковал Муслими [10, с.91–92].

Таким образом, мы видим, что исторические религиозные традиции, как и собственно религиозная культура, основываются в основном на легендах и устойчивых религиозных традициях. Письменных исторических документов, подтверждающих начало или вообще подлинность некоторых исторических фактов, связанных с исторической, религиозной народной традицией, нет. Однако сегодня у нас есть данные археологии и эпиграфические памятники, которые, так или иначе, подтверждают некоторые исторические предания [15, с.114–119]. Сегодня также поступили на вооружение генетические исследования, которые в какой-то мере, хотя и косвенно, подтверждают некоторые легенды, которые были распространены в народе. Интересно сопоставить, на наш взгляд, и родословные некоторых родов, которые до недавнего времени считались легендарными [3, с.9].

В последнее время участились попытки изучения генетического материала. Формальным поводом служит изучение прошлого и сопоставление семейных родословных. Таким образом, знание религиозных и культурных традиций собственного народа позволяет не просто понимать историю родного края и культурные и религиозные традиции местного населения, но и обосновать собственный взгляд на развитие местного региона. Патриотизм, о котором в последнее время много говорят, начинается с изучения собственной малой родины, своего народа и своей религии, которую исповедовали наши предки.

2. Джэди́дизм. Модернизация татарского и мусульманского общества началась еще в Петровскую эпоху, когда начинается переход Московского царства в статус Российской империи. Петр Алексеевич начинает усиленно внедрять в российскую культуру западные ценности, обосновывая это отсталостью развития нашей страны. Вопрос отсталости государства – вопрос спорный на самом деле. Внешняя отсталость была связана с тем, что внутри государства не было необходимости развития массового производства. Обоснованность надобности европеизации задается только с военной необходимостью. В первую очередь большую роль сыграло решение и желание царя создать собственный военно-морской флот и регулярную боеспособную армию. Не случайно была изменена налоговая система и введена рекрутская повинность. Татары также были включены в политику европеизации страны. Для этого необходимо было подорвать мусульманскую элиту. Петр I пошел на ликвидацию сословия мурз и нанес удар по религиозной идентичности мусульман [11, с.163]. Часть мусульман была вынуждена принять условия молодого монарха [6, с.24]. На долгие годы, вплоть до конца XVIII в., мусульмане находились под давлением Русской православной церкви. Только при Екатерине II мусульман объявили равными в гражданских правах и был организован официальный государственный орган, который эти права реализовывал. Российские мусульмане воспользовались данной возможностью и стали активно реализовывать собственные права, которые государство предоставило им в

XVIII в. В начале следующего века был создан Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, который стал надзорным органом над мусульманами и другими «иногородцами» России.

В советской историографии Ш.Марджани был представлен как сторонник прогресса. Для мусульманского духовенства прогресс представляется в рамках божественной воли. Это связано с тем, что время находится, согласно религиозному вероучению, во власти и воли Всевышнего Аллаха. В связи с этим прогресс никогда не являлся показателем положительного отношения к их приверженцам со стороны духовенства. Советская историография строила свою идеологию в рамках коммунистической идеологии. С другой стороны, необходимо отметить, что в XIX в. изменились условия развития мусульманского духовенства, которое стало зависимым не от общин, а от мусульманских предпринимателей, которые брали мулл на фактическое содержание. В таких условиях идеология мусульманского традиционализма подвергается по объективным причинам ревизии. Прежде всего, предприниматели нуждались в большом количестве свободных рабочих рук.

В конце концов, новые условия породили и более потребительское отношение к религии. Если до начала XX в. мусульмане защищали собственную религиозность всеми силами, что выражалось даже в письменных документах, то теперь религиозность среди простых прихожан, особенно в городах, стала снижаться, прихожане стали пренебрегать посещением мечетей. И более того, определенная часть мусульман стала подражать русскому населению, как в одежде, так и в отходе от религии. Об этом писал известный религиозный деятель Г.Баруди [9, с.2]. В конечном счете такое поведение мусульман отразилось в дальнейшем и на поведении большевиков во время Октябрьской революции и Гражданской войны. И в течение 70 лет советской власти мы потеряли как религиозных деятелей, так и понимание многих религиозных норм.

Таким образом, традиционное образование сегодня необходимо возрождать. Но делать это в тех традициях, в каких они существовали сто лет назад, не имеет смысла и противоречит здравому смыслу. На сегодняшний день необходимо проработать рациональное соотношение тех необходимых воспитательных элементов традиционного образования, которые необходимо вернуть. Разработать перечень мероприятий, в рамках которой эти традиционные формы органично могут быть вписаны в систему современного религиозного образования. Эти мероприятия и сама система образования не должны противоречить современному российскому законодательству, с одной стороны, и не должны ущемлять религиозные предписания самих мусульман – с другой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акаев В.Х., Мамадиев М.Х.* Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2015. №1. С.100–104.
2. *Алимов Тимур.* Как мусульмане Татарстана понимают традиционный ислам. Интервью с муфтием РТ Камилем Самигуллиным. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/08/23/reg-pfo/kak-musulmane-tatarstana-ponimaiut-tradicionnyj-islam.html> (дата обращения: 21.03.2024).
3. Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы / М.М. Акчурин, О.О. Владимиров и др. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 112 с.
4. *Давлетшин Тимурбек.* Советский Татарстан. Казань: Изд-во «Жиен», 2005. 485 с.
5. Ильм усуль аль-Фикх. 1-е издание. Перевод с турецкого Т.Хабибуллин. М.: Изд-во «Сад», 2005. 202 с.
6. *Исхаков Радик.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть VIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.
7. *Катанов Н.Ф.* О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т.12. Вып. 2. Казань, 1894. С.109–142.
8. Коран: перевод на русский язык У.З. Шарипова, Р.М. Шариповой. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 567 с.
9. Магълумат-и Шаргия Мухаммадия Ырынбургия. 1916. №10.
10. *Марджани Шигабутдин.* Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафадал ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар); часть первая, перевод на русский язык; предисловие и перевод с арабского, старотатарского Р.К. Адыгамова. Казань: Магариф-Вақыт, 2022. 216 с.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ-1). Т.V. №2920. С.163.
12. *Успенский Ф.Х.* История Византийской империи. Т.III. Период Македонской династии (867–1057). М.: Мысль, 1997. 528 с.
13. *Фәхрәддин Ризәәддин.* Асар. 1 том. Казан: «Рухият» нәшрияте, 2006. 360 б.
14. *Халиков А.Х.* Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. С.47–60.
15. *Халикова Е.А.* IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища). Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, 1979. С.114–118.
16. *Хаким Рафаэль.* Джадидизм (Реформированный ислам). Казань: Институт истории АН РТ, 2010. 208 с.
17. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980. 217 с.
18. *Шагабиев Д.* Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX вв.): Курс лекций. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 168 с.

19. Шейх Али бин Аби аль-Изз аль-Ханафи. Комментарии к вероучению имама Ат-Тахави. Нижнекамск: Изд-во «Рисаля», 2011. 503 с.

20. Шульц Гейнрих. Школьная реформа социал-демократии. Перевод с немецкого Над. Олигер. Петроград: Литературно-Издательский Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1918. 227 с.

21. Якупов Валиулла. К Пророческому исламу. Казань: Изд-во «Иман», 2006. 456 с.

22. Якупов Валиулла хазрат. Матуридизм – фундаментальная основа суннитской акыды // Мусульманский мир. 2010. №10.

Информация об авторе:

Гарипов Наиль Камилевич – кандидат исторических наук, доцент, Российский исламский институт, Казанский исламский университет, Казанская духовная семинария (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3367-0292; e-mail: nailsattar@gmail.com

Поступила 25.03.2024

Принята к публикации 08.04.2024

Traditional religious views of Muslims and Kadimism in the early twentieth century

N.K. Garipov

Russian Islamic Institute

Kazan Islamic University

Kazan Theological Seminary

Kazan, Russian Federation

The article is devoted to the traditional religious views of Muslims in the early 20th century. The author tried to consider the presented topic in a historical manner and convey the basic concepts through the prism of modern discussions, which are determined both by the legacy of the Soviet past and by modern ideologies that dominate the scientific community. Basic concepts are given that are explained from the point of view of the Muslim worldview. An attempt to explain the difference in views on religious traditions between supporters of modernism and traditionalism is presented. The methods of scientific knowledge among supporters of religious traditionalism are considered. Traditionalism today is practically subjected only to critical analysis. Thus, in some scientific studies there is no objectivity in the scientific results. The prospects for the development of traditional Muslim views in the modern conditions of the existence of religious communities are outlined. Ways to solve the problems of studying the religious traditions of the peoples of the Volga and Urals regions are outlined. The relevance of studying the history of life and modern culture of peoples is raised.

Keywords: Muslims, worldview, traditions, aqida, Kadimism, Jadidism

For citation: Garipov N.K. Traditional religious views of Muslims and Kadimism in the early twentieth century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.45–58. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.45-58> (In Russian)

REFERENCES

1. Akaev V.Kh., Mamadiev M.Kh. Islamic revival in the North Caucasus: disintegration and integration aspects. *Scientific thought of the Caucasus*. 2015, no.1, pp.100–104. (In Russian)
2. Alimov T. How Muslims of Tatarstan understand traditional Islam. Interview with the Mufti of the Republic of Tatarstan Kamil Samigullin. *Russian newspaper*. URL: <https://rg.ru/2018/08/23/reg-pfo/kak-musulmane-tatarstana-ponimaiut-tradicionnyj-islam.html> (accessed: 03.21.2024). (In Russian)
3. *Gene pool of the Tatars: historical and genetic research. Y-chromosome haplogroups*. Compiled by M.M. Akchurin, O.O. Vladimirov, etc. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 112 p. (In Russian)
4. Davletshin T. *Soviet Tatarstan*. Kazan: Zhien Publ., 2005. 485 p. (in Russian)
5. *Ilm usul al-Fiqh*. Translation from Turkish by T. Khabibullin. Moscow: Garden Publ., 2005. 202 p. (In Russian)
6. Iskhakov R.R. *Missionary work and Muslims of Volga-Kama (last third of the 18th – early 20th centuries)*. Kazan: Tatar book Publ., 2011. 222 p. (In Russian)
7. Katanov N.F. On the funeral rites of the Turkic tribes from ancient times to the present day. *News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University*. 1894, vol.12, no.2, pp.109–142. (In Russian)
8. *Koran*. Translation into Russian by U.Z. Sharipov, R.M. Sharipova. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009. 567 p. (In Russian)
9. *Maglumat-i Shargiya Muhammadiya Yrynburgiya*. 1916, no.10. (In Russian)
10. Marjani Shigabutdin. *Useful news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafadal al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar)*. Preface and translation from Arabic, Old Tatar by R.K. Adygamov. Kazan: Magarif-Vakyt Publ., 2022. 216 p. (In Russian)
11. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. Collection 1. Vol.5, no.2920, p.163. (In Russian)
12. Uspensky F.Kh. *The history of the Byzantine Empire*. Vol.3. Period of the Macedonian dynasty (867–1057). Moscow: Mysl Publ, 1997. 528 p. (in Russian)
13. Fakhreddin Rizaeddin. *Essay*. Vol.1. Kazan: Rukhiyat Publ., 2006. 360 p. (In Tatar, Russian)
14. Khalikov A.Kh. Islam and urbanism in Volga Bulgaria. *Bilyar – the capital of pre-Mongol Bulgaria*. Kazan: Kazan Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 1991. Pp.47–60. (In Russian)
15. Khalikova E.A. 4th Bilyarsky necropolis. *New in the archeology of the Volga region*. Archaeological study of the center of the Bilyar settlement. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Kazan Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 1979. Pp.114–118. (In Russian)
16. Khakimov R. *Jadidism (Reformed Islam)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2010. 208 p. (In Russian)

17. Chichurov I.S. *Byzantine historical works: "Chronography" of Theophanes, "Breviary" of Nikephoros (texts, translation, commentary)*. Moscow: Science Publ., 1980. 217 p. (In Russian)

18. Shagaviev D. *Tatar theological and philosophical thought (19th – early 20th centuries): course of lectures*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 168 p. (In Russian)

19. Schulz Heinrich. *School reform of social democracy*. Translation from German by N. Oliger. Petrograd: Literary and Publishing Department of the People's Commissariat of Education, 1918. 227 p. (In Russian)

20. Sheikh Ali bin Abi al-Izz al-Hanafi. *Commentary on the doctrine of Imam At-Tahavi*. Nizhnekamsk: Risalya Publ., 2011. 503 p. (In Arabic, Russian)

21. Yakupov Valiulla. *Toward the Prophetic Islam*. Kazan: Iman Publ., 2006. 456 p. (In Russian)

22. Yakupov Valiulla. Maturidism is the fundamental basis of the Sunni aqida. *Muslim world*. 2010, no.10. (In Russian)

About the author:

Garipov Nail Kamilevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor, Russian Islamic Institute, Kazan Islamic University, Kazan Theological Seminary (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3367-0292; e-mail: nailsattar@gmail.com

Received March 25, 2024

Accepted for publication April 8, 2024

УДК 37.08(470.04)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.59-74>

История создания проектов уставов Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и Уфимского дарульмугаллимата «Султание»

А.В. Ахтямова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

На основе архивных документов и газетных материалов реконструированы события, предшествовавшие разработке проектов уставов двух учительских школ в Уфе – мужской (дарульмугаллимин) и женской (дарульмугаллимат), через призму взглядов интеллектуалов как активных участников в процессах общественных преобразований начала XX в. Показана роль Юбилейного комитета в проведении мероприятий по чествованию оренбургского муфтия М.Султанова. Отмечен вклад уфимских представителей в подготовку проектов уставов дарульмугаллимина и дарульмугаллимата. Это стало возможным благодаря тандему улемов, представителей дворянства и купечества округа Оренбургского магометанского духовного собрания. Отмечено, что данная инициатива не была поддержана властью, однако юбилейные мероприятия, получившие широкий общественный резонанс, имели большое значение в консолидации российских мусульман.

Ключевые слова: Оренбургское магометанское духовное собрание, муфтий, Юбилейный комитет, Уфимский дарульмугаллимин «Султание», Уфимский дарульмугаллимат «Султание», проект, устав

Для цитирования: Ахтямова А.В. История создания проектов уставов Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и Уфимского дарульмугаллимата «Султание» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.59–74. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.59-74>

Введение. Изучение вопросов об обновлении содержания обучения в мусульманских конфессиональных учебных заведениях Волго-Уральского региона на рубеже XIX–XX вв. проводится в тесной связи с проектами уставов Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и Уфимского дарульмугаллимата «Султание». К положительным факторам можно отнести то, что в последние десятилетия появился ряд исследований, затрагивающих вопрос об открытии в губернской Уфе двух учительских школ – мужской (дарульмугаллимин «Султание») и женской (дарульмугаллимат «Султание»), получивший в 1910-е гг. большой общественный резонанс [см., например: 1; 3; 5; 8; 30; 39]. Были также опубликованы работы, вводящие в научный оборот новые источники [9; 41], воспоминания современников [6; 7], в которых содержатся сведения, относящиеся к подготовке проектов

уставов учебных заведений в Уфе в связи с проведением в мае 1911 г. мероприятий по чествованию оренбургского муфтия Мухамедьяра Султанова (1837–1915).

2 января 1911 г. исполнилось 25 лет со дня вступления М.Султанова в должность главы Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Первоначально торжество намечалось на январь 1911 г., но затем, ввиду болезни муфтия, празднование юбилея перенесли на май 1911 г. [4, б.2–3].

В современной научной литературе, главным образом, анализируются предпосылки возникновения концепции подготовки мугаллимов и основные положения документов предполагаемых учительских институтов, а также описываются некоторые сюжеты 1911 г. и причины отклонения проекта со стороны центральной власти, дается оценка событиям, происходившим в Уфе [1, с.27; 3, б.103–107; 5, с.153–154; 8, б.69–72; 30, с.50–58; 39, с.169]. Вместе с тем история организации и итогов решений съезда, принятых в ознаменование юбилейных дат, имеют большое значение для понимания модернизационных процессов, протекавших в Европейской части России и Сибири, и остаются недостаточно изученными. В данной статье рассматриваются события, предшествовавшие разработке проектов уставов дарульмугаллимина и дарульмугаллимата и олицетворяющие единство российских мусульман, через призму взглядов интеллектуалов как активных участников в общественных преобразованиях начала XX в.

Следует отметить, что вопрос о роли и месте интеллектуалов в обществе был актуален во все времена. Бесспорно, он является одним из важнейших вызовов XXI в. При этом проблема ответственности перед властью и народом – один из ключевых показателей, определяющих значимость интеллектуальной элиты.

Основными источниками исследования послужили материалы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Башкортостан, татарская периодическая печать, мемуарная литература. Большое значение для проведения хронологизации событий имеет публицистика общественного деятеля М.-Х.Н. Кильдибекова (Кильдебаки) (1881–1949), в частности материалы, напечатанные в татарской газете «Вақыт» («Время», 1906–1918, Оренбург) под псевдонимом «Нукайский».

Юбилейные мероприятия по случаю 25-летия пребывания Мухамедьяра Султанова на посту муфтия и его 50-летия государственной службы. История возникновения проектов уставов мужского и женского учительских институтов в Уфе берет начало с 1911 г. 22 января 1911 г. группа мусульман в составе генерал-майора Махмуда Шейхалиева (Шейх-Али), дворян Салимгирея Джантюрина и Кутлуг-Мухаммеда Алкина, казья Хасан-Гаты Габаши, купцов Абдуллатифа Хакимова и Садретдина Назирова посетила уфимского губернатора А.С. Ключерёва. На встрече лидеры уфимских либералов высказали намерение создать Юбилейный комитет по случаю 25-летия пребывания Мухамедьяра Султанова (1837–1915) на посту

муфтия и его 50-летия государственной службы и обратились с предложением провести церемонию чествования юбиляра. Данная инициатива получила полное одобрение со стороны А.С. Ключерёва [28, б.3], однако, уже феврале 1911 г. его назначили симбирским губернатором, а в должность уфимского губернатора вступил П.П. Башилов (в 1907–1911 гг. возглавлял Новгородскую губернию) [37, б.3].

Вместе с тем ротация кадров в целом не повлияла на организационные процессы. В начале апреля газета «Вақыт» сообщила читателям о получении официального разрешения министра внутренних дел на проведение юбилейного торжества [16, б.2]. Вскоре был определен и состав Юбилейного комитета, куда вошли видные представители городской мусульманской общины (всего 18 человек)¹. 8 мая 1911 г. на очередном заседании были избраны председатель – Хасан-Гата Габаши² и секретарь Комитета – Ибрагим Ахтямов. В повестку дня также были включены вопросы о программе юбилейных мероприятий³, о назначении ответственных лиц за

¹ В газете «Вақыт» был опубликован список членов Юбилейного комитета. Перечислим их в той же последовательности, как в источнике, с указанием в отдельных случаях дополнительных сведений: генерал-майор Махмуд Шейхалиев (Шейх-Али), князь Мухаммед-Хасан Акчурин, гласный Белебеевского уездного земского собрания Кутлуг-Мухаммед Алкин, Салимгирей Джантюрин, член Городской управы Сабирзян Басимов, чиновник особых поручений при губернаторе Ахмет-Султан Терегулов, инспектор Уфимского отделения Государственного банка Российской империи Мухарям Еникеев, член Духовного собрания Хасан-Гата Габаши, имамы 3-й Соборной мечети Мухаммед-Сабир Хасанов и 2-й Соборной мечети Парвазетдин Камалетдинов (Зия Камали), присяжный поверенный Абуссугуд Ахтямов, помощник присяжного поверенного Ибрагим Ахтямов, купцы Аабдуллатиф Хакимов, Садретдин Назиров, Хасан Каримов, Абдулхай Шамсунов, Багаутдин Максудов и Сабирзян Шамгулов. Кроме того, в сообщении был также указан адрес местонахождения Правления: Уфа, дом С.-Г. Джантюрина (Пушкинская, 80) [34, б.2].

² Отметим, что до этого времени обязанности председателя исполнял С.-Г. Джантюрин, но по семейным обстоятельствам он не смог принять участие в мероприятиях, приуроченных к юбилею: Суфия-ханум Джантюрина (в девичестве – Тевкелева) – известная благотворительница, одна из учредительниц «Уфимского мусульманского дамского общества», ввиду ухудшения состояния здоровья, была вынуждена отправиться на лечение в Стамбул, и супруги Джантюрины уехали из Уфы.

³ В газете «Вақыт» была опубликована предварительная программа юбилейных мероприятий. Она включала в себя приветствие участников торжественной церемонии; совершение зиярата к волосу пророка Мухаммада (с.г.в.) (известно, что эту ценную реликвию османский султан Абдул-Хамид II подарил муфтию в 1893 г.) (открытие намечалось на 20 мая в 09:00); пятничную молитву; чтение поздравительных писем и телеграмм; банкет для почетных гостей (последнее – на 20 мая в 18:00); Сабантуй (21 мая) и т.д. Но позже в программу были внесены некоторые изменения [27, б.1].

реализацию конкретных задач и др. Центральным местом праздничных мероприятий с разрешения администрации стал город Уфа⁴.

В целом юбилейные мероприятия можно условно разделить на три направления: 1) проведение совещаний по вопросу мусульманского образования; 2) организация культурно-развлекательной программы; 3) реализация издательского проекта.

Вернемся к хронологии событий 1911 г.⁵

20 мая (пятница) – открытие мероприятия по празднованию юбилея, банкет («*зыяфәт [кунак иту] мәҗлесе*»);

21 мая (суббота) – совещание по вопросу о способах ознаменования 25-летия службы оренбургского муфтия;

22 мая (воскресенье) – Сабантуй, спектакль «Казанга сәяхәт»;

23 мая (понедельник) – концерт Камиля Мутыги.

Кроме того, в дни празднования юбилея муфтия с 23 по 25 мая 1911 г. при Уфимской губернской земской управе состоялось совещание по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы⁶.

Комплекс мероприятий, указанных выше, был направлен на решение двух задач: проведение совещаний по вопросу мусульманского образования и постановка культурно-досуговых программ. Под последним направлением мы подразумеваем, в частности, выпуск специального номера уфимского журнала «Мәғълүмәтә жәдидә» («Новые сведения», 1911–1912), посвященного юбилею [11], а также издание альбома с репродукциями свыше 70 мечетей Российской империи⁷ и брошюры «Татар ханнары» («Татарские ханы») имама Касима Биккулова [2; 31, б.3], который был хорошо известен как автор стихов и прозы, учебных пособий.

Собрание 21 мая 1911 г. Прежде чем перейти к изучению общего собрания мусульман, состоявшегося 21 мая, осветим некоторые аспекты взаимодействия мусульманских интеллектуалов с населением, с одной стороны, и с представителями власти – с другой.

Вопрос о способах ознаменования 25-летнего юбилея вступления в должность муфтия М.Султанова стал наиболее обсуждаемым среди мусульман задолго до открытия праздничных мероприятий. В циркулярном письме, подписанном Х.-Г.Габаши, С.-Г.Джантюриным и А.-Л.Хакимовым и адресованном мусульманским духовным лицам округа ОМДС, предлагалось объявить прихожанам о грядущем торжестве, которым предстояло выбрать своих представителей для участия в юбилейных мероприятиях. В память об этом значимом событии предполагалось открыть

⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-187. Оп.1. Д.333. Л.44.

⁵ Здесь и далее мы опираемся главным образом на публикации М.-Х.Кильдебакки [см.: 18, б.2–3; 23, б.1; 25, б.1–2; 26, б.1–2; 29, б.2].

⁶ НА РБ. Ф.И-187. Оп.1. Д.412. Л.33.

⁷ Был переиздан в 2006 г. [см.: 10].

культурно-просветительное либо благотворительное учреждение⁸. Казый Х.-Г. Габаша опубликовал обращение к хазратам на страницах газеты «Йолдыз» («Звезда»), издававшейся в Казани в 1906–1918 гг. [4, б.2–3].

Как видно из материалов переписки Уфимского губернского жандармского управления, а также из публикаций татарских газет и журналов, предлагались такие проекты, как музей, библиотека, учебное заведение (например, учительская семинария), благотворительное общество, именная стипендия. Мусульмане должны были определиться с выбором до 20-х чисел мая 1911 г. В апреле – мае в татарской прессе периодически публиковались мнения и отзывы равнодушных читателей, при этом некоторые из них выразили готовность пожертвовать деньги на благое дело. Так, журнал «Мәгълүмәтә жәдидә» – в этот период единственное периодическое издание на татарском языке в Уфе – становится пространством для обсуждения актуальных вопросов. Многочисленные письма и телеграммы поступали также в редакцию оренбургской газеты «Вақыт» из разных мест, в том числе из Мензелинска, Белебея, Стерлитамака, Ростова, Вятки, Вологды, Благовещенска, со станции «Асака» (Ферганская область) и др. Примечательно, что среди авторов писем были и женщины-мусульманки. В частности, о необходимости открытия дарульмугаллимата писали из Благовещенска мугаллима Ханифа-ханум Урманова [17, б.2], из Вологды Хатима-ханум Сафиуллина [15, б.2].

Общественная активность мусульманских интеллектуалов привлекла внимание охранительных структур. Как было указано выше, 8 мая 1911 г. состоялось собрание Юбилейного комитета, в ходе которого рассматривалось поступившее в его адрес письмо от уфимского губернатора. В нем обращалось внимание на вышеуказанное циркулярное письмо (за подписью некоторых членов Юбилейного комитета). Главным камнем преткновения стал вопрос о создании учительской семинарии – в циркулярном письме был упомянут предполагаемый проект. В заключение губернатор уведомил о возможности его реализации лишь с разрешения министра внутренних дел. После долгих дискуссий мусульманская общественность подготовила ответное письмо. В нем подчеркивалось, что указанный в предшествующем тексте дарульмугаллимин (учительская семинария) был приведен лишь в качестве примера (т.е. предлагалось учредить любое просветительное учреждение, например: библиотека, музей и т.д.), а решение может быть принято лишь на общем собрании мусульман [27, б.1].

В секретном донесении начальника Уфимского губернского жандармского управления (УГЖУ) директору Департамента полиции от 26 мая 1911 г. отмечалось, что начиная с 14 мая «съехалось в г. Уфу до 1500 представителей мусульман от 36 губерний и областей Европейской и

⁸ НА РБ. Ф.И-187. Оп.1. Д.333. Л.43.

Азиатской России»⁹. Приехавшие гости стремились скорее обсудить вопросы повестки дня предстоящего собрания, в том числе проект новой школы. Так, накануне открытия праздничных мероприятий, вечером 19 мая, в гостинице «Метрополь», где остановился казанский купец Ахметзян Сайдашев, состоялось «частное собрание», на котором, помимо А.Я. Сайдашева, присутствовали известные общественные и религиозные деятели: Садри Максуди – депутат Государственной думы, Ахметхади Максуди – издатель и редактор газеты «Йолдыз», Фатих Карими – редактор газеты «Вақыт», казанские муллы Кашшаф Тарджеманов и Мухаммад-Садык Иманкулов¹⁰.

Начало собрания по увековечению памяти знаменательного события было назначено на 21 мая в 11:00 в зале Дворянского собрания. Однако народ стал собираться с 9 часов [29, б.2]. Начальник УГЖУ писал, что количество собравшихся достигло примерно 1000 человек, в том числе свыше 600 приезжих¹¹. Желающих присутствовать при обсуждении резонансного вопроса оказалось так много, но далеко не всем удалось это сделать. Многие стояли в коридорах, на лестничных площадках и даже на улице [7, б.138].

На Х.-Г.Габаши, как председателя Юбилейного комитета, председателя собрания, была возложена ответственная задача. Открывая собрание, он подчеркнул значимость предложенных для обсуждения вопросов. Полученные ответы на запросы Юбилейного комитета, «как желательно увековечить память муфтия», выявили различные подходы, однако большинство мусульманских обществ находило желательным открыть учительскую школу, отметил казий. «Муфтию и самому хочется, чтобы мы решили открыть школу для мугаллимов в память его юбилея, и он сам готов даже ходатайствовать перед министром внутренних дел о таком решении»¹², – цитировал выступление оратора начальник УГЖУ.

Следует отметить, что в период подготовки и проведения юбилейных мероприятий Х.-Г.Габаши проявил себя как выдающийся организатор и оратор. С одной стороны, для оратора важно уметь тонко чувствовать настрой участников мероприятия, учитывать интересы единомыслителей (среди них были представители духовенства разных поколений и взглядов – и традиционалисты, и джадидисты). С другой стороны, надо достичь единения и суметь довести до каждого эту мысль. «... прошу вас дорожить временем и постараться прийти к соглашению»¹³, – подчеркнул председатель собрания.

⁹ НА РБ. Ф.И-187. Оп.1. Д.333. Л.248.

¹⁰ Там же. Л.248–248 об.

¹¹ Там же. Л.248 об.

¹² Там же. Л.249.

¹³ Там же. Л.248 об.

Для выступления на собрании подали заявки 20 докладчиков (но общее число оказалось больше, так как запись была продолжена и после перерыва, при этом регламент речи составлял 10 минут). Среди них были депутаты Государственной думы третьего созыва от Казанской губернии Садри Максуди и Гайса Еникеев, от Уфимской губернии – Шарафутдин Махмудов и Мухаммед-Шакир Тукаев, а также купец Ахметзян Сайдашев (Казань), имам Лотфулла Байчурин (Пермь), ахун Габидулла Курбангалиев (Челябинский уезд, Оренбургская губ.), ахун Джамалетдин Хурамшин (Белебей), издатель и редактор журнала «Икътисад» («Экономика», 1908–1913) Фатих Муртазин (Самара), мударрис Хайрулла Усманов (Каргалы, Оренбургская губ.), имам Нигматулла Тимошев (Оренбург), мугаллим Мухаммад-Вагиз Наврузов (Томск), имам-хатиб Мухаммат-Мунир Хадиев (Челябинск), имам-хатиб Мухаммад-Сабир Хасанов (Уфа), ахун хаджи Гали Гайсин (пос. Ханская Ставка, Астраханская губ.), мударрис Нургали Хасанов (Буинск), имам Габдерахман Расулев (Троицк), ахун Ахмедхаджи Рахманкулов (Троицк), ахун Джарулла Акчурин (Пензенская губ.), мулла Кашшаф Тарджеманов (Казань), ахун Исмагил Султангалиев (Чита, Забайкальская обл.) и др. [26, б.1–2; 29, б.2].

Вопреки ожиданиям, работа собрания прошла в обстановке единодушия. Идея открытия мужской учительской школы получила широкую поддержку среди участников. В ходе встречи также прозвучало предложение о необходимости создания женской учительской школы. С этой инициативой с трибуны выступил депутат I Государственной думы от Уфимской губернии Джамалетдин Хурамшин. Его речь была тепло встречена слушателями, зал аплодировал ахуну.

Решения собрания были приняты путем голосования. Собрание постановило открыть в Уфе дарульмугаллимин и дарульмугаллимат, «присвоив им в честь юбиляра» название «Султание» [9, с.31; 13, б.56]. Отметим, что мусульмане единогласно поддержали резолюцию об учреждении дарульмугаллимина, а на вопрос о том, существует ли необходимость в подготовке мугаллим-учительниц для конфессиональных школ, за исключением двух, ответили утвердительно. Примечательно, что в формулировке вопросов содержалась информация о том, что обучение в учительских школах будет на родном языке. Кроме того, на отдельный вопрос повестки дня – преподавание в дарульмугаллимин и дарульмугаллимате светских наук – все участники, за исключением 6–7 человек, проголосовали положительно [26, б.1–2]. На этом же собрании был создан организационный комитет для разработки устава учебных заведений¹⁴. Поступило также

¹⁴ В татарской периодической печати встречаются такие наименования организационного комитета, как «Юбилей комитеты», «Юбилей һәйәте», «Дарелмөгаллимин комитеты», «Дарелмөгаллимин вә дарелмөгаллимат коми-

предложение пожертвовать деньги на их открытие¹⁵. Собрание завершилось около 16 часов.

Подготовка проектов уставов Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и Уфимского дарульмугаллимата «Султание». После окончания праздничных мероприятий Комитетом был подготовлен проект устава Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и 7 октября 1911 г. с разрешения уфимского губернатора напечатан в типографии «Шәрәк матбагасы» («Восточная печать») на русском и татарском языках [32]. Забегая вперед, отметим, что в 1914 г. текст проекта устава был опубликован в журнале «Мәктәп» («Школа»), издаваемом в Казани в 1913–1914 гг. на татарском языке [35; 36]. В том же издании также была напечатана так называемая «Объяснительная записка к уставам Уфимского Дарульмугаллимина “Султание” и Уфимского Дарульмугаллимата “Султание”» [12; 13]. Эти материалы были подготовлены известным татарским общественным деятелем Фуадом Туктаровым (1880–1938). Другим направлением работы организационного комитета была подготовка проекта устава Уфимского дарульмугаллимата «Султание». Мы не имеем подробных сведений о нем, однако в указанной выше «Объяснительной записке» приведены некоторые положения документа. В связи с этим представляет интерес сравнительный анализ проектов уставов двух учительских школ на основе «Объяснительной записки» на страницах журнала «Мир ислама» (1912–1913), издававшегося при Императорском обществе востоковедения [40]. Опираясь на этих данных, охарактеризуем основные положения проектов уставов учебных заведений.

Проект устава Уфимского дарульмугаллимина «Султание» состоял из 35 пунктов. Училище было отнесено в ведение ОМДС, высший надзор принадлежал Министерству внутренних дел по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий. Полный курс обучения должен был продолжаться шесть лет. Языком образования был определен «тюрко-татарский». Программа обучения предполагала изучение религиозных и светских дисциплин. В училище принимались молодые люди старше 14 лет, сдавшие вступительные экзамены. Окончившие полный курс училища имели право преподавать в медресе. Учащиеся, окончившие с успехом четырехлетний курс обучения, получали звание «мугаллима в мектебе» [32, с.1–2].

теты». В его состав вошли 29 человек, в том числе члены Юбилейного комитета, среди них были ученые, мугаллимы, юристы, купцы, чиновники [см.: 7, б.140–141; 26, б.1–2; 41, б.212].

¹⁵ В частности, купцы Садретдин Назиров, Муллагали Яушев, Хусаин Хусаинов, Аабдуллатиф Хакимов, позже Шакир Рамиев выразили желание пожертвовать по 15 тыс. руб. [38, б.2]. По некоторым сведениям, за эти два дня – 21 и 22 мая 1911 г. – было собрано свыше 100 тыс. руб. [13, б.58].

Проект устава Уфимского дарульмугаллимата «Султание» имел некоторые отличия. На этот факт обратили внимание и современники. Так, в журнале «Мир ислама» отмечалось, что программа обучения в учительской школе для женщин «несколько упрощена». Например, отсутствовали следующие предметы: персидский и французский языки, рисование, природоведение, логика, физика, химия, астрономия. Отличалось и содержание программы по математике: по алгебре и геометрии предполагалось давать лишь «начальные сведения». Вместе с тем намечалось включить в программу занятия: «воспитание детей» и «рукоделие». Еще одно отличие – возраст поступления. В дарульмугаллимаат принимались девочки не моложе 14 лет [40, с.673–674].

14 декабря 1911 г. муфтий М.Султанов и четверо членов организационного комитета отправились в Петербург [41, б.212–215], где только что завершилось Межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверного населения¹⁶. Как писала газета «Вақыт», основной целью этой поездки было ходатайство об открытии дарульмугаллимина и дарульмугаллимата [14, б.2]. Во время торжественного обеда, организованного членами Государственной думы в честь оренбургского муфтия, прибывшего в столицу во главе депутации, гости из Уфы передали копию программ будущих учительских семинарий председателю мусульманской фракции Кутлуг-Мухаммеду Тевкелеву. Оригинал документов глава ОМДС лично вручил столичным чиновникам [5, с.154].

Члены организационного комитета и депутаты мусульманской фракции договорились о том, что последние после рассмотрения «устава» направят предложения (по сути, свой «устав») не позднее 8 января 1912 г. [19, б.3; 41, б.212–213], поскольку именно на 8 января намечалось возвращение уфимских представителей. Таким образом, по прибытии домой члены организационного комитета были намерены подготовить новую редакцию устава на основе проектов, предложенных каждой из сторон. Они полагали, что в период думских каникул смогут собраться и совместными усилиями доработать его. Из Уфы были отправлены телеграммы и письма на имя депутата Гайсы Еникеева [19, б.3]. Однако от столичных деятелей не последовало ответа в течение более чем двух месяцев.

Очевидно, что ясность в этом вопросе наступила лишь в конце марта. Так, 25 марта 1912 г. в газете «Вақыт» была размещена публикация с подзаголовком «*Дарелмөгаллимин комитеты*» («Комитет дарульмугаллимина») в рубрике «Уфа хэбэрлэре» («Новости Уфы»). В ней сообщалось, что составленный депутатом Гайсой Еникеевым устав, включающий 50 статей (пунктов), поступил в Комитет дарульмугаллимина, и

¹⁶ Совещание работало с 30 ноября 1910 г. по 14 декабря 1911 г. с двумя перерывами – с 22 декабря 1910 г. по 1 марта 1911 г. и с 1 апреля по 14 октября 1911 г.

теперь ждут протокол собрания мусульманской фракции [20, б.4]. 30 марта 1912 г. состоялось собрание членов организационного комитета, на котором обсуждались письма населения. Дело в том, что в конце 1911 г. Комитет направил проекты уставов учительских школ некоторым представителям мусульманского духовенства для выяснения их мнений¹⁷. Кроме этого, здесь рассматривались уставы, подготовленные в ходе работы Петербургского совещания (а вскоре, с 2 по 8 апреля, Уфу посетил сам Г.Х. Еникеев). Примечательно, что они не противоречили проектам уставов Юбилейного комитета. На том же собрании для внесения в устав изменений была избрана комиссия, в состав которой вошли новые члены [22, б.3; 33, б.3]. В итоге в конце апреля в газете «Вақыт» появилась заметка, что Комитет завершил работу над новым уставом дарульмугаллимина (при этом об уставе дарульмугаллимата не упоминалось) и в эти дни отправит его в печать [24, б.3–4].

Но в то же время очевидно, что состояние неопределенности вызывало сомнение у мусульманского сообщества в реалистичности проекта. Примером тому является следующий факт. Еще в дни юбилея муфтий М.Султанов обещал выделить земельный участок – 86 десятины – в качестве вакфа. Но только при условии, что передача земли в вакф должна быть осуществлена в течение двух лет (начиная с юбилейного дня). Вероятность истечения срока, отсутствие ясности в вопросе открытия будущих учительских институтов волновали мусульман. 29 апреля 1912 г. Юбилейный комитет провел собрание, по итогам которого было решено направить делегацию к оренбургскому муфтию. Мусульманские представители обратились к председателю ОМДС с просьбой не вводить ограничения по сроку. Помимо этого, они высказали предложение передать право собственности на землю в пользу мектебов и медресе г. Уфы, в случае если не учредят учительские школы. В свою очередь, муфтий согласился не указывать срок (*«мөддәт куймаска булды»*), однако, если не будет дарульмугаллимина и дарульмугаллимата (*«дарелмөгаллимин илә дарелмөгаллимат булмый калса»*), он выразил желание создать вакф в пользу двух женских мектебов в Мензелинском уезде, один из них в своем родовом имении Мастеево (деревня ныне не существует) [21, б.3].

Проект по созданию двух учительских институтов в Уфе – дарульмугаллимина и дарульмугаллимата – реализовать не удалось. Как отмечает в своей работе И.К. Загидуллин, соответствующего разрешения со стороны центральной власти не последовало. Это было связано с тем, что участники вышеупомянутого Межведомственного совещания 1910–1911 гг. рекомендовали вести подготовку учителей нерусских начальных школ в «общих семинариях и учительских школах вместе с русскими» [цит. по: 5, с.154].

¹⁷ Полученные ответы были опубликованы в газете «Вақыт» 22 апреля 1912 г. [см. об этом: 41, б.216–224].

Групповой снимок членов Комитета дарульмугаллимина и дарульмугаллимата. Стоят (справа налево) – Хасан Каримов, Сабирзян Шамгулов, Махмуд мирза Юсупов, Мухарям Еникеев, Сабирзян Басимов, Абделхай Шамсунов. Сидят (справа налево) – Багаутдин Максудов, князь Хасан Акчурун, Зиятдин Камали, казый Хасан-Гата Мухаммедов (Габаши), ахун Джихангир Абзильдин, Абуссугуд Ахтямов, Кутлуг-Мухаммед Алкин. Вақыт. 1914. 20 май. Б.2

В 1914 г. на страницах газеты «Вақыт» появилась групповая фотография¹⁸ с подзаголовком «Уткәндәге татлы өметләр...» («Сладкие надежды прошлого...») [38, б.2]. Снимок сопровождается надписью «Дарелмөгаллимин вә дарелмөгаллимаат комитетының әгъзалары» («Члены комитета дарульмугаллимина и дарульмугаллимата»).

К снимку прилагается текст. Основная мысль заключена в небольшом фрагменте: «Ике еллар үтөп, өстенә тагын бер ел кушылды. Күзгә күренеп калган бер нәрсә бар исә – ул да шул эшине үз өсләренә алган мөхтәрәм затларның югарыдагы рәсемләредер» («Прошло два года, к ним

¹⁸ Период создания: предположительно, 1912 г.

прибавился еще один год. Осталось только одно, что притягивает взгляд, – представленный выше снимок почтенных лиц, взявших на себя это дело»). Текст заканчивается вопросами: «*Үзләренең эшләре хакында комитет әгъзалары милләткә хисап бирә тордылармы? Яки: “Эшләре ни хәлдә бара?” – дип милләт болардан хисап сорадымы? Бу сөвәльәрнең җаваплары безгә мәгълүм түгел*» («Отчитывались ли члены Комитета перед нацией о своей работе? Или народ спрашивал у них отчет за свои дела? Нам не известны ответы на эти вопросы») [38, б.2].

Заклучение. В мае 1911 г. в Уфе на высоком организационном уровне прошли торжественные мероприятия всероссийского масштаба. Состоявшееся 21 мая собрание стало эффективной площадкой взаимодействия традиционалистов и джадидистов. Все это активизировало консолидационные процессы среди российских мусульман. Результатом сотрудничества мусульманских депутатов и уфимских представителей явились проекты уставов Уфимского дарульмугаллимина «Султание» и Уфимского дарульмугаллимата «Султание». Несмотря на эти усилия, данные проекты не были реализованы, но проблема образования российских мусульман получила большой общественный резонанс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аминов Т.М.* Развитие мусульманского образования в Башкортостане: история и современность // Образование и духовная безопасность 2017. №1. С.20–30.
2. *Биккулов К.Д.* Татар ханнары. Казан: Матбагаи Кәримия, 1911. 34 б.
3. *Ваһапов Н.Ә.* Татар вакытлы матбугатында мәгариф һәм тәрбия мәсьәләләренең чагылышы (1907–1916 еллар). Казан: ТР ФА Ш.Мәрҗани исем. Тарих институты, 2010. 188 б.
4. *Габәши Х.-Г.* Хөрмәтле әфәндем хәзрәтләре // Йолдыз. 1911. 10 февраль.
5. *Заһидуллин И.К.* Оренбургское духовное магометанское собрание и вопросы обновления содержания обучения конфессиональных школ (конец XIX – начало XX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. №3. С.146–161.
6. *Заһидуллин И.К.* Хәсәнгата Габәши хатирәсе. Хәсәнгата Габәши. Тәржемәи халемнән, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе / Гарәп графикасыннан кириллицага күчәрәп, кулъязманы басмага әзерләүче Р.Г. Шәрәфиева // Фәнни Татарстан. 2015. №2. Б.121–145.
7. *Заһидуллин И.К.* Хәсәнгата Габәши. Тәржемәи халемнән, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе / Гарәп графикасыннан кириллицага күчәрәп, кулъязманы басмага әзерләүче Р.Г. Шәрәфиева // Фәнни Татарстан. 2015. №3. Б.118–149.
8. *Заһидуллин И.К.* Мөфтиләр һәм казылар (Мәхкәмәи шәрҗыя (1788–1917) рәисләре һәм әгъзалары турында очерклар): монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 267 б.
9. Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия / сост. Т.М. Аминов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 429 с.

10. Мечети Российской империи: конец XIX – начало XX вв.: фотоальбом / ред., отв. за вып. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород: Махинур, 2006. 92 с.
11. Мәғлүмәтә жәдидә. 1911. №8.
12. *Мәхмүд Фуад*. Дарелмөгаллимин // Мәктәп. 1914. №2. Б.32–38.
13. *Мәхмүд Фуад*. Дарелмөгаллимин // Мәктәп. 1914. №3. Б.55–61.
14. Мөфти хәзрәт депутатиясе // Вақыт. 1911. 25 декабрь.
15. Мөфти хәзрәт юбилее мөнәсәбәт илә // Вақыт. 1911. 22 апрель.
16. Мөфти хәзрәтнең юбилее // Вақыт. 1911. 3 апрель.
17. *Нукайский*. Мөфти хәзрәт юбилее // Вақыт. 1911. 1 апрель.
18. *Нукайский*. Сабан туе // Вақыт. 1911. 29 май.
19. *Нукайский*. Уфа хәбәрләре. Дарелмөгаллимин комитеты // Вақыт. 1912. 18 март.
20. *Нукайский*. Уфа хәбәрләре. Дарелмөгаллимин комитеты // Вақыт. 1912. 25 март.
21. *Нукайский*. Уфа хәбәрләре. Даремөгаллимин комитетыннан мөфти хәзрәткә депутатия // Вақыт. 1912. 6 апрель.
22. *Нукайский*. Уфа хәбәрләре. Даремөгаллимин комитетының жыельшы // Вақыт. 1912. 6 апрель.
23. *Нукайский*. Уфа хәбәрләре. Әдәбият, театр вә концерт // Вақыт. 1911. 29 май.
24. *Нукайский*. Уфа хәбәрләре. Юбилей комитеты // Вақыт. 1912. 29 апрель.
25. *Нукайский*. Уфада юбилей көннәре. Зыяфәт мәжлесә // Вақыт. 1911. 27 май.
26. *Нукайский*. Уфада юбилей көннәре. Мөфти хәзрәткә хәтирә калдыру өчен булган киңәш мәжлесә // Вақыт. 1911. 29 май.
27. *Нукайский*. Уфада юбилей хәзерлегә (Юбилей комитетының икенче жыельшы) // Вақыт. 1911. 14 май.
28. *Нукайский*. Юбилей комитеты // Вақыт. 1911. 4 февраль.
29. *Нукайский*. Юбилейга иштиракъ итүче вәкилләр тарафыннан мөфти хәзрәт өчен хәтирә калдыру хақында ясалган киңәш мәжлесә (21 май) // Вақыт, 1911, 27 май.
30. *Сенюткина О.Н.* Архивные документы по истории взаимоотношений государственной власти и мусульманского сообщества на примере 25-летнего юбилея служения муфтия М.М. Султанова (1911 г.) // Отечественные архивы. 2022. №6. С.50–58.
31. «Татар ханлары» // Вақыт. 1911. 3 май.
32. Устав Уфимского дарульмугаллимина «Султанье». Уфада мөфти Солтанов наменә ачылачак дарелмөгаллимин уставының ляхәсә. Уфа: Электро-тип. т-ва «Каримов, Хусаинов и К°», 1911. 6 с.
33. Уфа хәбәрләре (үз мөхбирләребездән). Гайса мирза Еникеев // Вақыт. 1912. 12 апрель.
34. Уфа хәбәрләре // Вақыт. 1911. 6 май.
35. Уфада мөфти Солтанов наменә ачылачак дарелмөгаллимин уставының ляхәсә // Мәктәп. 1914. №4. Б.97–100.
36. Уфада мөфти Солтанов наменә ачылачак дарелмөгаллимин уставының ляхәсә // Мәктәп. 1914. №5. Б.123–124.
37. Уфаның яңа губернаторы тугрысында // Вақыт. 1911. 29 март.
38. Үткәндөгә татлы өметләр... // Вақыт. 1914. 20 май.

39. Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе: Institutions of russian muslim community in the Volga-Ural region. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 344 с.

40. Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. 1913. Т.II. Вып.X. С.651–676.

41. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жыйнагы) / төз.-авт.: Л.Р. Моргазина, А.Ә. Зиннәтуллина. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Поступила 02.04.2024

Принята к публикации 27.05.2024

History of the creation of the draft charters of the Ufa Darulmugallimin "Sultaniye" and the Ufa Darulmugallimat "Sultaniye"

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Based on archival documents and newspaper materials, the events that preceded the development of draft charters of two teachers' schools in Ufa – male (Darulmugallimin) and female (Darulmugallimat) – are reconstructed through the prism of the views of intellectuals as active participants in the processes of social transformations of the early 20th century. The role of the Anniversary Committee in holding events to honor the Orenburg Mufti M.Sultanov is shown. The contribution of Ufa representatives to the preparation of draft charters of Darulmugallimin and Darulmugallimat was noted. This became possible thanks to the tandem of scholars, representatives of the nobility and merchants of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly district. It is noted that this initiative was not supported by the authorities, however, the anniversary events, which received wide public response, were of great importance in the consolidation of Russian Muslims.

Keywords: The Orenburg Muslim Spiritual Assembly, Mufti, Jubilee Committee, Ufa Darulmugallimin "Sultaniye", Ufa Darulmugallimat "Sultaniye", draft, charter

For citation: Akhtyamova A.V. History of the creation of the draft charters of the Ufa Darulmugallimin "Sultaniye" and the Ufa Darulmugallimat "Sultaniye". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.59–74. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.59-74> (In Russian)

REFERENCES

1. Aminov T.M. Development of Muslim education in Bashkortostan: history and modernity. *Education and spiritual security*. 2017, no.1, pp.20–30. (In Russian)
2. Bikkulov K.D. *Tatar khans*. Kazan: Karimov brothers Publ., 1911. 34 p. (In Tatar)
3. Vagapov N.A. *Tatar periodical press of 1907–1916: problems of education and upbringing*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2010. 188 p. (In Tatar)
4. Gabashi Kh.-G. Dear Hazrat Effendi. *Yoldyz*. 1911, February 10. (In Tatar)
5. Zagidullin I.K. Orenburg Muslim Spiritual Assembly and issues of updating the content of teaching in confessional schools (late 19th – early 20th centuries). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*, 2022, no.3, pp.146–161. (In Russian)
6. Zagidullin I.K. Memoir of Khasangata Gabashi. Khasangata Gabashi. Some data of my biography, scientific and social activities. *Scientific Tatarstan*, 2015, no.2, pp.121–145. (In Tatar)
7. Zagidullin I.K. Memoir of Khasangata Gabashi. Khasangata Gabashi. Some data of my biography, scientific and social activities. *Scientific Tatarstan*, 2015, no.3, pp.118–149. (In Tatar)
8. Zagidullin I.K. *Muftiyas and Qadis (Essays on the Chairmen and Members the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (1788–1917)): monograph*. Kazan: Tatar book Publ., 2021. 267 p. (In Tatar)
9. *Madrasahs of Southern Urals and Cis-Urals: History and Modernity: reader*. Ed. by T.M. Aminov. Ufa: Bashkir State Pedagogical University Publ., 2010. 429 p. (In Russian)
10. *Mosques of the Russian Empire: late 19th – early 20th centuries: photo album*. Ed. by D.V. Mukhetdinov. Nizhny Novgorod: Makhinur Publ., 2006. 92 p. (In Russian)
11. *Maglumate jadida*, 1911, no.8. (In Tatar)
12. Makhmud Fuad. Darulmugallimin. *Maktap*, 1914, no.2, pp.32–38. (In Tatar)
13. Makhmud Fuad. Darulmugallimin. *Maktap*, 1914, no.3, pp.55–61. (In Tatar)
14. Deputation of Mufti Khazret. *Vakyt*, 1911, December 25. (In Tatar)
15. In connection with the jubilee of Mufti Khazret. *Vakyt*, 1911, April 22. (In Tatar)
16. Jubilee of Mufti Khazret. *Vakyt*, 1911, April 3. (In Tatar)
17. Nukaiski. Jubilee of Mufti Khazret. *Vakyt*, 1911, April 1. (In Tatar)
18. Nukaiski. Sabantuy. *Vakyt*, 1911, May 29. (In Tatar)
19. Nukaiski. Ufa news. Darulgallimin Committee. *Vakyt*, 1912, March 18. (In Tatar)
20. Nukaiski. Ufa news. Darulgallimin Committee. *Vakyt*, 1912, March 25. (In Tatar)
21. Nukayskiy. Ufa news. Deputation of the Darulgallimin Committee to Mufti Khazret. *Vakyt*, 1912, April 6. (In Tatar)
22. Nukaiski. Ufa news. Meeting of the Darulmugallimin Committee. *Vakyt*, 1912, April 6. (In Tatar)
23. Nukaiski. Ufa news. Literature, theater and concert. *Vakyt*, 1911, May 29. (In Tatar)
24. Nukaiski. Ufa news. Jubilee Committee. *Vakyt*, 1912, April 29. (In Tatar)

25. Nukaïski. During the jubilee days in Ufa. Reception in honor of guests. *Vakyt*, 1911, May 27. (In Tatar)
26. Nukaïski. During the jubilee days in Ufa. Meeting on perpetuating the memory of the holiday in honor of Mufti Khazret. *Vakyt*, 1911, May 29. (In Tatar)
27. Nukaïski. Preparations for the jubilee in Ufa (Second meeting of the Jubilee Committee). *Vakyt*, 1911, May 14. (In Tatar)
28. Nukaïski. The Jubilee Committee. *Vakyt*, 1911, February 4. (In Tatar)
29. Nukaïski. Meeting of participants of the jubilee commemoration of Mufti Khazret (May 21). *Vakyt*, 1911, May 27. (In Tatar)
30. Senyutkina O.N. Archival documents on the history of relations between state power and the Muslim community on the example of the 25th anniversary of the service of Mufti M.M. Sultanov (1911). *Domestic archives*, 2022, no.6, pp.50–58. (In Russian)
31. Tatar khans. *Vakyt*, 1911, May 3. (In Tatar)
32. *Charter of the Ufa Darulmugallimin "Sultaniye"*. Ufa: Karimov, Khusainov and company Publ., 1911. 6 p. (In Tatar)
33. Ufa news. From our own correspondents. Gaisa mirza Enikeev. *Vakyt*, 1912, April 12. (In Tatar)
34. Ufa news. *Vakyt*, 1911, May 6. (In Tatar)
35. Charter of the Ufa Darulmugallimin "Sultaniye". *Maktap*, 1914, no.4, pp.97–100. (In Tatar)
36. Charter of the Ufa Darulmugallimin "Sultaniye". *Maktap*, 1914, no.5, pp.123–124. (In Tatar)
37. About the new Ufa governor. *Vakyt*, 1911, March 29. (In Tatar)
38. Sweet hopes of the past... *Vakyt*, 1914, May 20. (In Tatar)
39. Khabutdinov A.Yu. *Institutions of Russian Muslim community in the Volga-Ural region*. Moscow: Marjani Publ., 2013. 337 p. (In Russian)
40. The school issue in Russian Islam. *World of Islam*, 1913, vol.2, no.10, pp.651–676. (In Russian)
41. *Issues of female education in the Tatar periodical press of the early 20th century: collection of documents*. Compiled by L.R. Murtazina, A.A. Zinnatullina. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Received April 2, 2024

Accepted for publication May 27, 2024

УДК 93/94+929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.75-85>

Sadri Maksudî'nin Çalışmalarında Ceditçi Prensipler

Alper Alp

Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi

Ankara, Türkiye

Sadri Maksudî aile büyükleri ve öğrenim süreci bağlamında ceditçi bir çevrede yetişmiş, ceditçilik hareketinin hızla yükseldiği ve toplumsal taban bulduğu sıralarda toplumsal bir önde olarak sivirmeye başlamıştır. Medrese tahsili ile başladığı öğrenim aşamalarında ağabeyi Hadi Maksudî'nin refakatinde yaklaşık bir yıl İsmail Gaspıralı'nın yanında bulunmuş, Kazan'da Rus-Tatar öğretmen okulunda okuduktan sonra, Fransa yolunu tutmuştur. Genç bir aydın olarak Kazan'a döndüğünde İsmail Gaspıralı gibi mektep medrese sistemini, Rus eğitim sistemini ve Fransız yükseköğretimini bilen bir donanım ve tecrübeye sahiptir. Kısa süre sonra siyasi faaliyetlere dâhil olmuş ve iki dönem Duma'da milletvekili olarak bulunmuştur. Makalemizde Sadri Maksudî'nin toplumsal meseleleri ele almaya başladığı, elinden geldiğince eserleri ile katkı vermeye çalıştığı bu ilk yıllarını ceditçilik prensipler doğrultusunda değerlendirilmiştir. Bu değerlendirmelerimize Milli Roman «Maişet» ve «İngiltereye Seyahat» adlı kitapları ile «Yıldız» gazetesinde halka siyaset kavramlarını öğretmek üzere yazdığı yazılardan bazıları temel teşkil etmiştir.

Anahtar Kelimeler: Ceditçilik, Rusya Müslümanları, Müslüman Fraksiyonu, Milli Roman Maişet

Giriş. Ceditçilik hareketinde öncelik temel eğitim seviyesinden başlayarak modern bir eğitim sistemi kurmaktı. Bu konuda kamuoyu desteğini sağlamak için basın ve yayın faaliyetlerinin özel bir önemi vardı. Modern bir toplum olma yolunda aydın zümresinin ve kadınların konumlarının özel önemi, toplumsal dayanışma ve topluma yönelik hedefler başlıca hassasiyet gösterilen konular olmuştur. İsmail Gaspıralı'nın önderliğinde bu prensipler etrafında birleşen bir muhit meydana gelmiştir. Sadri Maksudî de erken yaşlardan itibaren bu muhit içerisinde bulunmuştur. İlköğrenimine babasının nezaretinde doğduğu köy olan Taşsu'da başlamıştır [1, s.18]. Kazan'daki medrese tahsilinin başlangıcından itibaren ise ağabeyi Ahmet Hadi Maksudî'nin rehberliğinde ceditçi esaslar çerçevesinde bir öğrenim hayatı geçirmiştir. 1895/1896 öğretim yılında Hadi Maksudî ile birlikte Kırım'da bulunması önemli dönüm noktalarından biridir. İsmail Gaspıralı'nın maiyetinde Hadi Maksudî öğretmenlik yaparken, Sadri Maksudî de öğrenimini sürdürmüştür. Sadri Maksudî böylelikle hem ceditçi eğitim prensipleri ile hem İsmail Gaspıralı ile tanışmıştır [2, s.15–19]. Kazan'a döndükten sonra 1897–1901 yılları arasında

Tatar-Rus öğretmen okulunda okuyarak modern Rus eğitim sistemine de vakıf olmuştur [7, s.236]. Bu dönem aynı zamanda ceditçi bir dünya görüşü ile ilk eserlerini vermeye başladığı yıllardır. Maksudî, okul arkadaşlarına nispeten yaşça biraz daha büyük olması sebebiyle özellikle 3. Sınıfta ciddi felsefi ve bilimsel kitaplar okumaya ağırlık verdiğini, özellikle Jean Jack Russo'nun kitaplarını elinde düşürmediğini, Fransızca öğrenme arzusunun da bu eserler sayesinde uyandığını anlatmaktadır. Diğer yandan Rusya'daki Müslüman aydınlar arasında; «din ile bilimin uzlaşması mümkün müdür?» konusu hararetle tartışıldığı için fen bilimlerine de ilgi duyduğunu aktarmıştır. Kendisi de din ile bilimin çatışmadığını Rusça eserlerden istifade ederek ortaya koymak istemişti. Bu düşünce ile daha önce duyduğu Darwin'in doğal seçim teorisi hakkında daha fazla bilgi sahibi olmak istemiş böylece Timiryazev'in bu konudaki kitabını incelemiştir. Sadri Maksudî, kitapta İslam itikadına aykırı bir husus görmediğini de belirtmektedir [3, s.87–92].

1902–1906 yılları arasında Fransa'da yüksek tahsilin tamamlayarak Kazan'a dönmüştür [14, s.6–7]. Artık ceditçi hareketin seçkin aydınları arasında yerini alabilecek bir donanımına sahip bir genç olarak Devlet Dumasına seçilmiş, görev yaptığı süre boyunca Rusya Müslümanları adına önemli konularda çalışmalar yürütmüştür.

A) Ders Kitabı Hazırlama Girişimi. Sadri Maksudî'nin ceditçi bir genç olarak ilk mütevazı katkısı jeoloji konusunda hazırladığı ve 1899 yılında yayınlanan «İlmü'l-arz» başlığıyla basılmış jeoloji hakkındaki bir kitapçıktır. Bu eser de dönemin kültürel ve sosyal değişim iklimine uygun olarak ortaya çıkmıştır. Hızla yayılan ve sayısı artan ceditçi mektepler için önemli bir ihtiyaç olarak yeni öğretim metotlarına uygun, yeni dersler için ders kitapları meselesi ortaya çıkmıştı. Bu ihtiyaç önemli oranda Rusça ve Osmanlı Türkçesinden çeviriler yoluyla karşılanmıştır. Her ne kadar Sadri Maksudî belirtmemiş olsa da kitabın kaynaklarının Rusça ve Türkçe ders kitapları olduğunu varsaymak mümkündür.

Kitabın önsözünde tabiat bilimleri kavramını açıkladıktan sonra jeolojinin bu sınıfta değerlendirilen yeryüzü tabakaları ve madenleri inceleyen bir bilim dalı olduğunu belirtmektedir. Yine önsözde verdiği bilgilere göre 29 sayfalık bir kitapçık değil 150 sayfalık daha büyük bir çalışma olarak planlanmıştır. Ancak baskı masraflarının artmasından endişe ederek kısa bir özetini yayınlamıştır. Kitabı kısaltmasındaki başka bir temel sebep Tatarca'nın o dönemde bilimsel terimler bakımından yeterli birikime sahip olmamasıdır [5, s.2].

Kitapta kısa ara başlıklar halinde jeoloji biliminin ortaya koyduğu bilgileri aktarmıştır. Yeryüzü hakkında geçmişteki düşünceler başlığı altında dünyanın şekli, evrendeki konumu ile ilgili en eski görüşleri ve bugünkü bilgilerin yolunu açan yaklaşımları özetlemiştir. Dünyanın şekli ve hareketleri, dünyanın büyüklüğü, yeryüzü tabakaları, yer kabuğu, fosiller, yeryüzünün şimdiki şekli, volkanlar ve onların kuvveti ile meydana gelen değişiklikler, yükselti ve

çökeltiler, Su kuvveti ile meydana gelen değişiklikler, dağlar, sıradağlar, Su kaynakları ve ırmaklar bu kitapçıkta yer alan diğer konu başlıklarıdır [5, s.35].

B) Ceditçi Bir Eser Olarak Maişet Romanı. Sadri Maksudi'nin kaleme aldığı «Мәғыйшәт» («Maişet») adlı roman, onun ceditçilik hareketine başlangıç aşamasında yaptığı mütevazı bir başka katkıdır. Tatar toplumunun geleneksel yapısı içerisinde aksaklıklar, toplumun elit kesimin oluşturan varlıklı kesim ile ulemanın yanlışları, eksikleri ortaya konulmakta ve eleştirilmektedir. Bu gidişi değiştirmek ve milletine hizmet etmek isteyen bir iradenin varlığı idealist bir genç olan Fatih'in karakteri üzerinden, onun düşünceleri ve bazı davranışları ile örneklendirilerek vurgulanmaktadır. Romanın ideal tipleri genç Fatih ve müstakbel eşi Rabia'dır.

Romanda tasvir edilen Halit Ağa, kadimci medreseleri destekleyen geleneksel toplum dokusunun temsilcisi bir tüccar tipidir. Eğitim öğretimin bir uzmanlık alanı olduğunun farkında olmayan, verdiği maddi desek sebebiyle medresedeki öğrenci kadrosundan, verilen derslere kadar her hususa müdahil olma hakkını kendisinde gören bir kişiliktir. Ticaretteki başarısı ve sahip olduğu zenginlik sebebiyle kendisini her konuya hâkim, her meselede yeterli gören bir insandır. Bu özgüveni sebebiyle ilmi konularda sık sık gülünç duruma da düşmektedir. Maksudi, Halit ağayı tanımlarken Tatarca'da zengin fakat cahil ve görgüsüz kimseler için kullanılan «Baygura» [12, s.111] kelimesine yer vermektedir. Kendisine danışmayan, yardım istemeyen gençlerden başarılı olanları çekemiyor, onları engellemek için gereken vasıtalara başvuruyordu. Ayrıca kadınlara düşkünlüğü de dikkatlerden kaçmıyordu. Bütün bu nitelikleri ile toplum hayatına çağın gereklerine göre katkı yapma bilgi, beceri ve donanımından uzak bir kişiliktir [6, s.2–11].

Halit ağanın altmış yaşını geçmesine rağmen 16–17 yaşında genç bir kızla evlenme teşebbüsü hikâyenin ana safhalarından biridir. Hüseyin ağa adlı bir tüccarın kızı olan Rabia'nın ailesine çöpçatan göndermesi ile konuya dahil edilmişlerdir. Bu kısımda Maksudî toplumdaki bazı gelenekleri sert biçimde eleştirmekten geri durmamıştır. Kızın kendisi ve annesi böyle bir evliliğe karşı olmasına rağmen babası kendisine kıyasla çok daha büyük servete sahip Halit Ağa ile kızını evlendirmeyi işlerini geliştirmek için bir fırsat olarak görmüş ve kızının yaşlı da olsa varlıklı bir insanla evlenmesine izin vermiştir. Gelenekler doğrultusunda babası uygun görüp razı olduktan sonra kızın rızasına bakılmamaktadır. Böylesi evlilikler dönemin Tatar toplumunda seyrek görülen bir durum da değildir. Bu sebeple Maksudî, ailenin toplum için önemini vurgulamış, sağlıklı bir aile yapısının genç fertler arasında yapılacak evliliklerle mümkün olabileceğini savunmuştur [6, s.12–22].

Bu aşamada, romanın esas karakteri Fatih okuyucuya tanıtılmaktadır. Fatih idealist bir gençtir. Milletine faydalı olmak hayatındaki en önemli amaçtır. Bütün toplumsal meselelere ve faaliyetlere bu bakış açısıyla yani aslında ceditçi bir tavırla yaklaşmaktadır. Örneğin Tatar gençlerinden batakhane benzeri eğlence yerlerine gidenleri kusurlu buluyor, buralarda vakit kaybetmek yerine

halkına faydalı, gerekli işlere kafa yormak gerektiği kanaatini ortaya koyuyor. Varlıklı ailelerin gençlerinin harekete geçip yetiştirme yurtları kurarak yetim çocukların iyi beslenip, eğitim almalarını sağlamayı ve toplumla uyumlu bireyler haline getirilmelerini bir öneri olarak sunmuştur. Halkının pek çok meselesi olduğunu bu meselelerden bazılarını anlayacak bilgi ve donanıma sahip olmadıklarını, bu sebeple onların görebildikleri eksiklikler üzerine yoğunlaşmayı doğru bulduğunu ifade ediyor.

Fatih çok terbiyeli, yaramaz fikirler taşımayan bir kişi olarak tasvir edilmiştir. Fatih'in böyle güzel özelliklerle yetişmesinde onunla en son ilgilenen halfe Kamil Efendi'nin büyük payı olduğu vurgulanmaktadır. Hikayede Fatih'in ona tesadüf etmemiş olsa bu kadar seçkin niteliklere sahip olamayacağı söylenirken bu yetersiz eğitim sistemi ve kurumlarının nadir de olsa faydalı sonuçlar çıkarabilen kişileri barındırdığı kanaatine gönderme yapılmaktadır. Kamil efendi zeki ve çalışkan bir talebe olduğu için İslam bilimlerinde iyi derecede malumat sahibi olduğu gibi kendi ilgisi doğrultusunda *Osmanlı lisanı* ve Rus edebiyatını anlayacak dereceye gelen böylelikle Rus, Osmanlı ve Arapça Mısır gazetelerini takip etme imkânına da sahip olduğu için dünya çapında güncel gelişmelerinden haberdar bir halfe olarak tanımlanmaktadır. Fatih'e dini bilimlerin yanı sıra coğrafya, tarih, hesap dersleri vermiştir ki bunlar o devirde ceditçi bir eğitimcinin taşıması gereken genel özelliklerdir [6, s.26–32]. Kamil Efendi'nin Fatih'i kötü alışkanlıklara yönelmesini engellemek ve onu toplum için faydalı işler yapmaya teşvik etmekte de katkısı olduğu anlatılarak eğitim sürecinin ceditçi hareket açısından içeriğinin ne olması gerektiği açıklanmış oluyordu.

Eğitim sürecinde öğretmenlerin rolünü Rabia'yı tanıtırken bir kez daha vurgularken Maksudî aynı zamanda kadınların eğitiminin toplum için önemini de hatırlatmış oluyordu. Rabia diğer Tatar kızları gibi üstadbike adı verilen bir kadının evinde öğrenim görüyordu. Bu öğretim tarzının kusuru eğitim içeriğinin tamamen üsadbikenin tahsiline, bilgi birikimine bağlı olmasıydı. Bu eğitimler arasında kendileri dahi okuma yazma bilmeyenler vardı. Ancak Rabia'nın üstadbikesi bir Hattat kızı olduğu için okuma yazma becerisi üst seviyede idi. Bu sayede Rabia da okuma yazmayı iyi öğrenmiştir [6, s.37–38].

Milletini seven, halkına bağlı bir genç olarak Fatih kendi halkı gibi yaşamak istemektedir. Bu sebeple eşinin de milletinin gelenek ve göreneklerini bilen, halkın okuduğu eserleri okuyan bir hanım olmasını istemektedir. Rabia'da bu özellikleri bulmuştur. Rabia, üstadbikesi Mahire sayesinde Elifba, Kesikbaş, Yarım Elma, Bakırgan, Yusuf ile Züleyha, Muhammediye gibi kitapları ders olarak okumuştur. Tahsile çok hevesli ve çalışkan bir kişilik olarak Rabia'nın iyi bir edip veya yazar olabilecekken sınırlı öğrenimi sebebiyle bu vasfı kazanmadığı anlatılırken Tatar kızlarının o dönemdeki genel durumu ve ortak kaderine işaret edilmektedir. Kız çocuklarının iyi eğitim alma imkânına kavuştukları takdirde şahsen çok daha nitelikli hale gelebilecekleri ve topluma bu sayede büyük katkılar yapabilecekleri düşüncesi işlenmiştir. Bununla birlikte geleneklerin esiri olan aileler sebebiyle o sıralarda binlerce kız çocuğu cüzi bir eğitim alma imkânı dahi bulamayıp cahil kalmakta idi. Bu kızların edebiyattan

aldığı hisse o dönemde evlerde okunan «Üç oğlu olan ihtiyar», «Evladı olmayan padişah» gibi hikâyeleri [6, s.39–50].

Fatih, meşakkatli bir süreçten ve mücadelelerden sonra Rabia ile evlenme muradına erişmiştir. Rabia'nın bilgi ve kültürünü genişletmeyi vazife edinmiştir. Dini, itikadî konularda belli bir bilgi düzeyine sahip olsa da Fatih ona İslam dininin ortaya çıkış sürecini, Hz. Muhammed'in sireti, İslam tarihindeki önemli şahısların hayatlarını, İslam dinine ve İslam ümmetine katkılarını öğretmeye çalışmıştır. Gazete okurken Rabia'nın dikkatini çeken konularda yönelttiği soruları da ayrıntılı ve özenli cevaplayarak yine onun bilgi ve kültürünü genişletmeye çalışıyordu. Yeni çıkan kitaplardan eşinin yararlanabileceği konuları içerenleri seçip almakta idi. Bütün bunlar ceditçilerin eğitim alanına ve özellikle kadınların eğitilmesine verdikleri önemin yansıtan davranışlardır. Rabia'nın da Osmanlı edebiyatını anlayacak derecede kendisini geliştirmesi Osmanlı gazete ve kitaplarını takip ederek buradan edindiği bilgileri çevresiyle paylaşması ceditçilerin toplumcu bakış açısını romana yansıtan önemli örneklerdir.

Roman, Fatih'in oğlu ile ilgili hedefleri ve onun doğumuyla sona ermektedir ki bu son kısmı da topluma ceditçi hareketin vermek istediği mesajlarla donatılmıştır. Fatih oğlunun terbiyesi, İslam ruhu ile yetişmiş, alim, dindar, hamiyetli, milli değerlere bağlı bir kişi olmasını istemektedir. Milletine, dinine; dili, faaliyeti ve malı ile faydalı olacak bir adam olmasını Allah'tan dilemektedir. Milletinin terakkisi için çalışan böylelikle dünyada güzel bir nam bırakan bir adam olması oğlu adına en büyük emelidir [6, s.74–78].

Sadri Maksudi, ceditçi esasta eğitim yapan mektep hayatından sonra, Tatar-Rus öğretmen okulunda edindiği bilgi ve donanım ile ceditçi hareketin güçlenmeye başladığı bir devrede sosyal konularda yaşanan değişimleri ele alan romanı ve ders kitabı mahiyetindeki çalışmasını yayımlayarak toplumsal süreçleri yakından takip etmiş olduğu gibi bu süreçlerde aktif rol oyanayacağını çok erken yaşlardan itibaren göstermiştir.

C) İngiltere Seyahati Notları bağlamında Ceditçi Değerlendirmeleri. 1909 yılında İngiltere'ye Devlet Duması Temsilcileri heyetinin yaptığı resmi ziyarette Sadri Maksudi de bulunmuştur [3, s.4]. Bu gezide pek çok resmi ve hususi görüşmeler yapmıştır. Londra gezisinin beşinci gününde İngiltere'nin Eski Mısır Genel Temsilcisi Evelyn Baring'in evinde davet üzerine misafir olmuştur. Bu ziyarette ortaya konulan fikirler ceditçi prensipler açısından oldukça dikkate değerdir. Baring, Müslümanların vakit geçirmeden Avrupa medeniyetini kabul ve tatbik etmeleri gerektiğini aksi halde çok ağır problemlerle karşı karşıya kalacaklarını, İslam dini ile Avrupa medeniyetinin imtizaç edemeyeceğini söyleyenlere katılmadığını, İslam dünyasının içinde bulunduğu acziyetin cahillikten kaynaklandığını, bu yönü ile ortaçağ Avrupasına benzediklerini iler sürmüştür. Eğer, yok olmak ve çürümek istemiyorsa İslam dünyasının tez elden eğitime ağırlık vermesi ve ilerleme yoluna girmesi gerektiği kanaatini ortaya koymuştur [3, s.92–94].

Maksudi, öğrencilik yıllarında eserlerin okuduğu Dickens'ı Londra gezisi sırasında hatırına getirerek ahlak ve iyilik yönünü geliştirmek isteyenlerin mutlaka okuması gereken bir yazar olarak takdim etmiştir. Jean Jacques Rousseau, Tolstoy ve Victor Hugo'yu da bu tarz birer yazar olarak değerlendirmektedir.

Rusya Müslümanlarının hemen her vilayette kurmaya başladıkları hayır cemiyetlerinin toplumsal hayatta sahip olabileceği önemli konuma da İngiltere'den örnek vermiştir. Bu sıralarda, Londra'da fakir halkın sayısı azımsanmayacak kadar çok olsa da onların hayat koşullarını düzeltmek için çalışan yaklaşık 2 bin hayır cemiyeti bulunmaktaydı. Düşkünler evi, hastaneler, yetiştirme yurtları ve sair alanlarda faaliyet gösteren hayır cemiyetlerinin yıllık geliri 5 milyon sterlin idi. Her Pazar günü kiliselerde hayır cemiyetleri için toplanan para 40 bin sterlini bulmaktaydı. Ayrıca haftada bir gün hayır cemiyetine üye kadınlar tarafından yapılan bağış toplama faaliyetlerinde yaklaşık 15 bin sterlin toplanmaktaydı [3, s.108–110].

Sadri Maksudî, bulunduğu uluslararası toplantılar ve davetler sonrasında gözlemediği üzere Fransızca'nın uluslararası düzeyde en muteber dil olduğunu belirtmiş ve genç okurlarına Rusça dışında fırsat buldukları takdirde Fransızca öğrenmelerini tavsiye etmiştir [3, s.143].

D)Duma Milletvekili Olarak Ceditçi Tavrı. II. ve III. Duma'da, 1907–1912 yılları arasında Kazan Vilayeti temsilcisi olarak bulunduğu dönemde Müslüman Fraksiyonunun en etkili ve önde gelen üyelerinden biri olarak sivrilmıştır [13, s. 22–36]. «Йолдыз» («Yıldız») gazetesinde meşrutiyet rejimi, parlamento'nun görev ve yetkileri, çalışma usulleri, kanun görüşmeleri, siyasi partiler ve bunların programları, Müslüman fraksiyonunun çalışmaları hakkında geniş bilgiler vermiştir. Böylelikle hem Duma etrafında gelişen siyasi olaylar hakkında bilgi vermiş hem de kendi kamuoyun desteğini sağlamaya çalışmıştır. Bu bağlamda Duma'dan Mektup, Hesapname gibi başlıklarla yazdığı yazılar dikkate değerdir.

İlk makalelerinden birinde Meclisin oluşumu ve işleyişi anlatarak Rusya'daki Müslüman halkına temel ve genel bilgiler vermeyi amaçladığını görülebilir.

Maksudi: «Her memlekette meclis-i mebusan dört yüz beş yüz kadar azadan mürekkep büyük bir cemiyettir. Millet meclislerinde azanın daima çok olması iki esasa mebnidir. Biri memlekette mevcut bütün vilayetlerin, bütün milletlerin mecliste kendilerine mahsus bir vekil bulundurmamak istemeleridir. İkincisi bir yerde çeşitli menfaatleri birbirine giren adamlar, ne kadar çok bulunursa bütün memleket için bir orta menfaat, vasati hakikat bulunabileceği fikridir. Çok azalı meclisler meseleyi açmak, etraflıca izah etmek, orta hakikati ileriye götürmek nokta-yı nazarından fevkalade faydalıdır.

Lakin büyük meclislerde, dört beş yüz kişinin bir yere toplanıp ameli iş görmesi kolay değildir. Bir Meclis-i Mebusan için bütün heyet-i mecmuasıyla bir kanun layihası tertip etmek yahut verilen layihayı tafsiliyle incelemek

fevkalade güçtür. Binaenaleyh bu gibi ameli işleri görmek için meclis-i mebusanlar daima komisyonlar seçerler. Komisyon Fransızca bir kelimedir ki; teslim, emanet heyeti diye tercüme edilebilir. Millet meclisi her bir mühim meseleyi derinlemesine öğrenmek için o mesele hakkında bir nevi ihtisası olan kişilerden mürekkep bir komisyon seçer. Meclis-i mebusanlarda işin en ağır tarafları komisyonda icra edilir. Bu sebeple bu sebeple komisyonlara muvafık kişilerin seçilmesi pek mühimdir. Komisyonlar seçilip, belirlenmedikçe meclis-i mebusan için iş görmek mümkün değildir». Şeklinde temel işleyiş aşamaları hakkında bilgi verdikten sonra Bakanlık divanını seçtikten sonra komisyon seçimlerine geçildiğini, komisyonlar arasında en önemlilerinin ise bütçe ve finans komisyonları olduğunu aktarmaktadır [4, s.2]. Bu üslubu ile siyasi parti tecrübesi hemen hemen hiç olmayan Tatar halkına bu alanda bir öğretmen tavrı ile temel prensipleri öğretme gayreti içinde olduğu söylenebilir.

Hesapname başlıklı makalelerinde ise öncelikle Müslüman milletvekillerinin Duma'da sergileyecekleri çalışma tarzının esaslarını ortaya koymuştur. Buna göre:

«1) Müslüman Fraksiyonu halinde teşkilatlanıp, bütün Müslüman Milletvekilinin birlikte iş görmelerine çalışılacak

2) Müslümanların zararına kanunlar çıkmasına karşı durulacak.

3) Müslümanlar için zaruri ve matlup işler, kanunlar Duma vasıtasıyla gerçekleştirilmeye çalışılacak .

4) Yeri geldiğinde, fırsat çıktığında umumî meselelerde, daha çok Müslümanlarla ilgili meselelerde Duma kürsüsünden konuşmalar yapılacaktır» [8, s.2-3].

Müslüman Fraksiyonunun hedeflenen çalışma tarzını bu şekilde ortaya koyduktan sonra II. Duma'da yapılan işleri bu başlıkla devam eden yazı dizisiyle ayrıntılı bir şekilde ortaya koymuştur [9, s.2; 10, s.2-3; 11, s.2]. Maksudi, bu tavrını III. Duma üyeliği sırasında da devam ettirmiştir.

Sonuç. Sadri Maksudi, toplumsal konularla yakından ilgilenmiş ceditçilik prensiplerini benimseyen bir genç olarak edebi, pedagojik ve siyasi çalışmalarında bu yönünü açık biçimde ortaya koymuştur. Milli Roman «Maişet» ile bir devreyi temsil etmektedir. Bu devre Tatar halkına modern dünyanın gereklerini, kendi toplumlarındaki eksik yönleri, yanlış giden hususları göstermeye dönük sosyal konulu ve didaktik edebi eserlerin verildiği bir devredir. Sadri Maksudi bu içerikte bir eser vererek mevcut literatürün genişlemesine katkı vermiştir. «İlm-i Arz» (Jeoloji) kitabıyla ceditçi okullardaki yeni eğitim anlayış ve içeriğindeki değişim ve gelişime dair önemli bir örnek ortaya koymuştur. Bu çalışmasında Tatar dilinde terminoloji geliştirme konusunda ihtiyaç olduğunu da göstermiştir. Kazan vilayeti milletvekili olarak Duma'ya seçildikten sonra Tatar halkı için yeni bir tecrübe olan siyasi partiler ve parlamento faaliyetlerini bir öğretmen hassasiyeti ile tanıtmış, açıklamış ve kamuoyu desteğini mümkün olduğu kadar üst seviyede ve canlı tutmaya

çalışmıştır. Bütün bu yönleri ile hayatının bu dönemlerinde her aşamada ceditçi prensiplere bağlı kalarak faaliyet göstermiştir.

KAYNAKLAR

1. *Абдуллин Я.Г.* Ижат һәм көрәш баскычлары // Садри Максуди. Казан, 1996. Б.18–28.
2. *Ayda A. Sadri Maksudi Arsal.* Ankara, 1991. 290 s.
3. *Максуди С.* Англиягә сәяхәт. Казан, 1914.
4. *Максуди С.* Думадан хат // Йолдыз. 1907. 1 май.
5. *Максуди С.* İlm-i tabakatü'l-arz (Ильм-и Табакатуль-арз. Перевод главы книги с турецкого языка на татарский язык). Казан, 1895.
6. *Максуди С.* Мәгыйшәт. Казан, 1900.
7. Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: сборник документов и материалов / отв. сост. Л.В. Горохова; сост. Н.С. Горицкая, Н.А. Шарангина; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова; отв. ред. Д.Р. Шарафутдинов. Казань: Гасыр, 2005. 236 с.
8. Садри әфәнде Максудиның Казан губерниясы мөселман сайлаучыларына хисапнамәсе // Йолдыз. 1907. 15 июль.
9. Садри әфәнде Максудиның Казан губерниясы мөселман сайлаучыларына хисапнамәсе // Йолдыз. 1907. 18 июль.
10. Садри әфәнде Максудиның Казан губерниясы мөселман сайлаучыларына хисапнамәсе // Йолдыз. 1907. 20 июль.
11. Садри әфәнде Максудиның Казан губерниясы мөселман сайлаучыларына хисапнамәсе // Йолдыз. 1907. 25 июль.
12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. Т.1. А-Й / редкол.: Р.А. Зиләева, Г.Г. Абдрахманова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. 475 б.
13. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 494 с.
14. *Хәсәнов М.Х.* Садри Максуди – татар һәм төрек Яңарышының эшлеклесе // Садри Максуди: тарих һәм хәзерге заман. Казан: «Мастер Лайн» нәшрияты, 1999. Б.5–14.

Yazar hakkında:

Alper Alp – Ph.D., Doç.Dr., Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü, Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi (Ankara, Türkiye); ORCID: 0009-0008-8109-0576; e-mail: alper.alp@hbv.edu.tr

Принципы джадидизма в исследованиях Садри Максуди

Альпер Альп*Университет Анкары Хаджи Байрам Вели
Анкара, Турция*

Садри Максуди сформировался как личность в джадидской среде, когда уже начались перемены в образовательном процессе у тюрко-мусульман Российской империи. Во время быстрых темпов развития джадидского движения он начал выделяться как социальный лидер. После получения начального образования, юный Садри вместе со своим старшим братом Хади Максуди провел около года с Исмаилом Гаспринским в Крыму и учился в местном медресе. Вернувшись в Казань, он окончил Татарскую учительскую школу и после уехал на учебу во Францию. Вернулся он в Россию уже молодым интеллектуалом, у которого были знания и опыт, необходимые для развития системы образования. Вскоре Максуди занялся политической деятельностью и на два срока был избран депутатом Государственной думы Российской империи. В нашей статье представлены ранние годы деятельности Садри Максуди, когда он только начал заниматься социальными вопросами и старался внести свой вклад в развитие национального образования в соответствии с принципами джадидизма. Эти оценки легли в основу его произведения «Мәғыйшәт» («Магыйшат») и красной нитью проходили в книге «Англиягә сәяхәт» («Путешествие по Англии»). Данные идеи были представлены в некоторых его статьях в газете «Йолдыз», где он также знакомил татаро-мусульманскую общественность со своими политическими взглядами, идеями, которые содержали пути решения политических проблем и общественных вопросов.

Ключевые слова: джадидизм, мусульмане России, Мусульманская фракция, роман «Магыйшат»

Для цитирования: Alp A. Sadri Maksudi'nin çalışmalarında ceditçi prensipler // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.75–85. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.75-85>

Информация об авторе:

Альпер Альп – Ph.D., доцент отделения истории факультета литературы, Университет Анкары Хаджи Байрам Вели (Анкара, Турция); ORCID: 0009-0008-8109-0576; e-mail: alper.alp@hbv.edu.tr

*Поступила 22.03.2024**Принята к публикации 30.04.2024*

Jadidism Principles in the studies of Sadri Maksudi

Alper Alp

Ankara Hacı Bayram Veli University

Ankara, Turkey

Sadri Maksudi was formed as a personality in the Jadid environment, when changes in the educational process of the Turkic-Muslims of the Russian Empire had already begun. During the rapid development of the Jadid movement, he began to stand out as a social leader. During the rapid development of the Jadid movement, he began to stand out as a social leader. After receiving his primary education, young Sadri, together with his older brother Hadi Maksudi, spent about a year with Ismail Gasprinsky in Crimea and studied at a local madrasah. Returning to Kazan, he graduated from the Tatar teachers' school and then went to study in France. He returned to Russia as a young intellectual who had the knowledge and experience necessary to develop the education system. Soon Maksudi became involved in political activities and was elected to the State Duma of the Russian Empire for two terms. Our article presents the early years of Sadri Maqsudi's activity, when he just began to engage in social issues and tried to contribute to the development of national education in accordance with the principles of Jadidism. These assessments formed the basis of his work "Magyishat" and were a common thread in the book "Travel to England". These ideas were presented in some of his articles in the "Yoldyz" newspaper, where he also introduced the Tatar-Muslim public to his political views, ideas that contained ways to solve political problems and social issues.

Keywords: jadidism, russian muslims, Muslim Fraction, novel "Magyishat"

For citation: Alp A. Jadidism Principles in the studies of Sadri Maksudi. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp. 75–85. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.75-85> (In Turkish)

REFERENCES

1. Abdullin Ya.G. Creativity and stages of struggle. *Sadri Maksudi*. Kazan, 1996. Pp.18–28. (In Tatar)
2. Ayda A. *Sadri Maksudi Arsal*. Ankara, 1991. 290 p. (In Turkish)
3. Maksudi S. *Travel to England*. Kazan, 1914. (In Tatar)
4. Maksudi S. Letter from the Duma. *Yoldyz*. 1907, May 1. (In Tatar)
5. Maksudi S. *Il'm-i Tabakatul'-arz* (Translation of a book chapter from Turkish into Tatar). Kazan, 1895. (In Tatar)
6. Maksudi S. *Magyishat*. Kazan, 1900. (In Tatar)
7. *Kazan Tatar teacher's school 1876–1917: collection of documents and materials*. Ed. by D.I. Ibragimov, D.R. Sharafutdinov; Compiled by L.V. Gorokhova, N.S. Goritskaya, N.A. Sharangina. Kazan: Gasyr, 2005. 236 p. (In Russian)
8. Sadri Maksudi's report to Muslim voters in the Kazan province. *Yoldyz*. 1907, June 15. (In Tatar)
9. Sadri Maksudi's report to Muslim voters in the Kazan province. *Yoldyz*. 1907, June 18. (In Tatar)

10. Sadri Maksudi's report to Muslim voters in the Kazan province. *Yoldyz*. 1907, June 20. (In Tatar)
11. Sadri Maksudi's report to Muslim voters in the Kazan province. *Yoldyz*. 1907, June 25. (In Tatar)
12. *Explanatory dictionary of the Tatar language: in three volumes*. Ed. by R.A. Zilyaeva, G.G. Abdrakhmanova. Vol.1. Kazan: Tatar book Publ., 1977. 475 p. (In Tatar)
13. Usmanova D.M. *Deputies from the Kazan province in the State Duma of Russia. 1906–1917*. Kazan: Tatar book Publ., 2006. 494 p. (In Russian)
14. Khasanov M.Kh. Sadri Maksudi – figure of the Tatar and Turkish Renaissance. *Sadri Maksudi: heritage and modernity*. Kazan: Master Layn Publ., 1999. Pp.5–14. (In Tatar)

About the author:

Alper Alp – Ph.D., Associate Professor of the Department of History of the Faculty of Literature, Ankara Hacı Bayram Veli University (Ankara, Turkey); ORCID: 0009-0008-8109-0576; e-mail: alper.alp@hbv.edu.tr

Received March 22, 2024

Accepted for publication April 30, 2024

УДК 93/94+929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.86-99>

Sadri Maksudi Arsal ve Türk dil devrimi

M.G. Scherberger

Georg August Göttingen Üniversitesi

Göttingen, Almanya

Bu makale, Sadri Maksudi Arsal'ın Türk dil reformundaki rolüne genel bir bakış sunmaktadır. Sadri Maksudi bu konuda birçok yazı yazmış ve bu sayede Mustafa Kemal Atatürk ve Türk dil devrimi üzerinde önemli bir etkiye sahip olmuştur. Sadri Maksudi'nin bu konudaki temel eseri *Türk Dili için*'dir. Bu kitapta Osmanlı yazı dilinin radikal bir şekilde Türkleştirilmesi çağrısında bulunmuştur. Makalemizde Sadri Maksudi'nin Atatürk ve çevresi üzerindeki etkisini daha detaylı bir şekilde ortaya koyuyor ve dil devrimi kapsamında bunun hangi kısmının gerçekleştirildiğini inceliyoruz. Ayrıca Sadri Maksudi'nin yaklaşımının uzun vadede ne kadar başarılı olduğu sorusunu da ele alıyoruz. Üstelik Sadri Maksudi'nin kendisinin nasıl bir dil kullandığı ve bunun onun özleştirme taleplerine ne ölçüde karşılık geldiğiyle ilgileniyoruz.

Anahtar kelimeler: Sadri Maksudi Arsal, Mustafa Kemal Atatürk, Türk dil devrimi, alıntı sözcükler ve yabancı sözcükler, neolojizmler, Arapça, Farsça, Osmanlıca, Türkçe, Türk dilleri

Teşekkür sözü: Türkçe metnimizi okuyup kontrol ettiği için sayın Dr. Ali Adem Yörük'e teşekkür ederiz.

Giriş. Ceditçi ve Kemalist Tatar-Türk aydını Sadri Maksudi Arsal (1878–1957), bilim insanlarının yoğun ilgisini çekmeye devam etmektedir. Bugüne kadar gerçekleştirilen yayınların, konferansların ve diğer bilimsel faaliyetlerin çokluğu buna tanıklık etmektedir [2; 6; 8; 9]. Kazan yakınlarındaki Taşsu'da doğan Maksudi, çağının ruhuna uygun olarak milliyetçi, son derece okumuş bir kişilikti; çeşitli ülkelerde (özellikle Rusya, Finlandiya, Almanya, Fransa, Türkiye) yaşayıp siyasetçi, hukukçu, tarihçi ve dil reformcusu olarak çalışmıştır. Bütün bu alanlarda önemli izler bıraktı [1]. Bu makale, Maksudi'nin Türk dili sahasındaki rolünü ele almaktadır. Maksudi'nin dille ilgili görüşlerini anlamaya yönelik en önemli kaynak onun *Türk Dili için (TDi)* adlı kitabıdır [4]. Maksudi'nin doğumunun 140. yılı anısına düzenlenen kongre antolojisinde o kitabın içeriğinden detaylı olarak bahsetmiştik [7]. Bu nedenle bu çalışmada, kitabın içeriğini kısaca özetleyip aşağıdaki sorulara değineceğiz:

Maksudi, kitabını nerede ve hangi dönemde yazmıştır, nasıl bir imla ve dil kullanmıştır, görüşleri günümüz açısından ne kadar bilimseldir, ne gibi tepki ve eleştirilerle karşılaşmıştır, hangi fikirleri yenidir ve hangileri daha önceki

reformcular tarafından dile getirilmiştir, Kemalist dil devrimini ne ölçüde etkilemiştir, hangi yaklaşımları uzun vadede başarılı olmuştur, hangileri olmamıştır, kendi imlası ve dili yıllar içinde nasıl gelişmiştir? [Tüm bu konuların ayrıntılı bir incelemesi doktora tezimizde [8] bulunmaktadır].

Ana bölüm. *TDi*'nin yazılış tarihi, kitaptaki bazı bilgiler kullanılarak belirlenebilir. Bunlar, Maksudi'nin *TDi*'ni 1920'li yılların başında Paris'te yazmaya başladığını ve 1928 yılında *Milliyet* gazetesinde Arap harfleriyle dizi olarak [3] yayınladığını göstermektedir. Sonra iki yıl daha metin üzerinde çalışarak revize etmiş, 1930'da Latin alfabesiyle kitap olarak İstanbul'da yayınlamıştır [8, s.81–84]. Maksudi'nin yazıları, günümüz Türk yazımına kısmen karşılık gelmekte, hâlâ Arapça imlanın etkisi altında olduğu görülmektedir. Bu, diğer şeylerin yanı sıra, Türk fonetik kanunlarına göre *p* ve *t* şeklinde sertleşen *Be* ve *Dal*, *Ayn* ve *Hemze* ve uzun ünlüler gibi özellikler gösteren Arapça ve Farsça alıntı kelimelerden anlaşılmaktadır. Bunlar, hem Arap alfabesinin fonetikleri (solda) hem de bugün yapıldığı gibi Türkçenin fonetikleri dikkate alınarak (sağda) yazılmıştır:

galib, mikdar, tarafdar – *galip, miktar, taraftar* [8, s.88–89]

hey'et, mes'ele, san'at – *heyet, mesele, sanat* [8, s.95]

hâdise, ecnebî, medlûl – *hadise, ecnebi, medlul* [8, s.103]

Maksudi'nin *Milliyet* gazetesini yazılarındaki dili ile *TDi*'deki dili karşılaştırıldığında gazete metninin klasik Osmanlıca, kitap metninin ise sadeleştirilmiş Osmanlıca olduğu ortaya çıkmaktadır. Bu, Maksudi'nin gazete metnindeki birçok Arapça ve Farsça kelime ve formu, kitapta Türkçe kelime ve formlarla değiştirdiği anlamına gelmektedir. Gazete metninde hâlâ Arapça-Farsça formları kullanırken (solda), kitapta bunları Türkçe formlara sadeleştirmiştir (sağda):

efrâd-ı millet¹ – *millet fertleri* [8, s.107]

gayr-i mer'î – *görülmez* [8, s.109]

ma'lûmât – *bilgiler* [8, s.109]

taqvîye – *kuvvetlendirme* [8, s.109]

Ancak birçok örneğin (*efrat, gayri tabii, müşkülât, tesmiye et-* vb.) gösterdiği gibi bu tür Arapça-Farsça formlar kitapta da tamamen terk edilmiş değildir [8, s.116–118].

Ayrıca aşağıdaki örneklerde gibi çok sık Arapça kelimeler (solda) ve bazen eşanlamlı Türkçe kelimeleri (sağda) kullanmıştır:

ecnebi – *yabancı* [8, s.127]

hafîr – *torun* [8, s.127]

istimal et- – *kullan-* [8, s.128]

kifâyet et- – *yet-* [8, s.128]

merbut – *bağlı* [8, s.129]

¹ *Milliyet*'in Arap harfli yazılarından alınan bu paragraftaki örnekler, burada Alman Şarkiyat araştırmalarında yaygın olan transkripsiyonla yazılmıştır.

Demek ki Maksudi, o zamanki anlayışa göre karşılık gelen Türk unsurları mevcut olduğundan vazgeçilebilecek birçok klasik Osmanlı unsurunu kullanmıştır. Bu, özellikle Maksudi için bir tutarsızlığı temsil etmektedir, çünkü o zamanlar mümkün olduğunca basit ve Türkçe yazmayı hedeflemiştir.

TDİ'nin içeriği şu şekilde özetlenebilir: Osmanlı yazı dilindeki Arapça ve Farsça unsurların kaldırılarak yerine Türkçe kelimeler ve gramer formları getirilmelidir. Arapça ve Farsça gibi Batı dillerinden gelen etkiler de reddedilmelidir. Yazı dilinin Türkleştirilmesi Türklerin varoluşsal çıkarıdır, çünkü bu olmadan onların dili çok sayıda yabancı dillerin etkisi altında ezilip yok edilebilir. Bu da Türk milletinin sonu demektir. Bunun dışında Türkler gibi özgür ve kendine güvenen bir millet, yabancı dillerin hâkim olduğu ve halkının çoğu için anlaşılmasız olan bir yazı diline tahammül edemez. Böyle bir dil, ulusal ve kültürel gelişmeyi büyük ölçüde engellemektedir ve dolayısıyla Cumhuriyet değerlerine açıkça aykırıdır. Yenilenen öz Türkçe, yalnızca tüm Türklerin değil, tüm Türk halklarının ortak yazı dili haline gelmelidir. Her ne kadar Rus Türkleri gibi Türkler tarafından yönetilmeyen ülkelerde yaşasalar da bütün Türk halkları Türk milletine mensuptur. Avrupa ve Rusya'da iddia edildiğinin aksine Türk dilinin şekilleri (Türkçe, Tatarca, Özbekçe vs.) farklı diller değil, aynı dilin lehçeleridir. Ortak Türk yazı dilinin oluşturulmasında öncü rol Türkçeye aittir, çünkü Türkiye Türk dünyasının kültürel açıdan en gelişmiş ve aynı zamanda siyasi açıdan bağımsız tek devletidir. Türkiye ile Türk dünyasının geri kalan kısmı arasındaki dil ve kültür birliğinin iki amacı vardır: Birincisi kalkınma ve çağdaşlaşma sadece Türkiye ile sınırlı kalmayıp tüm Türk halklarına yayılmalıdır; ikincisi Türkiye dışındaki Türk halklarının dilsel ve kültürel kimlikleri pekiştirilmelidir, aksi takdirde kendilerine hâkim olan milletler arasında asimile olma riski vardır [8, s.146–147, 159–163, 178–185, 194–196, 205–206, 210–211].

Maksudi, Batı kültürüne katılan Türklere bir dil devriminin nasıl başarıyla gerçekleştirilebileceğini göstermek amacıyla diğer halkların tarihindeki benzer süreçlere dikkat çekmektedir: Örneğin Romalılar, Yunan kültürünü benimseyip tüm kültürel terimleri Latin köklerinden oluşturmuşlardır; Araplar, Yunan bilimlerini benimseyip tüm bilimsel terimleri Arapça köklerden türetmişlerdir; Almanlar, başlangıçta Latince ve Fransızcadan büyük ölçüde etkilenmiş, sonra tüm Yunanca, Latince ve Fransızca terimler için Almanca ifadeler yaratmışlardır. Benzer şekilde Fransızlar, Çekler, Finliler, Ruslar, Macarlar ve diğer birçok millet, ileri kültür için gerekli tüm terimleri kendi dillerinin sözcük dağarcığından türetmişlerdir [8, s.148–159]. Dolayısıyla bu modelleri kullanarak çağdaş uygarlığın tüm şartlarını ifade edebilecek öz Türkçe bir yazı dili oluşturmak çağdaş Türklerin görevidir.

Türkçenin şekillerinin birbirine bu kadar benzemesi ve Latince ve yeni Roman dilleri veya Eski Slav ve yeni Slav dilleri gibi birbirlerinden uzaklaşmamış olması, Türkçenin bahsedilen diğer diller gibi çekimli olmayıp eklemeli olmasıyla ilgilidir. Çekimli dillerin, kelime köklerini büyük ölçüde değiştirip zamanla yok ederek farklı dillere dönüşmeleri kaçınılmazken

Türkçede kelime kökleri hiçbir zaman değiştirilmez, köklere sadece ekler getirilir. Bu nedenle Türk dili, yaratılışından bu yana neredeyse hiç değişmeyip günümüze kadar gelmiştir. Eklemeli sistem, aynı zamanda Türkçenin diğer dillere (Çince, Arapça, Farsça, Rusça, Almanca, Fransızca vb.) göre daha düzenli, daha mantıksal, daha zengin (zamanlar, kipler, kökler, ekler bakımından) ve fonetik olarak daha estetik (ünlü uyumu) olmasını sağlamaktadır [8, s.159–169].

Türklerin tarihi, haklarında yazılı hiçbir kanıt bulunmayan, ancak Türk oldukları Yunan, Roma, Bizans ve Çin kaynakları tarafından doğrulanan İskitler ve Doğu Hunları ile başlamaktadır. Türkçenin günümüze ulaşan ilk dilsel kanıtı Eski Türkçe runik metinlerdir. Bunları Eski Uygur, Çağatay, Azerbaycan, Kıpçak ve Osmanlı-Türk edebiyatları takip etmektedir. Bütün bu edebiyatlar, Türklerin de diğer halklar gibi başlangıçta sistemli bir şekilde özgün bir yazı dili oluşturmaya çalıştıklarını göstermektedir. Uygurlar, özellikle Hıristiyanlık, Budizm ve Maniheizm terimleri için Latince, Sanskritçe, Çince, Süryanice ve Soğdca ifadelerden kaçınıp bunun yerine gerçek anlamda Türkçe ifadeler yaratmışlardır (örneğin Latince *rex* ve *dominus* için *elig han* ve *tanrı*). Bu özgün edebiyat geleneği, *Kutadgu Bilig*'in gösterdiği gibi İslam'ın ilk dönemlerine kadar korunmuştur. İslam'ın kabulünden sonra Müslümanlık bilinci, Türk bilincini geri plana itmiş, giderek daha fazla Arapça ve Farsça kelime benimsenmiştir. Bu gelişme, 16. yüzyılda yüzde 80'i Arapça ve Farsça unsurlardan oluşan bir yazı diline sahip olan Osmanlılarla birlikte zirveye ulaşmıştır. Ancak bu akımı takip etmeyen ve özgün Türkçeyi kullanan halk yazarları da her zaman olmuştur (Rabgûzî, Sultan Veled, Yunus Emre vb.) [8, s.169–178].

Her şeyden önce yazı dilinin Arapça ve Farsça birçok kelimesinin (*hurşit, karye, milh* vb.) yanı sıra tüm Arapça ve Farsça gramer formları (*düveli muazzama, etfal, eyyam, layemut, sinei mader, umuru dünyeviye* vb.) derhal ortadan kaldırılabilir; çünkü konuşma dilinin gösterdiği gibi bunların her biri karşılık gelen Türkçe kelime (*güneş, köy, tuz*) ve formlarla (*büyük devletler, çocuklar, günler, ölmez, ana koynu, dünya işleri*) [8, s.240, 241, 242, 243, 244, 267, 272] ifade edilebilir [Yazarın notu: *Büyük devletler ve dünya işleri* örneklerinin gösterdiği gibi dil sadeleştirilmesi olarak bilinen bu yaklaşım tüm alıntı kelimeleri Türkçe ile değiştirmemektedir. Şu anda Türkçe eşanlamlısı bilinmeyen veya yaygın olarak kullanılmayan *devlet ve dünya* gibi ödünç alınan kelimeler muhafaza edilmiş ve Türkçe dilbilgisine uyarlanmıştır]. Türkçe formlar, sadece Arapça formlar kadar anlamlı değil, aynı zamanda daha düzenli ve güzeldir. Eskiden hakiki Türkçe kelimelerin hazinesi daha da büyüktü. Ne yazık ki *al, ası, ildim, od, sayrı* ve *ulaştırı* gibi pek çok eski Türkçe kelimenin yerini artık Arapça ve Farsça eşanlamlı kelimeler (*hile, fayda, nadim-pişman, ateş, hasta-malul, daima*) almıştır [8, s.244–247]. Tüm Türkçe kelimeler, Türkiye'nin halk dilinden ve Eski Osmanlıcadan alınırsa yabancı kelimelerin çoğu ortadan kaldırılabilir. Diğer yabancı kelimeleri ifade etmek için Eski Türkçe (*Orhun yazıtları, Eski Uygur edebiyatı, Kutadgu Bilig, Dîvânü Lugâti't-Türk*), Çağatayca, Azerice, Tatarca ve diğer Türk lehçelerinde eş anlamlı

Türkçe terimler bulunacaktır. Eski Türkçe metinler, Türklüğün en parlak döneminden kalmaz ve bu nedenle birçok önemli kültürel terimi içermektedir. Orta Asya Türk lehçelerinden pek çok botanik ve zoolojik terim alınabilir [8, s.248–262]. Gerekli olan diğer tüm terimler, neolojik olarak Türkçe kelime kökleri ve ekler kullanılarak oluşturulacaktır [8, s.262–270. Eski Türkçe ve diğer Türk dillerinden kelime örnekleri ve eklerle oluşturulan kelimeler için bu makalenin 8 ila 10. sayfalarına bk.]. Yalnızca Arapça ve Farsça kökenli birkaç kutsal İslami terim (*Allah, dua, peygamber* vb.) ile Batı kökenli bazı uluslararası terimler (*kilometre, tiyatro, üniversite* vb.) muhafaza edilmelidir. Ancak bu terimlerin tümü, karşılık gelen Türkçe ifadelerle de ifade edilebilir. Örneğin *Allah* ile eşanlamlı olan *Tanrı*, İslam dışındaki dinlerin tanrılarını tanımlamak için kullanılabilir [8, s.194–195].

Cumhuriyet hükümeti, öz Türkçe yazı dilinin devletin ve toplumun her alanında yayılmasını sağlayacaktır. Dil reformunu gerçekleştirecek, dilin saflığını ve doğruluğunu sağlayacak bir dil akademisi kuracaktır [8, s.199–200, 203–205].

TDİ'ni okuduktan sonra ister istemez Maksudi'nin son derece bilgili bir kişilik olduğu sonucuna varılmaktadır. Sadece Türk dili ve edebiyat tarihi hakkında değil, Latince, Arapça, Almanca, Fransızca, Çekçe, Fince, Rusça ve Macarca gibi diğer dillerin tarihi hakkında da ilginç yorumlar yapmaktadır [8, s.148–159, 203–205]. Batı araştırma literatürünün geniş bir külliyatına aşinadır ve *Orhun yazıtları*'ndan Türkiye Cumhuriyeti'ne kadar Türk edebiyat tarihinin her döneminden metinler üzerinde çalışmıştır [8, s.169–178, 655–682]. Bu açıklamaların büyük bir kısmı, bilimsel gerçeklere dayanmaktadır. Ancak kitabın günümüz bilimsel bakış açısından sorunlu bazı özellikleri de bulunmaktadır. Birkaç imla ve bibliyografik hata ve eksikliğe [8, s.307–313] ek olarak başlıca sorunlar şunlardır:

Maksudi, *uçmak, acun, çın, tadu* ve *yosun* gibi Eski Türkçe sözcüklerin gerçek Türkçe olduğunu düşünüyordu. Halbuki bunlar, Soğdca (*uçmak, acun*), Çince (*çın*), Sanskritçe (*tadu*) ve Moğolcadan (*yosun*) geliyordu ve bu nedenle esas olarak Maksudi'nin onlarla değiştirmek istediği Arapça alıntı sözcükler (*cennet, âlem-dünya, hakiki-itimada layık, tabı beşer, şekil-tarz-usul*) kadar yabancıydı [8, s.247, 250, 252, 261, 326, 327, 328].

Aynı zamanda Maksudi'nin Eski Türkçeden almak istediği sözcükler için kaynak olarak kullandığı Carl Brockelmann, Wilhelm Radloff ve Hermann Vámbéry'nin yanlış okumalarına dayanan bazı hayalet sözcükler (*epik, kun, kurma, terek, türme* vb.) vardır [8, s.329, 330, 331, 332]. Sayılan bu örnekler, Arapça ve Farsçadan alınan *tazminat (kun), hapishane-zindan (türme), sanat (epik), hile (kurma)* ve *anane-haber (terek)* kelimelerinin yerini almalıydı [8, s.248, 253, 255, 256, 257].

Maksudi, Atatürk ve diğer Kemalistlerin aksine insanlığın tüm kadim uygarlıklarının Türkler tarafından yaratıldığı yönündeki teorileri (*Türk Tarih Tezi*) kabul etmiyordu. *TDİ*'nin hiçbir yerinde Sümerlerin, Hititlerin veya Etrüsklerin Türk olduğundan bahsedilmemektedir. Ancak yazılı kaynak

yetersizliği nedeniyle Türk oldukları şüpheye yer bırakmayacak şekilde kanıtlanamasa da İskitler ve Hunlar gibi bazı grupları Türk kabul etmektedir. Dünyadaki tüm dillerin orijinal bir Türk dilinden kaynaklandığına (*Güneş Dil Teorisi*) daha da az inanıyordu. Daha ziyade *TDİ*'de eklemeli Türkçenin hangi dillerle akraba olduğunu, hangileriyle olmadığını iyi bildiğini göstermektedir. Bu bakımdan görüşleri o döneme göre gayet bilimseldir [8, s.225–227, 229–230]. Ancak Türkçenin, değişmeyen kelime kökleri ve ünlü uyumuna uyan ekleriyle diğer dillere göre daha istikrarlı, daha kalıcı, daha zengin, daha anlamlı, daha mantıksal ve daha estetik olduğu teorisiyle benzer şekilde aşırı milliyetçi ve savunulamaz bir görüşü temsil ediyordu. Türkçe de gelişimi sırasında karşılıklı olarak anlaşılamayan farklı dillere bölünmüştür. Örneğin Eski Türkçe, günümüz Türkçesi ve Tatarca, Latince, İtalyanca ve Fransızca ya da Eski Slavca, Rusça ve Çekçe kadar farklıdır. Çekimli bir dil olan Arapça, karşı bir örnek olarak verilebilir ki Maksudi'nin teorisinin aksine yüzyıllar boyunca korunmuş ve farklı dillere değil, lehçelere bölünmüştür [8, s.335–337]. *Türk Tarih Tezi*, *Güneş Dil Teorisi* ve Maksudi'nin fikirleri, ne kadar farklı olsa da ortak noktaları, Batıda yaygın olan Türklerin medeniyetsiz bir halk olduğu ve Türkçenin ilkel bir dil olduğu yönündeki görüşleri çürütme ve tam tersi iddiada bulunma motivasyonlarıdır [8, s.230].

Türk dilleri arasındaki önemli farklılıkları dikkate almaması, Maksudi'nin diğer Türk dillerinden gelen kelimelerin Türkiye'deki insanlar tarafından kolaylıkla anlaşılabilmesi yanılığısına düşmesine neden olmuştur. Aslında bunlar çoğu zaman anlaşılmazdı, halbuki bunlara karşılık gelen Arapça ve Farsça alıntı sözcükler tüm sosyal sınıflarda yaygın olarak kullanılmaktaydı.

Maksudi, öz Türkçe olarak sunduğu Eski Türkçenin ve Türk halk dilinin saflığını abartmaktadır. Aslında her ikisi de önemli sayıda ödünç kelime içermektedir. Bu, Maksudi tarafından gösterilen birçok örnekte görülebilmektedir. Eski Türkçede yukarıda anılan Çince, Sanskritçe, Soğdca ve Moğolcadan alınan sözcükler varken Türk halk dilinde Arapça (*felek*, *hasret*, *insan* vb.), Farsça (*dost*, *gül*, *hoş* vb.) ve Rumca (*domates*, *kilise*, *papaz* vb.) gibi dillerden gelen sözcükler hiç de eksik değildir. Bu örnekler, bilindiği gibi sayfalarca devam ettirilebilir ve daha da geniş bir dil yelpazesini (Toharca, Latince, Fransızca, İtalyanca vs.) içerecek şekilde genişletilebilir [8, s.344–352]. Maksudi, söz konusu Eski Türkçe kelimelerin yabancı kökenlerinden habersiz olsa da genel olarak Türk halk dilindeki alıntı kelimelerin kökenlerinin farkındaydı. Ancak bu, onu saf halk dili mitini sürdürmekten alıkoymamıştır.

Benzer şekilde Maksudi, Türk okuyucularına dilin arınması olgusunu anlatmak için kullandığı Latince, Arapça, Almanca, Fransızca, Çekçe, Fince, Rusça ve Macarca gibi dillerin saflığı varsayımını da abartmaktadır. Maksudi'nin dediği gibi Almancada mesela çok sayıda yabancı kökenli sözcüklerin [*Adjektiv (sıfat)*, *Administration (idare)*, *Botanik (botanik, bitki bilimi)*, *Institution (müessese)*, *Kasus (çekim hali)*, *Ökonomie (ekonomi, iktisat)*, *Syntax (sentaks, sözdizimi)*, *Vokabular (söz varlığı)* vb.] öz Almanca eşanlamlılarının (*Beiwort*, *Verwaltung*, *Pflanzenkunde*, *Einrichtung*, *Fall*,

Wirtschaft, Satzlehre, Wortschatz) bulunduğu doğrudur [8, s.353]. Maksudi'nin sunumuyla, Almanca kökenli bu kelimelerin varlığının karşılık gelen ödünç kelimelerin artık kullanılmadığı anlamına geldiği izlenimi edinilmektedir. Ancak durum hiç de öyle değildir, çünkü yukarıdakiler gibi yabancı kökenli sözcükler Almancada son derece yaygındır.

Maksudi'nin dikkat çekici görüşleri, 1925–1960 yılları arasında birçok Türk ve yabancı eleştirmen tarafından ele alınmıştır. Bunlar arasında özellikle şu isimler sayılabilir: Mehmet Asım Us, Carl Brockelmann, Nahid Sırrı Örik, Vâlâ Nûreddin, Yusuf Osman, Abdullah Battal Taymas, Cafer Seydahmet Kırimer, Reşid Rahmeti Arat, Taşkın, Peyami Safa, Ragıp Hulûsi Özdem, Alexander Telford Waugh, Mehmet Şeref Aykut, Ahmet Cevat Emre. Değerlendirmeleri, övgüden eleştiriye ve yergiye kadar çeşitlilik göstermektedir. Eleştirel katkılarda (Mehmet Asım, Vâlâ Nûreddin, Cafer Seydahmet, Taşkın, Ahmet Cevat), Maksudi'nin yaklaşımına karşı çıkan dört ana argüman tespit edilebilmektedir: (a) alışlagelmiş Arapça ve Farsça alıntı kelimelerin kaldırılıp yerine Türk kökenli olmasına rağmen Türkiye'deki Türkler tarafından bilinmeyen ve anlaşılamayan diğer Türk dillerinden kelimeler getirilmesinin dile zarar vereceği, (b) Türkçenin, diğer bazı Türk dillerinden çok farklı olduğu ve bu nedenle onlarla bir dil birliği oluşturamayacağı, (c) Türk dillerinin çoğunun zaten bağımsız yazı dilleri haline gelmiş olması, dolayısıyla Türkçeyi genel bir yazı dili olarak tanıma fikrinin anakronik hale gelmiş olması ve (d) Asya'daki Türklerle kültürel birliğe girme fikrinin Avrupa ile kültürel birlik fikriyle çelişmesi [8, s.367–396].

Maksudi, Türkiye'de dil reformu konusunda yorum yapan ilk ve tek kişi değildi. Fikirlerinin çoğu yeni de değildir. Örneğin gereksiz Arapça ve Farsça kelimeleri ve gramer yapılarını ortadan kaldırarak Osmanlı yazı dilini basitleştirme yaklaşımı yeni değildir. Bu fikirler, Ziyâ Paşa, Nâmık Kemal, Şemseddin Sâmî, Ahmed Midhat, Ziya Gökalp gibi önceki bilim adamları tarafından ortaya konmuştur. Çağataycadan, Eski Osmanlıcadan ve Türkiye lehçelerinden kelimeler alma fikri de Sâmî tarafından dile getirilmiştir. Aynı durum, ilk kez Sâmî ve özellikle İsmâil Gaspıralı tarafından ortaya atılan İstanbul Türkçesine dayalı ortak bir Türk yazı dilinin kurulması fikri için de geçerlidir. Ancak Maksudi, anılan kişilerden daha radikaldi, çünkü dili basitleştirmek yerine saflaştırmak istiyordu. Bu, onun sadece gereksiz Arapça ve Farsça unsurları değil, aynı zamanda halk dilinde alışkanlık haline gelen Arapça ve Farsça alıntı sözcükleri de Türkçe ifadelerle değiştirmek ve bunu yapmak için eklerle kelime oluşturmanın tüm yöntemlerinin yanı sıra tüm Türk dillerinin söz varlığından yararlanmak istediği anlamına geliyordu. Bu tür yaklaşımlar, kendisinden önce Fuat Köseraif gibi tasfiyeciler tarafından savunulmuştu. Bunlara rağmen Maksudi, dil reformunun en önemli öncülerinden biridir, çünkü kendisinden önce hiç kimsenin yapmadığı bir işi üstlenmiş, tüm bu yaklaşımları kapsamlı bir şekilde analiz edip sunmuştur [8, s.225]. Bunu yaparak Kemalist dil reformu üzerinde belirleyici bir etki yapmıştır. Maksudi'nin ileri sürdüğü yaklaşımın çoğu, kısa sürede hayata

geçirilmiştir. Mustafa Kemal Atatürk, Türkçenin «yabancı dillerin boyunduruğundan» kurtarılması çağrısında bulunup dil reformunun en acil reformlardan biri olduğunu ilan etmiştir. Dil devrimini gerçekleştirmek amacıyla 1932 yılında Türk Dil Kurumu (TDK) kurulmuştur. TDK'nin 1930'lu yıllardaki faaliyetleri incelendiğinde Maksudi'nin *TDİ*'de tanımladığı gibi Türkçe kelime dağarcığının mevcut tüm kaynaklardan derlendiği ve Arapça, Farsça ve diğer yabancı kökenli sözcüklerin yerine derlenen bu sözcüklerin kullanılmak istendiği görülmektedir. Kelimeler, Eski Türkçe runik yazıtlardan, Eski Uygurca, *Kutadgu Bilig (KB)*, *Dîvânü Lugâti't-Türk (DLT)*, Çağatayca, Osmanlıca, Azerice, Tatarca ve diğer Türk dilleri ve ayrıca Türkiye lehçelerinden derlenmiştir. *Tarama Dergisi*'nde bunun yüzlerce örneği vardır [8, s.403–414]. Bunlardan biri, *em* ile eski Türkçe eşanlamlısı bulunan Arapça alıntı kelime *ilaç*'tır. TDK, *em* kelimesini Eski Uygurca, *DLT*, Osmanlıca (Mevlânâ Şemseddin, Edirneli Nazmî, Gevherî), Çağatayca ve Kars, Elbistan, Havza, Bolu, Şebinkarahisar, Urfa, Bilecik, Seyhan, Ankara, Develi, Zile, Kayseri, Afyon, Ulukışla, Malatya, Ordu, Ünye, Merzifon, Gümüşhane, Gâvurdağı, Kayseri, Gaziantep, İncesu ve Adana lehçelerinde bulmuştur [8, s.411].

Türkiye ve Türk dünyasının diğer bölgelerindeki gelişmeler dikkate alındığında Maksudi'nin bazı hedeflerinin gerçekleştirilemediği açıkça görülmektedir. Ne Türkiye'de öz Türkçe yazı dili ortaya çıkmıştır ne de tüm Türk halklarının ortak yazı dili haline gelmiştir. Ancak modern Türk yazı dili, Osmanlıcaya kıyasla önemli ölçüde Türkleşmiştir.

Şimdi Maksudi'nin önerdiği sözcüklerin ne kadar başarılı olduğu sorusuna gelelim. Arapça-Farsça gereksiz kelimeler ve gramer formları kaldırılmış ve bunlara karşılık gelen Türkçe kelimeler ve formlar konulmuştur. Bu, Maksudi'nin sunumuyla, aşağıdaki örneklerle açıklığa kavuşturulabilmektedir:

düveli muazzama – büyük devletler [8, s.452]

etfal – çocuklar [8, s.446]

eyyam – günler [8, s.446]

hurşit – güneş [8, s.446]

karye – köy [8, s.447]

layemut – ölmez [8, s.452]

milh – tuz [8, s.452]

sinei mader – ana koynu [8, s.452]

umuru dünyeviye – dünya işleri [8, s.453]

Eğer Türkiye'nin standart dilindeki Türkçe kelimeler başarılı olduysa ve bazı neolojizmler dışında bu her zaman geçerliyse, bu, karşılık gelen alıntı kelimelerin terk edildiği anlamına gelmiyordu, özellikle de alışılmış alıntı kelimelerse. Mesela bugün hem soldaki Türkçe kelimeler hem de sağdaki eş anlamlı Arapça ve Farsça kökenli kelimeler kullanılmaktadır:

akım – cereyan [8, s.444]

ant – yemin [8, s.455]

baba – peder [8, s.445]

çöz- – hallet- [8, s.446]

özlem – hasret [8, s.447]

yan – taraf [8, s.459]

yıl – sene [8, s.448]

Maksudi'nin diğer ve daha eski Türk dillerinden alarak önerdiği kelimeler, çok az başarılı olup alışlagelmiş Arapça ve Farsça alıntı kelimelerin yerini alamamıştır. Maksudi'nin soldaki sözlerinden hiçbirisi sağdaki Arapça ve Farsça alıntı kelimelere üstün gelememiştir:

anuk (DLT) – hazır [8, s.464]

böd (Orhun yazıtları) – taht [8, s.462]

değişli (Tatarca tiesle) – lazım [8, s.478]

öd (Orhun yazıtları) – vakit, zaman [8, s.463]

yalinguk (DLT) – insan [8, s.468]

yengil (Eski Osmanlıca) – hafif [8, s.459]

yosun (Çağatayca) – şekil [8, s.477]

Ayrıca aşağıda solda görüldüğü gibi Osmanlı yazı dilinde alışlagelmiş olmayan çok sayıda Arapça kelimenin modern Türkçede nadir hale gelmesi gibi bir durum da vardır. Ancak bunların yerini alan Türkçe kelimeler, Maksudi'nin ikinci sırada önerdiği çeşitli kaynaklardan gelen arkaik kelimeler değil, üçüncü sıradakiler gibi bunlara karşılık gelen yaygın Türkçe kelimelerdi:

hafit – oğuş (Çağatayca) – torun [8, s.477]

istida – ötük (KB) – dilekçe [8, s.473]

mukavele – bıçgas (DLT) – sözleşme [8, s.464]

sürur – ögrünç (Eski Türkçe) – sevinç [8, s.473]

tavattun et- – duraklan- (Eski Osmanlıca) – yerleş- [8, s.456]

tefahhus et- – tüble- (DLT) – araştır- [8, s.468]

Maksudi'nin arkaik kelimeleri ya da neolojizmleri yerine üçüncü sıradakiler gibi Batılı dillerden alınan kelimelerin kabul edilmesi de nadir değildir. Üstelik ikinci sıradaki yabancı kökenli kelimelerin bir kısmı kalmıştır. Bu, Türkçede eskiden beri kullanılan *hava, misal, numune, esas, temel* ve *usul* örnekleri için geçerlidir. Bazı durumlarda, Batılı kelimelerin yanı sıra *ilke* ve *yöntem* gibi Türkçe kelimeler de yayılmıştır:

denek (tengek, DLT) – hava – atmosfer [8, s.475]

kip (DLT) – misal, numune, type – tip [8, s.465]

severlik (neolojizm) – sympathie – sempati [8, s.489]

söyleşkiç (neolojizm) – téléphone – telefon [8, s.484]

suyagin (neolojizm) – müvellidülma – hidrojen [8, s.482]

ul (DLT) – esas, temel, principe – prensip, ilke [8, s.468]

yosun (Çağatayca) – usul, méthode – metot, yöntem [8, s.477]

Türkçede, *bayalış, çeremşe, saksaul* vb. botanik [8, s.261, 262] ve zoolojik terimler çok yaygınlaşmamıştır, ancak diğer dillerde olduğu gibi (bkz. Almanca *Saxaul*) sadece Orta Asya'nın flora ve faunasından bahsedilirken kullanılmaktadır.

Maksudi'nin yeni sözcüklerinden bazıları da aynı derecede başarısız olmuştur. Bu durum, örneğin Eski Türkçe *-IXğ* eki kullanılarak oluşturulan

bilgiliğ, bütünlüğ, davarlığ, ekimliğ, kılıklığ, kişiliğ, usluğ vb. sıfatları için geçerlidir. Aksine burada sıklıkla şu üç olay gerçekleşmiştir: (a) Arapçadan alınan sıfatlar (*ilmî, millî, mali, insani*) muhafaza edilmiştir, (b) Batı dillerinden alınan sıfatlar (*finansal, kültürel, formel, rasyonel*) yayılmıştır veya (c) *-sAl* gibi eklerle yapılan Türkçe neolojizmler (*bilimsel, biçimsel, ulusal*) kullanılmaya başlanmıştır [8, s.482–483].

Maksudi'nin kitabında yer alan eklerle oluşturulan kelimelerden, sadece olağan Türkçe kalıplarına göre oluşturulmuş olanlar benimsenmiştir. Bunlar arasında sağdaki Osmanlıca ifadelerin yerini alan soldaki örnekler vardır:

anlayış – tarzı telakki [8, s.493]

danışma – istişare [8, s.446]

değişmez – lâyetegayyer [8, s.450]

gemicilik – seyrisefain [8, s.446]

güçsüz – bitap [8, s.489]

Maksudi'nin bazı kelimeleri kabul görmüştür, ancak istediği anlamda değil. Bu konuda aşağıdaki örnekler sayılabilir:

bark (Orhun yazıtları) – bina [8, s.462]

çit (Çağatayca) – hudut, kenar [8, s.477]

kişi (Eski Türkçe) – insan [8, s.447]

oy (Çağatayca) – fikir [8, s.477]

özlük (Çağatayca) şahsiyet [8, s.477]

Sağ tarafta anılan Arapça ve Farsça kökenli kelimeler kalmıştır. *Bina, fikir* ve *şahsiyet* anlamında Maksudi'nin önerdiği *bark, oy* ve *özlük* yerine *yapı, düşünce* ve *kişilik* gibi başka Türkçe kelimeler kullanıma girmiştir.

Maksudi'nin repertuarındaki kelimelerin, TDK'nin *Türkçe Sözlük*'ünde bulunabildiği ve bu nedenle resmi olarak dilin bir parçası olarak kabul edildiği, ancak güncelliğini yitirmiş veya şive olarak kabul edildiği görülmektedir. Bunlar, genellikle eski Osmanlı Türkçesi sözcüklerdir (solda). Ancak sağdaki eşanlamlı kelimeler yaygındır ve bunlar, çoğunlukla Arapça, Farsça veya *sürekli* kelimesi gibi Türkçe kökenlidir:

al (Eski Osmanlıca) – hile [8, s.455]

ası (Eski Osmanlıca) – fayda [8, s.455]

ildim (Eski Osmanlıca) – pişman [8, s.457]

od (Eski Türkçe, Eski Osmanlıca) – ateş [8, s.457]

sayrı (Eski Osmanlıca) – hasta [8, s.458]

ulaştırı (Eski Osmanlıca) – daima, devamlı, sürekli [8, s.459]

Ancak günümüzde oldukça yaygın olan soldaki örneklerin gösterdiği gibi birkaç Eski Türkçe veya Eski Osmanlıca kelime de kabul görmüştür. Sağdaki eşanlamlı Arapça ve Farsça kelimeler de halen kullanılmaktadır:

karşıt (DLT) – zıt [8, s.465]

kent (DLT) – şehir [8, s.465]

nitelik (KB, Eski Osmanlıca) – vasıf [8, s.472]

yanıt (DLT) – cevap [8, s.468]

Maksudi'nin imlası ve dilinin yıllar boyunca nasıl geliştiği sorusuna ışık tutmak için onun 1955 tarihli son eserini (*Milliyet Duygusunun Sosyolojik Esasları*) [5] bu açıdan incelemekte fayda var. Bu inceleme, Maksudi'de bu alanlarda son 25 yılda nispeten az şeyin değiştiğini göstermektedir. Hâlâ Arapça imlanın etkileri görülüp çoğunlukla *amil, kadim, inikâs, neşet et-, ispat, tetkik et-* vb.nin yerine *âmil, kadîm, malûm, in'ikâs, neş'et et-, isbat* ve *tedkik et-* yazılmaktadır [8, s.509]. Dili de 1930'larda olduğu gibi büyük ölçüde aynı geç Osmanlı karakterini taşımaktadır. Muhafazakâr formlara (*efrat, tasnif, mukaddesat, suitefehhüm* vb.) rastlamak mümkün olduğu gibi [8, s.511, 512] Arapça ve Farsça alıntı sözcükler de (*addet-, endişe, garb, karabet* vb.) Türkçe eşanlamlılarının (*say-, kaygı, batı, yakınlık*) [8, s.512–513] yanı sıra kullanılmaktadır. Ayrıca Maksudi'nin, TDK'nin birçok yeni sözünden kaçındığı da fark edilmektedir. 1930'lu ve 1950'li yıllarda yayınlanmış olan diğer Türkçe kitaplarda soldakiler gibi neolojizmler bulunsa da Maksudi, sağdaki Arapça-Farsça eşanlamlı kelimelere sadık kalmıştır:

geleneksel – an'anevî [8, s.515]

ilgilen- – alâkadar ol- [8, s.515]

olay – hâdise [8, s.516]

söz konusu – bahis mevzuu [8, s.515]

toplum – cemiyet [8, s.516]

yüzyıl – asır [8, s.515]

Maksudi'nin Türkçe neolojizmlerin tamamını kabul etmediği gerçeği başka bir bağlamdan da bilinmektedir. Örneğin parlamentoda yanlış olduğunu düşündüğü veya başka nedenlerle hoşlanmadığı bazı yeni kelimelere itiraz etmiştir [8, s.425, 434].

Sonuç. Sonuç olarak, Maksudi'nin bir dil reformcusu olarak başarısına ilişkin tablo karışıktır. Dili sadeleştirme ve Türkiye'nin standart dilinden Türkçe sözcükleri ve yeni sözcükleri yayma konusundaki yaklaşımı başarılı olsa da bu durum, Eski Türkçe, Çağatayca, Azerice ve Tatarca kökenli dil materyalleri için çok daha az geçerlidir. Türkiye'den gelen eski Osmanlıca ve lehçe unsurlarının başarısı da sınırlıydı. Bu kısmi başarıya rağmen Atatürk ve 1930'lardaki dil reformu üzerindeki etkisi o kadar büyüktü ki bu devrimin en önemli öncülerinden ve teorisyenlerinden biri olarak kabul edilebilir.

KAYNAKLAR

1. Ayda A. Sadri Maksudi Arsal. Hayat Hikayesi. İkinci Baskı 2022 e-kitap. İkinci Baskıda Editör: G. Üçok; Redaktör: H. Dedehayır. Kitap Dizgi: D. Üçok. <https://sadrimaksudi.org/wp-content/uploads/2023/02/Sadri-Maksudi-Arsal-Hayat-Hikayesi.pdf>

2. *Gedikli F., Yörük A.A., Kalıpcı M.E.* İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. Ord. Prof. Sadri Maksudi Arsal'a Armağan Özel Sayısı (60. Ölüm Yıldönümü Vesilesiyle). Cilt 75. İstanbul, 2017.

3. *Maksudi S.* Lisan ıslahı meselesi – Türk dilindeki sözleri toplama, dizme, Türkçe köklerden bilgi sözleri yaratma işi üzerinde düşünceler 1–13, *Milliyet*, 28.09.1928-14.10.1928.

4. *Maksudi S.* Türk Dili için. Türk dilindeki sözleri toplama, dizme, Türk dilini ayırtlama, türkçe köklerden bilgi sözleri yaratma işi üzerinde düşünceler. İstanbul, 1930.

5. *Maksudi Arsal S.* Milliyet Duygusunun Sosyolojik Esasları. Milliyet duygusunun sosyolojik, psikolojik ve tarihî temelleri üzerinde araştırmalar. İstanbul, 1955.

6. Научное наследие и общественная деятельность братьев Максуди. Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 150-летию А.Максуди и 140-летию С.Максуди (Казань, 7 декабря 2018 г.) / редкол. *Р.Р. Салихов, М.Р.Гайнанова, Г.Ф.Валеева-Сулейманова*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 416 с.

7. Scherberger M.G. *Türk Dili, dillerin en zenginlerindedir: Sadri Maksudi'nin Türk Dili için* adlı kitabına bir bakış // Научное наследие и общественная деятельность братьев Максуди. Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 150-летию Ахметхади Максуди и 140-летию Садри Максуди. Казань, 2019. С.308–320.

8. Scherberger M.G. *Um der türkischen Sprache willen. Sadri Maksudi Arsal und seine Beiträge zur kemalistischen Sprachreform*. Baden-Baden, 2023. (Mitteilungen zur Sozial- und Kulturgeschichte der islamischen Welt 43).

9. Üçok G. *Sadri Maksudi Arsal*. Arşiv Çalışması. URL: <https://sadrimaxsudi.org>

Yazar hakkında:

Max Gustav Scherberger – Dr., Georg August Göttingen Üniversitesi (Göttingen, Almanya). ORCID: 0009-0003-4940-8453; e-mail: max.scherberger@uni-goettingen.de

Садри Максуди Арсал и революция турецкого языка

М.Г. Шербергер

*Гёттингенский университет им. Георга Августа
Гёттинген, Германия*

В представленной статье рассматривается роль Садри Максуди Арсала в реформе турецкого языка. Садри Максуди посвятил большую часть своих работ этой теме и, таким образом, оказал значительное влияние на Мустафу Кемалю Ататюрка и революцию турецкого языка. Одним из главных его трудов является книга «Türk Dili için» («Для турецкого языка»), в которой он призвал к радикальной тюркизации османской письменности. В нашей статье мы попытаемся подробно раскрыть влияние Садри Максуди на Ататюрка и его окружение. Проанализируем, что было реализовано в рамках языковой революции. Мы также рассмотрим вопрос о том, насколько успешным оказался подход Садри Максуди в данной работе. Более того, нас интересует, какой язык использовал сам Садри Максуди, насколько это соответствовало его требованиям тюркизации.

Ключевые слова: Садри Максуди Арсал, Мустафа Кемаль Ататюрк, турецкая языковая революция, заимствования и иностранные слова, неологизмы, арабский, персидский, османский, турецкий языки

Благодарность: благодарю уважаемого доктора Али Адема Йорука за то, что он прочитал и проверил текст статьи на турецком языке.

Для цитирования: Scherberger M.G. Sadri Maksudi Arsal ve Türk dil devrimi // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.86–99. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.86-99>

Информация об авторе:

Макс Густав Шербергер – Ph.D., Гёттингенский университет им. Георга Августа (Гёттинген, Германия); ORCID: 0009-0003-4940-8453; e-mail: max.scherberger@uni-goettingen.de

Поступила 22.03.2024

Принята к публикации 29.04.2024

Sadri Maksudi Arsal and the Turkish language revolution

M.G. Scherberger

*Georg August University of Göttingen
Göttingen, Germany*

This article examines the role of Sadri Maksudi Arsal in the reform of the Turkish language. Sadri Maksudi devoted most of his works to this topic and thus had a significant impact on Mustafa Kemal Atatürk and the Turkish language revolution. One of his main works is the book "Türk Dili için" (For the Turkish language), in which he called for a radical Turkization of Ottoman writing. In our article we will try to reveal in detail the influence of Sadri Maksudi on Atatürk and his circle and analyze what was realized within the framework of the language revolution. In this paper we will also consider the question of how successful Sadri Maksudi's approach was. Moreover, we are interested in what language Sadri Maksudi himself used, and how much this corresponded to his requirements for Turkization.

Keywords: Sadri Maksudi Arsal, Mustafa Kemal Atatürk, Turkish language reform, loanwords and foreign words, neologisms, Arabic language, Persian language, Ottoman language, Turkish language

Acknowledgment: I thank the respected Dr. Ali Adem Yoruk for reading and checking the text of the article in Turkish.

For citation: Scherberger M.G. Sadri Maksudi Arsal and the Turkish language revolution. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.86–99. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.86-99> (In Turkish)

REFERENCES

1. Ayda A. *Sadri Maksudi Arsal. Hayat Hikayesi*. İkinci Baskı 2022 e-kitap. İkinci Baskıda Editör: G. Üçok; Redaktör: H. Dedehayır. Kitap Dizgi: D. Üçok, <https://sadrmaksudi.org/wp-content/uploads/2023/02/Sadri-Maksudi-Arsal-Hayat-Hikayesi.pdf> (In Turkish)
2. Gedikli F., Yörük A.A., Kalıpçı M.E. *İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. Ord. Prof. Sadri Maksudi Arsal'a Armağan Özel Sayısı (60. Ölüm Yıldönümü Vesilesiyle)*. Cilt 75. İstanbul, 2017. (In Turkish)
3. Maksudi S. *Lisan ıslahı meselesi – Türk dilindeki sözleri toplama, dizme, Türkçe köklerden bilgi sözleri yaratma işi üzerinde düşünceler 1-13*, Milliyet, 28.09.1928-14.10.1928. (In Turkish)
4. Maksudi S. *Türk Dili için. Türk dilindeki sözleri toplama, dizme, Türk dilini ayırtlama, türkçe köklerden bilgi sözleri yaratma işi üzerinde düşünceler*. İstanbul, 1930. (In Turkish)
5. Maksudi Arsal S. *Milliyet Duygusunun Sosyolojik Esasları. Milliyet duygusunun sosyolojik, psikolojik ve tarihî temelleri üzerinde araştırmalar*. İstanbul, 1955. (In Turkish)
6. *Scientific heritage and social activities of the Maksudi brothers. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 150th anniversary of A. Maksudi and the 140th anniversary of S. Maksudi (Kazan, December 7, 2018)*. Editorial board R.R. Salikhov, M.R. Gainanova, G.F. Valeeva-Suleimanova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 416 p. (In Russian, Tatar, Turkish)
7. Scherberger M.G. Türk Dili, dillerin en zenginlerindedir: Sadri Maksudi'nin "Türk Dili için" adlı kitabına bir bakış. *Scientific heritage and social activities of the Maksudi brothers. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 150th anniversary of A. Maksudi and the 140th anniversary of S. Maksudi (Kazan, December 7, 2018)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. Pp.308–320. (In Turkish)
8. Scherberger M.G. *Um der türkischen Sprache willen. Sadri Maksudi Arsal und seine Beiträge zur kemalistischen Sprachreform*. Baden-Baden, 2023. (Mitteilungen zur Sozial- und Kulturgeschichte der islamischen Welt 43). (In German)
9. Üçok G. *Sadri Maksudi Arsal*. Arşiv Çalışması. URL: <https://sadrmaksudi.org> (In Turkish)

About the author:

Max Gustav Scherberger – Ph.D., Georg August University of Göttingen (Göttingen, Germany); ORCID: 0009-0003-4940-8453; e-mail: max.scherberger@uni-goettingen.de

Received March 22, 2024

Accepted for publication April 29, 2024

УДК 930.85

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.100-113>

Вассан-Гирей Джабагиев – ингушский друг Гаяза Исхаки

А.Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

Великие сыны татарского и ингушского народов, два крупных деятеля политического движения Гаяз Исхаки (1878–1954) и Вассан-Гирей Джабагиев (1882–1961), как свидетельствуют факты, были не только знакомыми и единомышленниками, но и близкими друзьями. В разных периодах жизни в Петербурге, Париже, Варшаве и Стамбуле их пути несколько раз пересекались, Исхаки был вхож в семью Джабагиева и учил его детей. Об этом свидетельствуют статья В.-Г. Джабагиева и воспоминания его дочери Тамары Джабаги-Джанкат Камаджьюглу.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки, Вассан-Гирей Джабагиев, российская политическая эмиграция, Идель-Урал

Для цитирования: Сибгатуллина А.Т. Вассан-Гирей Джабагиев – ингушский друг Гаяза Исхаки // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.100–113. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.100-113>

Гаяз Исхаки (1878–1954) и Вассан-Гирей Джабагиев (1882–1961) – великие личности татарского и ингушского народов, два крупных лидера политической эмиграции – были соратниками и единомышленниками, однако информации об их взаимоотношениях крайне мало. До сих пор не проведено ни одного специального исследования по этому вопросу. Недавно обнаруженная публикация В.-Г. Джабагиева [4] и выход воспоминаний его дочери Тамары Джабаги-Джанкат Камаджьюглу, где она называет татарского писателя, драматурга и публициста Гаяза Исхаки «одним из друзей молодости своих родителей» [6, с.10], подтолкнули нас на размышления о наличии довольно тесных связей между этими двумя личностями. Заметка В.-Г. Джабагиева под названием «Помню» («Hatırlıyorum») непосредственно посвящена Гаязу Исхаки и включена в сборник статей, приуроченный к годовщине смерти татарского писателя. В этой книге под названием «Национальный муджтахид и национальный писатель Гаяз Исхаки» («Milli Mücahit ve Milli Edip Ayaz İshaki»), вышедшей на турецком языке в 1955 г. в Стамбуле, видные татарские, азербайджанские, кавказские политэмигранты, которые проживали в Турции, Америке, Финляндии, уделили внимание жизни и творчеству писателя, поделились своими

воспоминаниями о встречах с ним. Данный сборник был издан в виде специального приложения к первому номеру ежемесячного журнала «Идель-Урал»¹. В.-Г.Джабагиев в своем небольшом выступлении сообщил как минимум о четырех этапах их дружбы, которые можно условно назвать как петербургский, парижский, варшавский и стамбульский периоды. При более детальном рассмотрении их биографии несложно понять, что это были не разовые или кратковременные встречи, а довольно тесное и длительное общение и сотрудничество во благо общих целей.

Годом их знакомства В.-Г.Джабагиев указывает 1910-й. Вассан-Гирей, сын Эльджи Джабагиева, окончил реальное училище во Владикавказе, затем обучался в Рижском политехническом институте [12]. В 1915 г. опубликовал первое научное сочинение «Свободная земельная собственность и техника сельского хозяйства в Европе», которое привлекло внимание видных специалистов в этой области. После получения высшего образования молодой В.-Г.Джабагиев работал в Департаменте земледелия, входившем в состав Главного управления землеустройства и земледелия² и, как можно понять по мемуарам дочери, тесно общался как с кавказской, так и с татарской прогрессивной молодежью столицы. Наиболее удобным местом встреч и собраний был особняк внука шейха Шамиля (1797–1871) – Захида (1868–1920) и его жены-татарки Бибимарьям Апаковой.

Гаяз Исхаки, с началом Первой российской революции активно участвовавший в митингах, возглавивший группу социалистов на I Всероссийском съезде мусульман в Нижнем Новгороде (август 1905 г.), был обвинен в революционной пропаганде и в 1906 г. брошен в тюрьму в Чистополе. Через год после освобождения произошел повторный арест, и Г.Исхаки был сослан на три года в Архангельскую губернию. Не дождавшись окончания срока, он сбежал оттуда и вынужден был постоянно скрываться от полиции, нелегально проживать в разных местах. Как указывает Джабагиев, находясь в столице, Исхаки завоевал огромную любовь среди тюркоязычной молодежи [4, с.40]. А младшая дочь Джабагиева Тамара, разумеется, по услышанным от родителей рассказам, сообщает, что Г.Исхаки был вхож и в дом Вассан-Гирея и Халимы (Хелен) Байраше-

¹ В 1955 г. в Стамбуле начал выходить журнал «Идель-Урал» на турецком и английском языках. Учредителем и главным редактором издания был татарский эмигрант Меджит Сакмар (1988–1978), бывший офицер турецкой армии и участник войн на Балканах и Первой мировой, а также национально-освободительной борьбы турецкого народа. После смерти Гаяза Исхаки именно он возглавил в Турции национальный центр «Идель-Урал». Задуманный как издание по культуре народов Волго-Уральского региона журнал успел выйти лишь в двух номерах [см.: 10, с.85–92].

² Было создано 6 мая 1905 г. и преобразовано 25 октября 1915 г. в Министерство земледелия.

ской³ в Петербурге. Автор мемуаров приводит эпизод о том, как однажды Г.Исхаки, убегая от жандармов, спрятал свой пистолет в гардеробе Джабагиевых и попросился немного пожить у них [6, s.16].

Сам Вассан-Гирей о первой встрече с Г.Исхаки довольно немногословен: *«В дни побега из мест высылки он некоторое время скрывался в своем доме в Ленинграде (тогда еще Санкт-Петербург. – А.С.) и затем отправился в путешествие на Ближний Восток»* [4, s.39]. Здесь Джабагиев, скорее всего, имел в виду поездку Исхаки в Османскую империю, где он развил чрезвычайно активную политическую деятельность: публиковался под псевдонимом «Казанлы» в периодической печати, выступал на разных собраниях, открыто выражал свое разочарование итогами младотурецкой революции, критиковал турок за нежелание следовать за прогрессом, в пример им приводил татарское национальное движение. В 1911 г. он нелегально вернулся в Петербург, и, как пишет В.-Г.Джабагиев, вместе они стали участниками одного скандального дела: *«Начала действовать одна банда, руководимая членами специального отдела русской полиции и имевшая цель испортить отношения между мусульманами Кавказа и армянами. Стоявший во главе банды человек, скрывавшийся под прозвищем Хаджи Талаш, выпускал издание на русском языке с названием “В мире мусульманства”. Их целью было подтолкнуть кавказских народов к кровавым столкновениям и камуфлировать колониальную политику русских. Гаяз Исхаки узнал об этих страшных делах из письма своих товарищей и в срочном порядке тайно приехал в Петербург. Мы проводили тайные собрания с целью найти способы, чтобы остановить грязную деятельность полицейских шпионов. Вот в одном из этих собраний один из провокаторов, неизвестно, как он туда проник, всерьез поспорил с Гаязом Исхаки, и в итоге этот спор превратился чуть ли не в драку. Затеявшего шумиху шпиона насильно выгнали из собрания»* [4, s.39–40].

Приведенный В.-Г.Джабагиевым этот «скандальный случай», действительно, был резонансным делом в истории российских мусульман, а за воспроизведенным в турецкий манер именем «Хаджи Талаш» стояла крайне противоречивая и спорная личность М.-Б.И. Хаджетлаше-Скагуаше⁴. Еженедельная газета на русском языке «В мире мусульманства»

³ В.-Г. Джабагиев был женат на Хелене (Халима) Байрашевской – девушке из известного в Польше татарского княжеского рода Байрашевских.

⁴ Хаджетлаше-Скагуаше Магомет-бек Исламович (он же: Хаджи Талаш, Хаджи Телаши) (1868(?)–1929). Одни исследователи (О.Бессмертная, Р.Беккин и др.) в «надевшем маску мусульманина» видят «крещеного еврея из Одессы Григория Яковлевича Э(т)тингера, по неизвестным причинам решившего стать черкесом и турецким подданным». Другие же (в основном северокавказские авторы) считают его видным самобытным адыгским писателем и журналистом, общественным деятелем и просветителем [см.: 2; 3].

издавалась с апреля 1911 г. в Петербурге и распространялась по всей России. Редакторами являлись Магомет-бек Хаджетлаше и Арслан-Гирей Датиев. Первоначально газета оставляла благоприятное впечатление среди мусульман России, что последние на местах даже собирались оказать редакции финансовую помощь. Однако провокационный характер отдельных статей, а также кампания редакции газеты против мусульманской фракции Государственной думы, породили подозрения о связях М.Хаджетлаше с царской охранкой.

Далее читаем В.-Г.Джабагиева: *«О вредной деятельности группы Хаджи Талаши мы написали письмо с нашими подписями в “Речь” – оппозиционную газету, выступавшую в тот период против правительства. Газета сразу опубликовала это письмо. В письме были подписи следующих товарищей: члена российской Думы Ибрагим-бея из Дагестана (Гайдаров Ибрагим-бек (1879–1949). – А.С.), Султанова из Волги-Урала, Гидарова, моя и Гаяза Исхаки. О публикации говорили и в Государственной Думе, общественность была оповещена и в результате государственными органами “В мире мусульманства” была закрыта»* [4]. В результате расследования, проведенного в 1911 г. специально созданной мусульманами комиссией, выяснилось, что издание «В мире мусульманства» финансировалось Министерством внутренних дел с целью дискредитации национальных движений мусульманских народов и обоснования выдвигаемых против них обвинений в панисламизме и сепаратизме, что Хаджетлаше трудился не только на поприще мусульманской журналистики, а одновременно публиковал статьи в консервативной русской прессе о грозящем европейскому миру панисламизме. «Расследование это завершилось появлением в двух русскоязычных газетах – кадетской “Речи” (24.12.1911; 6.01.1912) и издававшемся мусульманскими либералами “Каспии” (8.01.1912) – “Письма в редакцию”, в котором раскрывалось двурушничество Хаджетлаше. В “Письме” указывалось, что Магомет-бек писал анти-мусульманские статьи в правительственной и консервативной прессе и получал деньги от Министерства внутренних дел на борьбу с либеральным движением среди русских мусульман» [2, с.262].

Г.Исхаки об этом событии вспоминал в 1931 г. следующим образом: «В Петербурге появляется человек по имени Хаджи Телаши. Называет себя дагестанцем и очень старается проникнуть в среду мусульман. Однако сам не умеет разговаривать ни на одном языке, на котором разговаривают мусульмане. Собрав вокруг себя несколько кавказцев, начинает выпускать на русском языке газету “В мире мусульманства”. Этот человек, который придав себе вид мусульманина, издавал в Париже газету⁵ “Мир ислама”,

⁵ В оригинальном тексте «Мир ислама» указан как газета, хотя принято называть его журналом. – А.С.

оказался евреем из Одессы. Столыпин ежегодно выдавал 12 тысяч рублей для издания этой газеты. Хотя его провокаторская деятельность стала известной еще в 12-м, документы об этом попали в руки лишь после Февральской революции. Эти бумаги хранятся в надежном месте. Сам он умер в 1929 году в тюрьме Стокгольма» [цит. по: 7, s.444].

Здесь интересен специфичный, «кавказский» ракурс видения В.-Г.Джабагиевым инцидента с Хаджетлаше, для него, помимо всего прочего, опасной показалась цель Магомет-бека *испортить отношения между мусульманами Кавказа и армянами*. Надо полагать, что он имел в виду деятельность членов армянской партии «Дашнакцутюн», чьи отряды в 1910-е гг. орудовали в Туркестане и Азербайджане, приобрели стойкую неприязнь к местным мусульманам, а в период Гражданской войны отличились особым зверством.

Но вернемся к нашим героям. В 1912 г. Г.Исхаки снова арестовали и отправили в Архангельскую губернию. В 1913 г. в связи с 300-летием династии Романовых он был досрочно освобожден, но ему запретили находиться в Казани. Поэтому в годы Первой мировой войны он жил в Москве и Петербурге, занимался журналистской деятельностью, однако, благодаря «бдительности» властей, издаваемые им газеты на татарском языке «Ил» («Отчизна»), «Сүз» («Слово») вскоре были закрыты. О состоянии Исхаки в период революции и Гражданской войны В.-Г.Джабагиев написал довольно четко: *«В дни, когда большевики стали хозяйничать в России, шовинисты двух мастей воспринимали его как опасного демократа. С одной стороны, пыталась его уничтожить полиция большевиков, с другой стороны, разыскивала белая полиция Колчака»* [4, s.41]. Безусловно, такую характеристику состояния Г.Исхаки он мог дать только после личной встречи и беседы с ним.

Исхаки и Джабагиев в следующий раз встретились уже в Париже. Если Вассан-Гирей, как один из руководителей провозглашенной независимой республики горцев Северного Кавказа, в 1919 г. поехал в Париж для ведения переговоров с европейскими странами, то Исхаки попал туда не сразу и с большим трудом: в мае 1917 г. он принял участие в I Всероссийском мусульманском съезде в Москве. На заседании Национального Собрания (Миллэт Меджлиси), открывшегося в Уфе 20 ноября 1917 г., развернулись серьезные дискуссии вокруг будущего статуса национальных образований. Четко выделились две позиции: одна группа выступила с идеей создания в составе России национально-культурных автономий с широкими полномочиями для всех тюркских народов; другая группа настаивала на формировании самостоятельного штата Идель-Урал. Миллэт Меджлиси поддержал последний вариант. Был провозглашен штат Идель-Урал на территории Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний, создано Национальное правление (Милли Идаре) Урало-Поволжья, где

Г.Исхаки возглавил Департамент иностранных дел. Однако завоевавшие власть большевики всю эту деятельность пресекли на корню, начались репрессии, Гаяз Исхаки ушел в подполье. Члены Милли Идаре продолжали осуществлять свою деятельность в Западной Сибири в Петропавловске (Кызыльяр), там Гаяз Исхаки, Фуат Туктаров (1880–1938) и Гумер Терегулов (1883–1938) были избраны делегатами на предстоящую Парижскую (Версальскую) мирную конференцию. Однако татарские делегаты не смогли вовремя оформить визы и выехать в Европу, в ожидании разрешения этого вопроса месяцами находились в Маньчжурии, Кореи и Японии, добрались до Парижа лишь к концу конференции.

О состоявшейся встрече с Г. Исхаки в Париже В.-Г.Джабагиев пишет одним предложением: «*В третий раз с Гаязом Исхаки я встретился в 1921 году в Париже и перевел на французский язык его сочинение “Идель-Урал”*» [4, с.41]. Это краткое предложение содержит для татарских исследователей одно важное сведение: известно, что историческое сочинение «Идель-Урал» было переведено на русский и европейские языки, однако отсутствовали данные об авторах переводов. Благодаря информации, полученной от В.-Г.Джабагиева, стало известно имя переводчика на французский язык. Смущает лишь отсутствие конкретной даты совершения данного перевода, поскольку сочинение «Идель-Урал» было написано не в начале 1920-х, а гораздо позже. Считается, что сама книга на татарском языке вышла в Берлине в 1933 г. В том же году в Париже были опубликованы русский и французский переводы. В следующем году в Японии вышла книга на японском языке, в 1938 г. в Варшаве – на польском языке. Вероятнее всего, Вассан-Гирей работал над этим текстом в Варшаве, уже имея под рукой его русский перевод, поскольку вряд ли мог переводить с оригинала.

В 1925–1927 гг. Исхаки находился в Турции, что примечательно, с осени 1924 г. по апрель 1926 г. и Джабагиев работал в Турции в качестве корреспондента польской газеты «Варшавский Курьер» («*Kurier Warszawski*»). Пересекались ли их пути в этот период, пока нам неизвестно. Исхаки (в Турции его называли Ayaz İshaki İdilli) пытался вести активную деятельность в условиях сформировавшейся Республики, в журнале «Тюрк йурду» («*Türk Yurdu*») писал статьи о возможных сложностях перехода на латиницу, о единстве тюркских народов. Не все его статьи отвечали требованиям новой власти в Анкаре, поэтому реакция к ним была довольно жесткой. В эти беспокойные времена Исхаки получил приглашение от польского маршала, лидера движения «Прометей» Юзефа Пилсудского (1867–1935), с которым, возможно, имел давнюю дружбу. Известно, что Пилсудский и Исхаки познакомились во время ссылки в Архангельской губернии.

Возглавлявший в 1918–1922 и 1926–1935 гг. правительство Польши Ю.Пилсудский вокруг себя собрал антисоветские группы из украинских, грузинских, азербайджанских, крымско-татарских, татаро-башкирских эмигрантов и финансово поддерживал их деятельность. Польский лидер осознавал, что Советская Россия будет стремиться к восстановлению контроля над бывшей империей, и, чтобы противостоять этому, поддерживал стремления к независимости нерусских народов России и выступал за создание конфедерации. С конца 1922 г. началось формирование первых организационных структур общества «Прометей» – политического проекта Ю.Пилсудского⁶. Из каждой эмигрантской группы по одному-два представителя избирались членами прометеевского движения: из Туркестана Осман Ходжа и Мустафа Чокайоглу, из Крыма Джафер Сейдахмет, из Казани Гаяз Исхаки, с Северного Кавказа Саид Шамиль, из Грузии Ной Джордания, из Азербайджана Мехмет Эмин Расулзаде. Исхаки приехал в Польшу в 1927 г. и остановился в Варшаве. Здесь он трудился над созданием «Комитета независимости Идель-Урала». Благодаря материальной поддержке общества «Прометей» и финских татар, создал орган периодической печати тюрко-татарских эмигрантов журнал «Милли юл» («Национальный путь»), первый номер которого вышел 23 декабря 1928 г. в Берлине.

«Спустя несколько лет, мы с Гаязом Исхаки в четвертый раз нашли друг друга в Варшаве, – пишет В.-Г. Джабагиев, – в столице наших самых искренних, но несчастных польских друзей. Этот мой скромный товарищ был самым любимым и долгожданным гостем нашей семьи. В то же время он преподавал уроки религии нашим детям» [4, s.41]. Тамара Джабаги, не единожды повторяя, что Г.Исхаки был «очень милым человеком», «душечкой», «великим тюркским мыслителем», «глубокоуважаемым лидером казанских татар», также подтверждает слова отца о том, что она и ее старшие сестры брали уроки ислама у Исхаки: «В тех школах, где мы обучались, требовались оценки по урокам религии. Министерство образования Польши обязывало (выводить) оценки по урокам религии... Поэтому все мусульманские дети Варшавы, независимо от школы и класса, мальчики и девочки, получали уроки религии. Для нас поляки организовали место для воскресной школы. И на занятия к нам приходили то имам Варшавы, то кто-нибудь другой, например, Гаяз Исхаки...» [6, s.17].

⁶ Как антибольшевистская платформа движение «Прометей» было основано в 1926 г. на основе единства кавказских мухаджиров. Со временем оно объединило широкий спектр этнических и религиозных групп Туркестана, Крыма, Идель-Урала, Азербайджана, Северного Кавказа, Грузии, Украины, Белоруссии, Молдавии, Карелии и Ингерии. Таким образом, был сформирован единый антисоветский фронт для борьбы за свою национальную независимость.

Таким образом, в Варшаве татарский писатель, так сказать, вернулся к своей основной профессии по линии полученной специальности – профессии учителя: получивший мусульманское образование в разных известных медресе Чистополя и Казани, сын муллы Г.Исхаки был выпускником Казанской татарской учительской школы (1902) и даже некоторое время поработал преподавателем медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Известно, что в Варшаве он также читал лекции в Восточном клубе и местных учебных заведениях. Помимо политической и преподавательской деятельности, Исхаки продолжал заниматься художественным творчеством. Тамара вспоминает: «До начала Второй мировой войны, когда ставились его произведения на сцене, он из Польши ездил в Финляндию» [6, s.16]. Основной темой его произведений и в эмиграции оставалась судьба родного народа.

Дети Джабагиевых знакомятся с дочерью Исхаки Саадет (потатарски: Сәгадәт), которая в это время изучала тюркологию в Берлинском университете [см. о ней: 9, с.11]. «На семестровые каникулы Саадет приезжала в Варшаву, – вспоминает Тамара. – Гаяз Исхаки очень любил свою единственную дочь. Поскольку жены не было, при необходимости что-то покупать для дочери, он с моей мамой отправлялся на рынок, где покупали или заказывали пошив одежды для нее. Саадет-ханум была как дочь для моей матери. И мама, и мы очень любили их» [6, s.16].

Здесь стоит вкратце упомянуть о том, что Г.Исхаки выехал в Европу без семьи. Лишь в ноябре 1922 г. дочери Саадет удалось осуществить нелегальный выход за рубеж из Петрограда в Финляндию. Исхаки повез свою дочь в Берлин, где благодаря помощи близких друзей Садри Максуди и Юсуфа Акчуры устроил ее в частный немецкий лицей-пансион. В 1931 г. Саадет получила диплом философского факультета Берлинского университета, в 1933 г. защитила диссертацию по тюркологии, в 1933–1938 гг. по поручению отца в Берлине занималась выпуском журнала «Яңа милли юл» («Новый национальный путь») и с началом Второй мировой войны переехала с мужем Тагиром Чагатаем (1902–1984) в Турцию и всецело отдалась науке. Профессор Саадет Чагатай – известное имя в современной тюркологии.

В Варшаве, как указывает Тамара, Джабагиевы жили в доме по адресу: улица Сенная, №20, который служил своего рода «центром для встречи всех тюрков, кавказцев и мусульман». Тем не менее, то, что среди северокавказских эмигрантских деятелей не было солидарности, заметила даже тогда еще юная Тамара. Вассан-Гирей Джабагиев, в 1926–1927 гг. сотрудничавший с движением «Прометей», с 1928 по 1940 г. находился в оппозиции как к прометеевскому движению, так и к Народной партии горцев Северного Кавказа, входившей в него [5, с.222]. Активно участвовавший в работе Комитета по строительству мечети в Варшаве в 1928 г., Джабагиев

становится первым председателем комитета⁷. Данный факт свидетельствует о его активном участии в жизни мусульманской общины Варшавы, где преобладали польские татары. Вскоре он переключает свое усердие на издание журнала «Исламское обозрение» («Przegląd Islamski»), редакция которого находилась прямо у него дома. О том, как идея создания исламского журнала пришла ему в голову, он позже признался в предисловии к своей книге «Кавказско-русская война», над которой работал в 1940–1941 гг. в Стамбуле (книга была написана на французском языке, турецкий перевод вышел посмертно лишь в 1967 г., благодаря мужу Тамары Хайри Джанкату). Как-то сидя на лавочке в Варшаве, Вассан-Гирей Джабаги невольно подслушал разговор находившихся недалеко от него двух поляков, которые, глядя на ночное небо, удивлялись тому, почему мусульмане поклоняются полумесяцу; поняв, что среди населения Польши необходимо вести просветительскую работу по исламу, он решил издавать журнал на польском языке. В.-Г. Джабагиев писал свои статьи с пониманием ответственности за сохранение мусульманской идентичности в европейской среде. Сотрудничая с руководителями культурных движений татар, проживавших в Польше, он публиковал материалы, направленные на удовлетворение основных религиозных и культурных потребностей мусульманской общины [см.: 8].

«Исламское обозрение» выходило ежеквартально в 1930–1937 гг. Официально журнал являлся органом мусульманской общины г. Варшава (organ Muzulmanskiej gminy m. St. Warszawy), однако доминирующую роль в нем играли польско-литовские татары, кавказские и татарские эмигранты. «Пожалуй, из всех представителей татарской эмиграции Гаяз Исхаки был самой активной медийной и медийно-активной персоной», – считает Д. Усманова. «Вероятно, это было связано с его писательской деятельностью, длительным опытом журналистской деятельности, и наконец, с его необычайной политической активностью. Поэтому во всех польско-татарских журналах мы встречаем довольно много материалов, посвященных его персоне, а также оценке его творчества. В частности, целые номера журналов “Исламское обозрение” (№4) и “Татарская жизнь” (№5) за 1937 г. в значительной мере были посвящены 40-летию творческой деятельности Гаяза Исхаки. Торжества по случаю этой знаменательной даты

⁷ 33-страничный устав Ассоциации «Комитет по строительству мечети в Варшаве» был создан 15 февраля 1928 г., а его создателями были Абдул-Хамид Чурамович, Александр Полторжицкий и Вассан-Гирей Джабагиев. На основании распоряжения Правительственного комиссара по столичной столице Варшаве от 3 апреля 1928 г. (№ ВР 3123/28) вновь созданная ассоциация была включена в реестр ассоциаций [см.: 8, s.118].

состоялись 5 марта 1937 г. в Варшаве и были подробно описаны в публикациях в упомянутых изданиях», – отмечает исследователь [11, с.32–33].

Редакция «Исламского обозрения» обращала внимание на события, происходившие в среде национальной тюрко-татарской эмиграции не только Европы, но и Дальнего Востока, отчасти это было связано с двухгодичной поездкой Гаяза Исхаки на Дальний Восток в 1934–1936 гг. В своих путешествиях по Маньчжурии, Корею, Китаю он преследовал цель объединения раздробленной тюрко-татарской эмиграции. Журнал освещал такие общемусульманские мероприятия, как Всемирный исламский конгресс (1931 г.) и Европейский конгресс мусульман в Женеве (1935 г.).

В.-Г. Джабагиев в 1937 г. был назначен корреспондентом Польского телеграфного агентства (Polskiej Agencji Telegraficznej / PAT) в Турции, поэтому ушел из журнала, редактором которого был с 1930 г. Больше в Польшу он не вернулся, как и Исхаки, который во время нападения немцев на Польшу еще находился в Варшаве.

6 сентября 1939 г. Г. Исхаки был вынужден покинуть Варшаву и через Румынию перебраться в Турцию. Он проживал в Стамбуле в небольшом доме недалеко от района Бейоглу, дочь и зять, хотя и работали в Анкаре, постоянно заботились о нем. В Турции в первое время и Исхаки, и Джабагиев следили за политической ситуацией в мире, восстановили связь с руководством общества «Прометей», которое пыталось оживить заметно ослабевшую из-за войны свою деятельность за пределами Польши. Находившиеся в Стамбуле члены общества «Прометей», «пытались использовать турецкий фактор относительно судеб северных турок (Азербайджан, Крым, Туркестан и Казань), живущих под владичеством красной России» [5, с.205]. Например, по архивным данным известно, что 12 февраля 1940 г. некоторые лидеры эмигрантов провели встречу в Стамбуле с польским полковником Роджером Рачинским (Roger Raczyński). На этой встрече, «состоявшейся в доме крымского лидера Джафера Сейдахмета с участием лидера движения “Идель-Урал” Гаяза Исхаки и лидера северокавказского движения Саида Шамиля, были определены две цели: создать тайный центр организации “Прометей” и планировать последующие действия. Оценив политическую ситуацию в Турции и на Ближнем Востоке, участники решили объединиться в организацию, которая будет осуществлять свою деятельность тайно с центром в Париже. Первым шагом для этого было создание нелегального центрального комитета. В состав центрального комитета были включены: В.Бачковски из Польши, Джафер Сейдахмет Кырымер из Крыма; Саид Шамиль и Вассан-Гирей Джабаги с Северного Кавказа; Мехмет Эмин Расулзаде, Мир Якуб Мехтиев и депутат Мустафа Векили из Азербайджана, Осман Коджаоглу или Ахметджан Окай вместе с Мустафой Чокайоглу из Туркестана. Также было определено, в каких городах члены комитета будут проводить свою работу. Соот-

ветственно, Саид Шамиль должен был продолжить свою работу на Ближнем Востоке, Гаяз Исхаки – в Финляндии, а Бачковски – в Румынии. Джафер Сейдахмет должен был поддерживать отношения с турецким правительством. Осман Коджаоглу во время этой встречи находился в Иране. Мустафа Чокайоглу был в Париже. Согласно протоколу собрания, все члены ЦК обязаны были организовать антисоветское сопротивление в своих регионах в соответствии с условиями, в которых война будет разворачиваться в Советском Союзе» [1, s.103]. Однако из-за оккупации Польши, поддерживавшей протеметеевский фронт, а также из-за негативного отношения турецких властей к работе эмигрантских организаций в условиях войны, усиленного контроля над ними, политическая деятельность и Исхаки, и Джабагиева в Турции постепенно сошла на нет.

Отошедший от политики Гаяз Исхаки в последние пятнадцать лет своей жизни занимался лишь литературным творчеством. Турция стала второй родиной для Тамары Джабаги, которая здесь получила высшее образование, работала стоматологом, устроила личную жизнь и постоянно находилась рядом с отцом. Тамара, хотя, к сожалению, не углубляется в подробности, в своей книге утверждает, что их семья дружила с Гаязом Исхаки до самой его смерти [6, s.17]. В заключении своей заметки «Помню» В.-Г.Джабагиев татарскому соратнику дает такую точную характеристику, которую может дать только человек, близко знавший его: *«Как личность Исхаки был человеком с большим талантом и глубокими мыслями в изучении человеческой жизни, но с жестким темпераментом, что понаравившиеся ему идеи высказывал напрямую и без обиняков. Эти качества, естественно, могли вызвать недовольство у некоторых самодовольных соотечественников. Однако я надеюсь, что это будет прощено перед лицом его великой службы своей нации»* [4, s.41].

Грани дружбы и сотрудничества этих выдающихся личностей в данной статье указаны пока лишь профильно. Несколько лет тому назад в Казань были переданы электронные копии дневников Гаяза Исхаки, которые он вел в период с 1919 по 1953 г. В Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан идет работа над обработкой этого наследия. И надо надеяться, что в этих дневниках также выявятся интересные факты и детали из жизни и деятельности поволжских и северокавказских политических эмигрантов.

В заключение отметим, что могила Гаяза Исхаки, как и могилы Вассан-Гирея, его жены Халимы и дочери Тамары, находится в Стамбуле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Andican, Ahat*. Türkistan Milli Birlik Hareketi ve Polonya Prometeizmi (1926–1940) // *Türkbilimde Arayışlar*. Timur Kocaoğlu Armağanı. İkinci kitap. İstanbul, Kutlu yay, 2022. S.39–108.

2. *Беккин Р. А.Э.* Шмидт и М.-б.Хаджетлаше: история одного конфликта вокруг журнала «Мир Ислама» // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2017. №3/4. С.254–266.

3. *Бессмертная О.Ю.* Был ли Хаджетлаше мусульманином? Одно странное конструирование идентичности в поздней Российской империи // *Казанское исламоведение*. 2015. №1. С.162–200.

4. *Vassan Girey Cabagi*. Hatırlıyorum // *Milli Mücahit ve Milli Edip Ayaz İshaki*. İdil Ural Mecmuasının 1. Sayı İlavesidir. İstanbul, 1955. S.39–41.

5. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»: Сборник документов / сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М.: Изд-во «Социально-политическая Мысль», 2012. С.222.

6. Kamacıoğlu, Birsen Cankat. Tamara. Annemin Bana Anlattıkları. Hayatı, Yaşadıkları ve Yeni Nesillere Söylemek İstedikleri. 2022. İtunes Store. URL: https://books.apple.com/us/book/tamara/id6443476700?fbclid=IwAR1nb0oBt_RO0-iQ3Jfj11eMU3QtTXezJ7IOCP0g2hVli2fRYq1YPAZQaok

7. *Samyete U., Kanlıdere A.* Mir İslama Dergisi (1912–1914): Rusya'daki İslam Araştırmalarının İki Yüzü, *Sosyoloji Dergisi*, 3. Dizi, 29. 2014. №2. S.441–450.

8. Tekne, Kamelya. Przegład Islamski (Nazarât-I İslâmiyye) ve Vassan Girey Cabaği // *Gazi Türkiyat*, Bahar 2021/28, s.115–127. DOI: 10.34189/gtd.28.008

9. *Сибгатуллина А.* Не забывайте татарский // *Татарский мир*. 2020. №2. URL: https://tatmsk.tatarstan.ru/file/pub/pub_2809930.pdf

10. *Сибгатуллина Ә.Т.* «Идел-Урал» журналы (1955) // *Фәнни Татарстан*. 2022. №2. Б.85–92.

11. *Усманова Д.М.* Взаимоотношения общины польско-литовских татар и тюрко-татарской эмиграции в межвоенной Польше (по журналам польско-литовских татар 1930-х гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т.12. Вып. 4 (102). URL: <https://history.jes.su/s207987840014383-0-1/> (дата обращения: 16.09.2023).

12. Джабагиев, Вассан-Гирей Ижиевич // *Энциклопедия Руниверсалис*. URL: https://руни.рф/Джабагиев_Вассан-Гирей_Ижиевич (дата обращения: 16.09.2023).

Информация об авторе:

Сибгатуллина Альфина Тагировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Поступила 05.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Vassan-Girey Dzhabagiev – Ingush friend of Gayaz Iskhaki

A.T. Sibgatullina

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

The facts show that the great sons of the Tatar and Ingush peoples, two major figures of the political movement Gayaz Iskhaki (1878–1954) and Vassan-Girey Dzhabagiev (1882–1961) were not only acquaintances and like-minded people, but also close friends. Their paths crossed several times during different periods of their lives in St. Petersburg, Paris, Warsaw and Istanbul. Iskhaki was attached to the Dzhabagiev's family and taught his children. This is evidenced by the article by V.-G. Dzhabagiev and the memories of his daughter Tamara Dzhabagi-Jankat Kamadzhiglu.

Keywords: Gayaz Iskhaki, Vassan-Girey Dzhabagiev, Russian political emigration, Idel-Ural

For citation: Sibgatullina A.T. Vassan-Girey Dzhabagiev – Ingush friend of Gayaz Iskhaki. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.100–113. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.100-113> (In Russian)

REFERENCES

1. Andican, Ahat. Türkistan Milli Birlik Hareketi ve Polonya Prometeizmi (1926–1940). *Türkbilimde Arayışlar. Timur Kocaoğlu Armağanı. İkinci kitap*. İstanbul, Kutlu yay, 2022. Pp.39–108. (In Turkish)
2. Bekkin R. Schmidt and M.-b. Khadzhetlashe: the story of a conflict around the magazine "World of Islam". *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2017, no.3–4, pp.254–266. (In Russian)
3. Bessmertnaya O.Yu. Was Khadzhetlashe a Muslim? One strange construction of identity in the late Russian Empire. *Kazan Islamic Studies*. 2015, no.1, pp.162–200. (In Russian)
4. Vassan Girey Cabagi. Hatırlıyorum. *Milli Mücahit ve Milli Edip Ayaz İshaki. İdil Ural Mecmuasının 1. Sayı İlavesidir*. İstanbul, 1955. Pp.39–41. (In Turkish)
5. *Caucasian Confederation in official declarations, secret correspondence and secret documents of the Prometheus movement: collection of documents*. Ed. by G.G. Mamulia. Moscow: Social and Political Thought Publ., 2012. 222 p. (In Russian)
6. Kamacıoğlu, Birsen Cankat. Tamara. Annemin Bana Anlattıkları. Hayatı, Yaşadıkları ve Yeni Nesillere Söylemek İstedikleri. 2022. *Apple Books*. URL: https://books.apple.com/us/book/tamara/id6443476700?fbclid=IwAR1nb0oBt_RO0-iQ3JfjI1eMU3QtTXezJ7IOCP0g2hvLi2fRYq1YPAZQaok (accessed: 27.04.2024). (In Turkish)
7. Samyte U., Kanlıdere A. Mir İslama Dergisi (1912–1914): Rusya'daki İslam Araştırmalarının İki Yüzü, *Sosyoloji Dergisi*, 3. Dizi, 29. 2014, no.2, pp.441–450. (In Turkish)

8. Tekne, Kamelya. Przegląd Islamski (Nazarât-I İslâmiyye) ve Vassan Girey Cabaği. *Gazi Türkiyat*. 2021, no.28, pp.115–127. DOI: 10.34189/gtd.28.008 (In Turkish)

9. Sibgatullina A. Don't forget the Tatar. *Tatar world*. 2020, no.2, p.11. (In Russian)

10. Sibgatullina A.T. Magazine "Idel-Ural". *Scientific Tatarstan*. 2022, no.2, pp.85–92. (In Tatar)

11. Usmanova D.M. Relationships between the Polish-Lithuanian Tatar community and the Turkic-Tatar emigration in interwar Poland (according to the journals of the Polish-Lithuanian Tatars of the 1930s). *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2021, vol.12, no.4 (102), pp.32–33.

12. Dzhabagiev, Vassan-Girey Izhevich // Encyclopedia Runiversalis. URL: https://rooney.rf/Dzhabagiev,_Vassan-Girey_Izhevich (access: 16.09.2023). (In Russian)

About the author:

Sibgatullina Alfina Tagirovna – Dr. Sci. (philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Received February 5, 2024

Accepted for publication April 19, 2024

УДК 82-92

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.114-122>

О публикациях Гаяза Исхаки в журнале «Северный Кавказ»

Л.Ш. Галиева

Институт языка, литературы и искусства

им. Г. Ибрагимова АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье рассматриваются публикации выдающегося татарского писателя и общественно-политического деятеля Гаяза Исхаки, а также материалы относительно его деятельности и творчества, увидевшие свет на страницах журнала российских эмигрантов «Северный Кавказ». Предшественником данного издания считается журнал «Горцы Кавказа», отдельные номера которого также содержат публикации национального лидера и интересную информацию о нем. Представленные факты позволяют дополнить картину жизни и деятельности Г.Исхаки за рубежом.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки, журнал «Северный Кавказ», журнал «Горцы Кавказа», эмигрантская пресса, Идель-Урал

Для цитирования: Галиева Л.Ш. О публикациях Гаяза Исхаки в журнале «Северный Кавказ» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.114–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.114-122>

Известный своей многогранной деятельностью не только в тюркском мире выдающийся татарский писатель, драматург, общественный и политический деятель, редактор-издатель Гаяз Исхаки (Мухаммедгаяз Гилязетдинович Исхаков, 1878–1954) оставил после себя богатое наследие. Опубликованные в пятнадцати томах сочинения одного из лидеров татарской нации, хотя и дают широкую панораму о его деятельности, на сегодняшний день поиски и находки публикаций Г.Исхаки продолжают. Особенно интересно в этом направлении изучение статей и иных записей писателя, опубликованных на страницах зарубежных изданий. На сегодняшний день деятельности писателя за рубежом посвящены отдельные статьи, монографии, диссертационные работы. Еще в комментариях ко второму тому сочинений Г.Исхаки исследователь Л.Гайнанова ведет речь о статьях писателя, которые были опубликованы в изданиях татар Польши [14, с. 458]. Далее значимый вклад на этом пути исследования внесли ученые, защитившие кандидатские и докторские диссертации по творчеству и деятельности Г.Исхаки. Особо стоит отметить труды ученых-историков Р.Б. Гайнетдинова [2], Б.Т. Гали [3, 4], литературоведов Х.Ю. Миннегулова [17], Ф.М. Мусина [19], М.Ж. Сахапова [23, 24], И.С. Мансурова [16], журналиста А.И. Галямутдинова [7] и некоторых других авторов. В

них раскрывается картина зарубежной жизни классика татарской литературы, исследуется содержание некоторых изданий, на страницах которых публиковался Г.Исхаки. Немало интересных сведений содержат и статьи А.Каримуллина [15, б.261–270], З.Мухаметшина [18], С.Исхакова [12], А.Сибгатуллиной [25] и других. И все же в данном направлении еще остаются вопросы, ответы на которые лишь предстоит найти. В связи с этим сегодня представляется важным изучение эмигрантских изданий, на страницах которых мог публиковаться писатель.

Одним из перспективных направлений в области изучения эмигрантского периода жизни Г.Исхаки является исследование зарубежной прессы. И здесь не идет речь только об изданиях, редактором которых выступал сам писатель («Милли юл», «Милли байрак»). Значительная часть статей и заметок Г.Исхаки была опубликована на страницах иностранных изданий и прессы, которая выпускалась эмигрантами из России. Ранее в статьях нами были рассмотрены некоторые публикации Г.Исхаки на страницах отдельных зарубежных изданий [5; 6]. В данной статье информация относительно журнала «Северный Кавказ» (*Şimali Kafkasya*, 1934–1939) дополнена новыми источниками и представлена в более широком плане.

Как сообщает исследователь А.Н. Рубанова: «В журнале печатали свои статьи и очерки представители северокавказских эмигрантских общин Варшавы, Лиона, Лозанны, Нью-Йорка, Парижа, Праги – Арслан, Аптек, Таулу, Кази-хан, Хаджи-Билал, Азамат, Аяс-Исхаки, Адиль-Бек Кулатти, Догуж, Темир Базырыкхо, Кундух, Дауд, Адыге, Хурш, Андемыркан, Джанхот и другие» [22]. К сожалению, попытки напрямую у автора статьи узнать о публикациях Г.Исхаки в журнале «Северный Кавказ» не увенчались успехом. В поисках этого журнала нами были изучены материалы Государственной публичной исторической библиотеки, Интернет-ресурсы, цифровые архивы библиотек Франции и Польши. Как сообщается в самом издании, журнал «*Şimali Kafkasya*» издавался Народной партией горцев Кавказа с конца 20-х гг. XX столетия вплоть до вступления гитлеровской армии в Польшу. Местом издания был город Париж. В сети Интернет есть несколько версий того, что «Северный Кавказ» явился неким продолжением выходившего с 1929 по 1934 г. журнала «Горцы Кавказа» (*Les Montagnards du Caucase = The Mountaineers of Caucasus = Kafkasya Dağlilari*), редактором которого был князь Эльмурза Бекович-Черкасский (1899–1940). Будучи лидером эмиграции горцев в Европе, он также являлся членом указанной партии. С мая 1934 г. журнал выходил под заголовком «Северный Кавказ». Главный редактор сменился. Теперь им являлся глава филиала партии горцев в Чехословакии Барасби Байтуганов (1899–1986).

Так, в №37 за 1933 г. на страницах журнала была напечатана статья Г.Исхаки на русском языке «Дальний Восток» [11]. Эта статья также была размещена в редактируемом им журнале «Яна милли юл» («Новый национальный путь») на татарском языке. В данной публикации писатель освещает жизнь мусульман на Дальнем Востоке. Как известно, Г.Исхаки принимал

активное участие в деятельности мусульманской общины этого региона. В одной из заметок раздела «Хроника» журнала за 1935 г. сообщается: «Пребывание на Дальнем Востоке г. Аяс-бея Исхаки, известного идель-уральского политического деятеля и публициста, значительно активизировало тамошнюю довольно многочисленную (свыше 10 тыс. чел.) эмиграцию тюрко-татар Идель-Урала» [20, с.28]. Будучи на Дальнем Востоке, Г.Исхаки посетил наиболее крупные центры проживания эмигрантов из России. Так, он побывал в Ниппоне, Манджу-ти-го, Китае. Лидер татар тюрко-татарской эмиграции везде стремился объединить местное население под общим лозунгом. И позднее эти организации решили устроить конгресс эмигрантов Идель-Урала. Эмигрантские объединения прислали на это мероприятие своих членов. Конгресс тюрко-татар Идель-Урала проходил с 4 по 14 февраля 1935 г. Всего на нем приняли участие 40 человек. Председателем конгресса был избран лидер национального движения Идель-Урала Гаяз Исхаки. О том, как ценит Г.Исхаки тюрко-татарская община Дальнего Востока, сообщает и заметка «Общее собрание тюрко-татар в г. Хайларе»: «Собрание посетили 96% тюрко-татар, проживающих в Хайларе, а остальные 4% уехавшие по торговым делам в глубь Монголии, были лишены этого удовольствия. Вышеизложенное ясно показывает, как дорого ценят тюрко-татары своего уважаемого лидера и писателя Аяз-Бея Исхаки и как верно они сознают свои национальные интересы» [26, с.37].

В №12 за 1930 г. размещено письмо писателя в редакцию. В этом письме Г.Исхаки обращается к редактору русского эмигрантского журнала «Дни»¹ и выступает против написанной господином А.Хондкарьяном статьи «На службе у Турции» [27]. Полемика возникла из-за опубликованной в 1925 г. на страницах «Тюрк йурду» (*Türk Yurdu*) статьи Г.Исхаки на турецком языке «Возможно ли создать общий тюркский язык для всех тюрков?». Как видно из содержания письма, Г.Исхаки удивлен столь позднему отклику на его статью и считает, что она уже потеряла политическую актуальность. Общественный деятель четко отстаивает свою позицию: «... все мои рассуждения касаются исключительно тюркской культуры и единого тюркского языка, и в моих статьях ни единым словом не говорится об объединении тюркских стран с Турецким государством» [10, с.26]. Исхаки четко выражает свое отношение к господину А.Хондкарьяну, по пунктам опровергая домыслы автора относительно его деятельности. Оригиналы этих журналов хранятся в Государственной публичной исторической библиотеке.

В журнале «Северный Кавказ» за 1938 г. была опубликована выдержка из речи Г.Исхаки. Речь была произнесена после выступления Владимира Бончковского в прометеевском клубе. В ней писатель отстаивает свою четкую общественно-политическую позицию относительно объединения

¹ Журнал «Дни» под редакцией А.Ф. Керенского издавался в Париже с сентября 1928 г. по июнь 1933 г.

эмигрантов, создания организации Идель-Урал [21, с.26]. Стоит отметить, что подобные публикации представляют читателю Г.Исхаки как национального лидера.

Как известно, Г.Исхаки нередко публиковался под псевдонимами. Исследователь жизни и творчества писателя Лена Гайнанова сообщает, что Г.Исхаки большинство своих статей в издаваемом им журнале «Милли юл» («Национальный путь»), а позднее «Яңа милли юл» печатал под псевдонимом «Чура батыр» [13, с.384]. Для доказательства своих слов она обращает внимание на автобиографию писателя, которую он написал на турецком языке на арабской графике в нескольких вариантах. Как пишет Г.Исхаки в своей биографии, он является продолжателем рода человека, который дал тему для рассказа «Чура батыр» [13, с.384]. В содержании журнала «Горцы Кавказа» (№12 от 1930 г.) Чура Батыр разместил свою статью «Развал татарской коммунистической партии в Казани» [28]. Вероятно, что ее автором является Г.Исхаки. Данное утверждение требует более детального изучения. Однако приведенные в статье сведения позволяют говорить о ее авторе, как о личности с твердым характером, деятеле с широким кругозором, начитанном и осведомленном читателе. Вопрос авторства статьи усложняется и тем, что она, возможно, является переводной, и возникает вопрос о переводчице.

В 1931 г. в журнале «Горцы Кавказа» увидела свет статья «Об Идель-Урале» [9]. Как указано в ее конце, автором данной публикации является О. Идилли. О псевдонимах Г.Исхаки, связанных со словами Идель, Урал, осведомленный читатель уже знает. Здесь же о возможном авторстве Г.Исхаки сообщает тот факт, что широко известна брошюра писателя «Идель-Урал». Эта небольшая книга была не раз выпущена именно в тридцатые годы прошлого столетия. Вероятнее всего, данная статья в журнале является небольшой частью основательных размышлений в «Идель-Урале». Предположения требуют дальнейших исследований сопоставительным путем текстов. Кроме того, в статье общественный деятель упоминает столь любимую им книгу М.Худякова, обращается к обзору татарской газеты «Красный Татарстан», что тоже наталкивает на мысль об авторстве.

В заметке «Дальне-Восточные новости (письмо из Шанхая)» Идель-Ураллы сообщает об организаторе этого нападения такие сведения: «... известный в Токио “фашист” и русофил Курбангалиев, “отличившийся” организацией хулиганского нападения на идеолога идель-уральского освободительного движения г. Айяз-бей Исхаки» [8, с.18]. Псевдоним Идель-Ураллы также привлекает внимание. Известно, что Г.Исхаки печатался под псевдонимом Ураллы. Возможно, детальное сопоставление текстов статей писателя, изучение его дневников в будущем позволит раскрыть и этот псевдоним.

О том, как ценили и уважали соплеменники Г.Исхаки, говорят статьи, опубликованные в честь его юбилейных дат. В 1937 г. в журнале «Северный Кавказ» были размещены статьи Джафара Сеидахмеда Кырымлы

«Литература Казани и Гаяз Исхаки» (на турецком языке) и Магомета Вейси «Аяз Исхаки» (на русском языке). Статья С.Кырымлы нашла свое место в 15-м томе сочинений Г.Исхаки. Статья одного из продолжателей рода известных «ваисовцев» Мухамметгаяна Ваисова дает общий обзор о жизненном и творческом пути писателя как на родине, так и на чужбине. Отмечая заслуги юбиляра, автор публикации подытоживает: «Аяз Исхаки всю свою жизнь посвятил Идель-Уралу. В своих произведениях он пробуждал народ от сна неволи, зажигал сердца священным энтузиазмом патриотизма, пробуждал национальную совесть» [1, с.19]. К статье размещена фотография писателя.

Страницы хроники и событий журнала «Северный Кавказ» сообщают немало сведений относительно жизни и творчества Г.Исхаки в эмиграции. Особенно выделяется в этом направлении информация относительно издаваемого Г.Исхаки журнала «Милли юл» («Яңа милли юл»), газеты «Милли байрак» («Национальное знамя»). Не раз журнал пишет о вечерах, проведенных в честь писателя, о постановках спектаклей по его пьесам местными общинами татар, о его пребывании на Дальнем Востоке и возвращении в Европу. Кроме того, журнал содержит сведения и о других татарских эмигрантах (некрологи, издание интересных книг и т.д.). Напечатана заметка о нападении на татарского писателя. Все эти факты требуют более широкого рассмотрения в общей панораме развития эмигрантской жизни татар из Идель-Уральского региона, их месте и роли в движении эмигрантов.

Собранная по страницам периодических изданий информация говорит о том, что в области изучения эмигрантского периода жизни и деятельности Г.Исхаки еще многое предстоит сделать. Особого внимания на этом пути заслуживают статьи в изданиях зарубежной прессы, написанные под псевдонимами статьи и заметки. Псевдонимы О.Идилли, Чура Батыр, Идель-Ураллы, несомненно, указывают на возможную причастность Г.Исхаки или лиц его ближайшего окружения. Писатель был активным, ярким публицистом, который живо реагировал на происходящее вокруг. Харизму Г.Исхаки, манеру излагать свою речь, четко отстаивать собственную позицию подчеркивают его речи, ответы на письма-обвинения в его адрес. Нельзя не восхититься образованностью и дальновидностью общественного деятеля. Безусловна та значимая роль, которую он играл как среди эмигрантов тюркского мира, так и среди российских эмигрантов в целом. Было бы интересно взглянуть на непосредственное отношение писателя к происходящим событиям сквозь его тексты в дневниках. Публикация дневников позволила бы и более полно представить жизнь и деятельность Г.Исхаки.

К сожалению, нам не представилась возможность исследовать все номера журнала «Северный Кавказ». Надеемся, что это произойдет уже в ближайшем будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вейси М.* Аяз Исхаки // Северный Кавказ. 1937. №37. С.17–19.
2. *Гайнетдинов Р.Б.* Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы: исторический очерк. Набережные Челны: Камский изд. дом, 1997. 159 с.
3. *Гали Б.Т.* Щедрый талант: общественно-политическая деятельность и исторические взгляды Г. Исхаки. Казань: Унипресс, 2002. 95 с.
4. *Гали Б.* Давыл хэбәрчесе: Г. Исхакийның ижтимагый-сәяси эшчәнлеге һәм тарихи карашлары: монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 142 б.
5. *Галиева Л.Ш.* Сведения о Гаязе Исхаки на страницах журналов «Северный Кавказ» и «Вольное казачество» // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. О.В. Архиповой и А.И. Климина. СПб.: Изд-во «Фора-принт», 2019. С.81–85.
6. *Галиева Л.Ш.* Гаяз Исхакий кайбер чит ил басмаларында // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика. Материалы международного научно-практического семинара, посвященного 145-летию со дня рождения классика татарской литературы Гаяза Исхаки / сост. Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2023. С.95–98.
7. *Галямутдинов А.И.* Татарская эмигрантская пресса первой половины XX века: монография. Казань: Бриг, 2016. 143 с.
8. *Идел-Ураллы.* Дальне-Восточные новости (письмо из Шанхая) // Северный Кавказ. 1935. №17. С.17–19.
9. *Идилли О.* Об Идль-Урале // Горцы Кавказа. 1931. №26. С.16–20.
10. *Исхаки Г.* Письмо в редакцию // Горцы Кавказа. 1930. №12. С.24–27.
11. *Исхаки Г.* Дальний Восток // Горцы Кавказа. 1933. №37. С.8–12.
12. *Исхаков С.М.* Мухамед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя // Вопросы истории. 2004. №8; №9.
13. *Исхакий Г.* Әсәрләр. 15 томда. 1 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 398 б.
14. *Исхакий Г.* Әсәрләр. 15 томда. 2 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 464 б.
15. *Кәримуллин Ә.* Безнең кардәшлек: мәкаләләр / Ә.Кәримуллин; төз. Р.Корбан. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 334 б.
16. *Мансуров И.С.* Татарская литература зарубежья и творчество Гаяза Исхаки периода эмиграции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2005. 28 с.
17. *Миңнегулов Х.* Гаяз Исхакийның мөһажирлектәге ижаты. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 367 б.
18. *Мөхәмәтшин З.* Гаяз Исхакий: шәхес, әдип, милли рәһбәр // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жьентык. Казан: Жыен, 2011. 964 б.
19. *Мусин Ф.* Гаяз Исхакий: (тормышы һәм эшчәнлеге). Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 191 б.
20. *М.Ч.* Конгресс тюрко-татар Идел-Урала на Дальнем Востоке // Северный Кавказ. 1935. №9. С.28.
21. О духе новых времен // Северный Кавказ. 1938. №47–48. С.23–29.
22. *Рубанова А.Н.* Журналы «Горцы Кавказа» и «Северный Кавказ» как источник по истории горской эмиграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. №1 (113). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnaly-gortsy-kavkaza-i-severnuy-kavkaz-kak-istochnik-po-istorii-gorskoj-emigratsii> (дата обращения: 20.02.2024).

23. Саханов М.Ж. Творчество Гаяза Исхаки в период скитаний (1919–1954) = Гаяз Исхакийның мөһажирлек чорындагы ижаты (1919–1954) = Gayaz Iskhaki the creative work at the period of warderings (1919–1954). Казань: Магариф, 2008. 294 с.

24. Саханов М.Ж. Бердәм агым. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 399 б.

25. Сибгатуллина Ә.Т. Гаяз Исхакий библиографиясенә яңа материаллар // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика. Материалы международного научно-практического семинара, посвященного 145-летию со дня рождения классика татарской литературы Гаяза Исхаки / сост. Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2023. С.143–148.

26. Х.Л. Общее собрание тюрко-татар в г. Хайларе // Северный Кавказ. 1935. №11, 12. С.36–37.

27. Хондкарян А. На службе у Турции // Дни. 1929. №59. С.12–14.

28. Чура Батыр. Развал татарской коммунистической партии в Казани // Горцы Кавказа. 1930. №12. С.16–20.

Информация об авторе:

Галиева Ляйсан Шаукатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-1176-0322; e-mail: nisanbedri@mail.ru

Поступила 04.03.2024

Принята к публикации 30.04.2024

About the publications of Gayaz Iskhaki in the magazine "North Caucasus"

L.Sh. Galieva

*G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the publications of the outstanding Tatar writer and social and political figure Gayaz Iskhaki, as well as publications regarding his activities and creativity, which were published on the pages of the emigrant magazine "North Caucasus". The predecessor of this edition is considered to be the magazine "The Mountaineers of Caucasus", some issues of which also contain publications of the national leader and interesting information about him. The presented facts allow us to complement the picture of G. Iskhaki's life and work abroad.

Keywords: Gayaz Iskhaki, magazine "North Caucasus", magazine "The Mountaineers of Caucasus", emigrant press, Idel-Ural

For citation: Galieva L.Sh. About the publications of Gayaz Iskhaki in the magazine "North Caucasus". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.114–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.114-122> (In Russian)

REFERENCES

1. Veysi M. Ayaz Iskhaki. *North Caucasus*. 1937, no.37, pp.17–19. (In Russian)
2. Gainetdinov R.B. *Turkic-Tatar political emigration: the beginning of the the 20th century – the 30s: a historical outline*. Naberezhnye Chelny: Kama Publ., 1997. 159 p. (In Russian)
3. Gali B.T. *Generous talent: socio-political activities and historical views of G. Iskhaki*. Kazan: Unipress Publ., 2002. 95 p. (In Russian)
4. Gali B.T. *Messenger of the Storm: socio-political activities and historical views of G. Iskhaki: a monograph*. Kazan: Tatar Book Publ., 2018. 142 p. (In Tatar)
5. Galieva L.Sh. Information about Gayaz Iskhaki on the pages of the magazines "North Caucasus" and "Free Cossacks". *Current issues in the humanities and social sciences. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Ed. by O.V. Arkhipova, A.I. Klimina. St. Petersburg: Fora-print Publ., 2019. Pp.81–85. (In Russian)
6. Galieva L.Sh. Gayaz Iskhaki on the pages of some foreign editions. *Tatar studies in a situation of paradigm shift: theory, methodology, practice. Materials of the international scientific and practical seminar dedicated to the 145th anniversary of the birth of the classic of Tatar literature Gayaz Iskhaki*. Compiled by L.R. Nadyrshina. Kazan: Institute of Language, Literature and Arts, 2023, pp.95–98. (In Tatar)
7. Galyamutdinov A.I. *Tatar emigrant press of the first half of the 20th century: monograph*. Kazan: Brig Publ., 2016. 143 p. (In Russian)
8. Idel-Uraly. Far Eastern news (letter from Shanghai). *North Caucasus*. 1935, no.17, pp.17–19. (In Russian)
9. Idilli O. About Idel-Ural. *Highlanders of the Caucasus*. 1931, no.26, pp.16–20. (In Russian)
10. Iskhaki G. Letter to the editor. *Highlanders of the Caucasus*. 1930, no.12, pp.24–27. (In Russian)
11. Iskhaki G. Far East. *Highlanders of the Caucasus*. 1933, no.37, pp.8–12. (In Russian)
12. Iskhakov S.M. Muhamed-Gayaz Iskhaki: from the political biography of the writer. *Questions of history*. 2004, no.8–9. (In Russian)
13. Iskhaki G. *Works*. In 15 volumes. Vol.1. Kazan: Tatar Book Publ., 1998. 398 p. (In Tatar)
14. Iskhaki G. *Works*. In 15 volumes. Vol.2. Kazan: Tatar Book Publ., 1999. 464 p. (In Tatar)
15. Karimullin A. *Our brotherhood: collection of articles*. Compiled by R. Korban. Kazan: Tatar Book Publ., 2005. 334 p. (In Tatar)
16. Mansurov I.S. *Tatar literature abroad and the work of Gayaz Iskhaki during the period of emigration*. Abstract of the dissertation for Cand. Sci. (philology). Kazan, 2005. 28 p. (In Russian)

17. Minnegulov Kh. *The work of Gayaz Iskhaki in exile*. Kazan: Tatar Book Publ., 2004. 367 p. (In Tatar)
18. Muhammetshin Z. Gayaz Iskhaki: personality, character, national leader. *Gayaz Iskhaki: historical-documentary collection*. Kazan: Zhiyen Publ., 2011. 964 p. (In Tatar)
19. Musin F. *Hayaz Ishaky: (life and activities)*. Kazan: Tatar Book Publ., 1998. 191 p. (In Tatar)
20. M.Ch. Congress of the Turkic-Tatars of Volga-Urals in the Far East. *North Caucasus*. 1935, no.9, p.28. (In Russian)
21. About the spirit of new times. *North Caucasus*. 1938, no.47–48, pp.23–29. (In Russian)
22. Rubanova A.N. Mountaineers of the Caucasus and North Caucasus journals as a source on history of mountain emigration. *Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2013, no.1 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnaly-gortsy-kavkaza-i-severnny-kavkaz-kak-istochnik-po-istorii-gorskoy-emigratsii> (accessed: 20.02.2024). (In Russian)
23. Sakhapov M.Zh. Gayaz Iskhaki the creative work during the period of wanderings (1919–1954). Kazan: Magarif Publ., 2008. 294 p. (In Russian)
24. Sakhapov M.Zh. *Single flow*. Kazan: Tatar Book Publ., 2006. 399 p. (In Tatar)
25. Sibgatullina A.T. New materials for the bibliography of Gayaz Iskhaki. *Tatar studies in a situation of paradigm shift: theory, methodology, practice. Materials of the international scientific and practical seminar dedicated to the 145th anniversary of the birth of the classic of Tatar literature Gayaz Iskhaki*. Compiled by L.R. Nadyrshina. Kazan: Institute of Language, Literature and Arts, 2023, pp.143–148. (In Tatar)
26. Kh.L. Turko-Tatar General Assembly in Khailar. *Northern Caucasus*. 1935, no.11, 12, pp.36–37. (In Russian)
27. Khondkaryan A. On the service of Turkey. *Days*. 1929, no.59, pp.12–14. (In Russian)
28. Chura Batyr. The collapse of the Tatar Communist Party in Kazan. *Highlanders of the Caucasus*. 1930, no.12, pp.16–20. (In Russian)

About the author:

Galieva Laysan Shaukatovna – Cand. Sci. (philology), Senior Researcher of the Department of literary criticism, Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-1176-0322; e-mail: nisanbedri@mail.ru

Received March 4 2024

Accepted for publication April 30, 2024

УДК 94(47).08+94(560)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.123-136>

The evolution of the Turkey image in 1964–1982 on the pages of the newspaper "Pravda"

M.R. Gaynanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article attempts to trace the evolution of the Turkey image in the Soviet press of 1964–1982 on the materials of the newspaper "Pravda". This edition was the main press organ of the country and expressed the official point of view of the Communist Party of the Soviet Union. Chronologically, the work covers the period from 1964 to 1982, that is, the period of the reign of L.I. Brezhnev in the USSR. The purpose of the work is to conduct a quantitative analysis of newspaper texts containing information about Turkey. The empirical basis of the research is the newspaper itself and its content. In the process of preparing the article, methods of scientific research were used, such as analysis, comparison, systematization and classification, methods of quantitative and qualitative content analysis of the newspaper "Pravda". The work examined the development of relations between the USSR and the Turkish Republic. Analysis of the material made it possible to trace the image of Turkey on the pages of the newspaper and to identify what information was conveyed to the Soviet reader.

Keywords: Turkey, Soviet Union, Soviet-Turkish relations, "Pravda", Soviet state press

For citation: Gaynanova M.R. The evolution of the Turkey image in 1964–1982 on the pages of the newspaper "Pravda". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp. 123–136. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.123-136>

Introduction. Relations between Russia and Turkey have a long history, which was controversial: periods of numerous Russian-Turkish wars, ideological and foreign policy disagreements were replaced by rapprochement of states and the intensification of interstate trade, economic, political and cultural ties. Today, the entire world community is also watching Russian-Turkish relations with interest.

In the 20th century, after the end of the World War II, political relations between the Soviet Union and Turkey deteriorated and only in the 1960s, thanks to the activation of humanitarian ties, Soviet-Turkish relations began to improve. The military coup in Turkey on May 27, 1960 and the coming to power of Cemal Gürsel allowed the Soviet leadership to officially recognize the new Turkish government and express hopes for the establishment of "good-neighborly relations between Turkey and the Soviet Union based on mutual re-

spect, which could develop in conditions of international peace and security" [20, p.30].

In May 1963, a protocol was signed to increase trade turnover between the two countries, and this already indicated the return of relations to normal [12, p.631].

In 1964, on the way to the United Arab Republic, First Secretary of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR N.S. Khrushchev sent a telegram to Turkish President Ismet İnönü: "To His Excellency Mr. Ismet İnönü, Prime Minister of the Republic of Turkey. Following through the Straits on my way to the United Arab Republic on a State visit, I convey to you, Mr. Prime Minister, and to the entire Turkish people my best wishes for well-being and prosperity. Board of the motor ship "Armenia". Nikita Khrushchev, Chairman of the Council of Ministers of the USSR. May 7, 1964" [33]. And Khrushchev receives a reply greeting telegram with words of gratitude from Ismet İnönü.

In October 1964, L.I. Brezhnev was elected First Secretary of the CPSU Central Committee and Chairman of the Bureau of the CPSU Central Committee for the RSFSR. For foreign policy during the years of Brezhnev's rule, the detente between East and West was characteristic [9]. After much friction in the 60s, the first signs of a possible Soviet-Turkish rapprochement finally appeared [12, p.631].

Thus, the improvement of Soviet-Turkish relations and the image of Turkey in the Soviet Union (Russia) was served by humanitarian ties, which intensified in the 1960s. The exchange of visits of political figures and official delegations, scientists, artists and sports began, which was accompanied by friendly responses from the Soviet press.

The author considered the materials of the Soviet newspaper with the largest circulation at that time: "Pravda" as the source base of the study. It seems important to the author to briefly describe these publications.

The newspaper "Pravda" was founded by V.I. Lenin in 1912 and was published daily until 1991. The publication was considered the main print media of the Soviet Union. The materials of "Pravda" reflect the economic and cultural life of all Soviet republics, achievements of science, issues of public education and health, literature and art, nature conservation, physical education and sports. Each issue contains detailed information about international events [25].

In this paper, an attempt is made to trace the evolution of the Turkey image in Soviet propaganda – in the newspaper "Pravda" for 1964 to 1982. The materials of "Pravda" most often attracted the attention of both domestic and foreign historians.

The purpose of the work is to conduct a quantitative analysis of the texts of newspapers containing information about Turkey for the interpretation of the revealed data.

The most popular topics of publications were the state relations of the Soviet Union with Turkey, the problems of foreign policy and the international situation of Turkey.

The beginning of a new relationship. Since 1964, activities aimed at bringing the two countries closer have begun. There has been a warming in relations between the Soviet Union and Turkey and this has had a positive impact on trade and economic cooperation. So in 1964, Turkish Foreign Minister F.C. Erkin visited Moscow. This was the first official visit of the Turkish delegation at the beginning of Brezhnev's reign. The newspaper "Pravda" from October 27 to November 7, 1964 covered this visit of the Turkish delegation [26].

The press carefully spoke about the negotiations, using expressions such as "a friendly conversation took place on issues of mutual interest to both countries". On the pages of "Pravda", an opinion was published about the trip of Feridun Cemal Erkin on the day of departure from the USSR:

"We had detailed, useful conversations with the Minister of Foreign Affairs of the USSR Gromyko. An agreement on cultural and scientific ties between Turkey and the Soviet Union has been signed, which opens up new horizons in relations between our countries. Useful negotiations on economic issues took place. All this, of course, will contribute to the expansion of Turkish-Soviet contacts" [27].

This was the first important event of the beginning of Soviet-Turkish economic cooperation in the 60s of the 20th century.

During this visit, the Cyprus conflict was discussed, as well as the development of Soviet-Turkish economic relations and an agreement on cultural cooperation and exchange was signed. Already in December 1964, an article with the subtitle "Art brings neighbors closer" appeared in "Pravda", which talked about the tours of Soviet artists (pianist, theater artist) in Istanbul and Ankara. The editorial further quoted the words of the Turkish Minister of Information and Tourism Ali Ihsan Gunesh: "Cultural relations between our countries are of great importance for the Turkish and Soviet peoples to know each other. We fully share the point of view of those who believe that art brings neighbors closer together" [18].

It was not mentioned in the Soviet press that the only agreement that was signed during the visit of F. Erkin to the Soviet Union was the Soviet-Turkish agreement on cultural ties.

According to the Turkish researcher J. Kaygusuz, from 1960 to 1969, very important and fundamental changes were observed in Soviet-Turkish relations. These positive changes were based on two main reasons:

- the complexity of the situation in which the Turkish economy was (difficulties in finding new financial resources on the world market, depreciation of the national currency, lack of competitive heavy industry, etc.);

- disagreements between Turkey and the Western world, especially with the United States, which appeared over the Cyprus conflict in 1960 [20, p.30].

In modern Russian studies on the policy of the United States and Central Treaty Organization, which included Turkey, it is believed that the American strategy in the Middle East proceeded from the fact that in the event of a hypothetical outbreak of hostilities, ground forces from among the Turkish and Iranian armies may be needed only for a short period of time to contain the first onslaught of the enemy, until nuclear weapons are used. This provision was disputed by England, who believed that in the case of actual military operations, the use of conventional forces could be longer. But both the American and British leaders planned to defend the region not in the areas bordering the Soviet Union – on the line of the Elburs ridges covering the southern coast of the Caspian Sea, but along the Zargos mountain ranges in southwestern Iran and on the Erzurum line – Lake Van in Turkey. These plans did not suit Turkey and Iran, because in the event of the outbreak of hostilities, they would have to consciously cede a significant part of their territory. The American and British governments had a low opinion of the combat capability of the Turkish and, especially, the Iranian armies. Washington and London did not discuss with the Muslim participants of the Baghdad Pact their own plans for waging war with the Soviet Union [45, p.166].

Turkey was presented to the Soviet reader mainly through the prism of news. Political analysis played an important role in this issue. In the Soviet press, Turkey was shown as a victim of American politics. For example, journalist I. Belyaev covered the situation with Central Treaty Organization, where he analyzed the situation of Turkey, considering it completely subordinate to the United States and England and isolated in international affairs:

"Turkey, Iran and Pakistan have begun to come out of the isolation imposed on them, have demonstrated their independence, and at the same time the desire to solve some of their problems themselves.

It is no less symptomatic that almost simultaneously both Turkey and Pakistan showed a desire to establish cooperation with neighboring countries.

The Minister of Foreign Affairs of Turkey F. Erkin has just visited Moscow. His arrival in the USSR puzzled many. Of course! Turkey has taken a real step towards improving Turkish-Soviet relations. Their former state has always been speculatively used by the West for its own selfish purposes. [...]

The Soviet Union has always wanted to see its relations with Turkey as neighborly in the broadest sense of the word. Therefore, F.Erkin met a benevolent reception in Moscow..." [1].

Topics on the economic and international situation of Turkey and U.S. foreign policy in Turkey came to the fore.

The correspondent of "Pravda" in Turkey N. Bragin often published his views and reviews on the pages of the newspaper. In the article "Changes dictated by life" he tried to assess the economic and political relations between Turkey and the USSR, Turkey and the USA. Bragin said that the Turkish nation is kept isolated from its neighbors and thus affects its pride.

"For many years, – my friend told me, we have been seeing the same picture. More and more Soviet ships are following the Bosphorus, heading for the United Arab Republic, Syria, Greece, Italy and other Mediterranean countries. Why do these ships so rarely come to our port? Do we have nothing to buy in Russia, or are our lemons, tobacco, oranges and cattle worse than in other countries?"

That was a year and a half ago. And here I am again in Istanbul. ...Soviet tankers supplying kerosene enter Turkish ports. The Black Sea and the Bosphorus become the Soviet-Turkish highway. A direct railway community through the Caucasus has also been opened" [3].

Bragin noted that the five-year plan for Turkey's economic development adopted by the Government of İnönü dictated the need for a far-sighted approach to the problem of the country's foreign trade relations, since restrictions on ties with the Soviet Union became a brake on strengthening Turkey's economic independence [3].

During 1964–1982, the subject of the "Turkish" materials of the newspaper "Pravda" demonstrated thematic blocks devoted to the Soviet-Turkish agreements on political and economic issues, and Turkey's domestic policy, interest in the news of culture and sports of neighbors is less overlooked.

On January 4–13, a delegation of the Supreme Soviet of the USSR paid an official visit to Ankara at the invitation of the Grand National Assembly of the Republic of Turkey [11; 13; 14; 15; 16; 17; 22; 23; 46; 49]. During the trip, the statesmen visited the cities of Istanbul, Ankara, Izmir. The Soviet press wrote about the prospects of this meeting.

In Soviet propaganda, the meeting of the Minister of Foreign Affairs of the Soviet Union A.A. Gromyko with the Turkish government in Ankara on May 17–22, 1965, was considered successful in the work of bringing the two states closer. E. Primakov in "Pravda" stressed that neither time nor any subjective moments could cross out the bright pages of friendship that arose between the two countries during the times of V.I. Lenin and K. Atatürk. The Soviet public noted that the cooling off period turned out to be temporary, clouding relations between the USSR and Turkey. Primakov touched upon the Cyprus issue, saying that the Soviet Union stands for a peaceful solution to this issue on the basis of unconditional respect for the independence, sovereignty and territorial integrity of the Republic of Cyprus; respect for the legitimate rights of both national communities – Greeks and Turks [44].

The Soviet press actively promoted fruitful developments in the economic and cultural fields of cooperation between Turkey and the USSR [4; 34; 35; 36; 37]. Although Gromyko's visit to Turkey did not lead to anything concrete, it created opportunities for high-level contacts and a new stage of dialogue, which was continued by Urguplu's visit to Moscow in August 1965 [19, p.122].

The official arrival of the Prime Minister of the Republic of Turkey, Suat Hayri Ürgüplü, was considered a turning point in the development of Soviet-Turkish relations. "Welcome, dear Turkish guests!" [38], "May friendly rela-

tions between the USSR and Turkey grow stronger!" [39], "Develop good-neighborly relations between the USSR and Turkey" [40], etc. articles in "Pravda" were full of such titles.

The Soviet government sought to establish relations with Turkey. During the visit, S.H. Ürgüplü met with Chairman of the Council of Ministers of the USSR A.N. Kosygin, First Secretary of the CPSU Central Committee L.I. Brezhnev, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR A.I. Mikoyan. During the negotiations, much attention was paid to the economic relations between the two countries, which was reflected in the communique:

"As for the Soviet-Turkish relations, both sides noted with satisfaction that, adhering to the principles of independence, territorial integrity, equality, mutual respect, they sincerely wish to develop good-neighborly relations among themselves. [...]

The parties reached an agreement that in order to maintain a constant high level of commodity exchange between the countries, the Turkish side will purchase machinery and equipment from the Soviet Union for the construction of individual industrial facilities, and the Soviet side will buy more goods of its national production from Turkey" [47].

"Pravda" regarded S.H. Ürgüplü's visit as an important step towards expanding and strengthening Soviet-Turkish relations and pointed out that there are no problems between the USSR and Turkey. The very fact of the Turkish Prime Minister's visit to the Soviet Union was of great political importance.

The cardinal acceleration of the development of Soviet-Turkish relations began after this official visit. During the meeting, a memorandum of cooperation on trade issues between the USSR and Turkey was signed.

Soviet propaganda actively observed the internal changes in Turkey. The parliamentary elections in 1965, the victory of the Justice Party and its program were covered on the pages of "Pravda" [41]. These changes could influence Turkey's foreign policy, and the Soviet government followed the news in Turkey. In Soviet propaganda, the head of the party, S. Demirel, who was educated in the United States, was perceived as a symbol of pro-Western capitalism. The Soviet press believed that in such an environment, the ruling circles of Turkey and the public opposed the improvement of relations between the two countries [24, p.39–40].

In 1967, S. Demirel and the Turkish official delegation visited the Soviet Union, where a protocol on the redemarkation of the Soviet-Turkish border, agreements on the construction of industrial enterprises in Turkey with Soviet assistance, and on the establishment of direct air communication were signed. Soviet propaganda about S. Demirel's visit said that there were no issues in relations between the two countries that would lead to a clash of their interests and about favorable opportunities for the development of relations between them.

An important event in the history of Soviet-Turkish relations was the arrival of Turkish President Cevdet Sunay. This was the first visit of the President of the Republic of Turkey to the Soviet Union in 1969. "Pravda" printed information on the first pages about the arrival of the Turkish president, about his trip around the country and meetings. Unfortunately, there were no photos from the meeting of high-ranking officials in the press.

"On November 12, Moscow warmly welcomed the President of the Republic of Turkey, Cevdet Sunay, who arrived in our country on an official visit at the invitation of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and the Soviet Government. [...]

The streets of the city, along which the Turkish guests followed, were decorated with banners: "Long live the friendship of the USSR and Turkey!", "May the good-neighborly relations between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of Turkey grow stronger and develop!", "Welcome, dear President of the Republic of Turkey Cevdet Sunay!" [8].

C. Sunay held talks with General Secretary of the CPSU Central Committee L.I. Brezhnev, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR N.V. Podgorny and Chairman of the Council of Ministers of the USSR A.N. Kosygin. He visited such major cities as Moscow, Leningrad (now St. Petersburg), Kiev, Tbilisi, Baku, where he was introduced to the achievements in economics and culture [5; 6; 10; 42; 43; 50].

The Soviet public followed with interest the visit of C. Sunay also attached great importance to the relations between the countries:

"On November 20, a conversation took place between General Secretary of the CPSU Central Committee L.I. Brezhnev and President of the Republic of Turkey Cevdet Sunay.

During the conversation, which took place in a friendly atmosphere, the issues of Soviet-Turkish relations were touched upon, and there was also an exchange of views on some problems of the current international situation" [2].

During the meeting, the parties discussed economic issues, exchanged views on the Cyprus issue, they expressed hope that the final settlement based on the independence and territorial integrity of the Cypriot state will take into account the legitimate rights and interests of both communities. The participants of the meeting also touched upon a number of other foreign policy issues, namely the Middle East. The Soviet Government declared that it firmly and consistently supports the Arab peoples in their struggle for strengthening their national independence, for social progress, and for eliminating the consequences of Israeli aggression [7; 48].

Soviet and modern researchers believed that the visit of President C. Sunay visiting the USSR, his meetings with Leonid Brezhnev and other Soviet leaders put the final point in the process of normalization of relations between the two countries.

Modern Turkish researchers believe that this was a formal visit and Turkey was committed only to considering a long-term trade agreement [19, p.116].

J. Kaygusuz in his work noted an increase in the volume of trade between the two countries in the period from 1967 to 1974 by 2.5 times, which amounted to 129.1 million rubles and that this cooperation between Turkey and the USSR greatly hindered Ankara's Western partners, and since 1970 aggressive political actions on the part of the West began to prevent this rapprochement and these political steps had partial success in the 1970s and 80s [20, p.32, 34].

In the 1970s, working visits were held between Turkey and the Soviet Union, in which the parties continued the course of achieving good neighborliness between the countries. During the aggravation of the Cyprus crisis, this situation was discussed at a meeting of ministers of both countries in New York, and A.A. Gromyko informed The Minister of Foreign Affairs of Turkey T. Gunesh about the position of the Soviet government on this issue and stressed the importance of the Soviet proposal to convene an international conference within the framework of the United Nations on the peaceful settlement of the Cyprus problem [32].

In April 1976, the Soviet delegation of the Parliament was in the Republic of Turkey. This was the third working visit to Ankara. The delegation toured the country and had meetings with Prime Minister S. Demirel. During the talks and meetings, it was emphasized that the expansion of interstate cooperation is dictated by the mutual interests of the two countries, as well as the process of international detente taking place in the world. "Pravda" wrote about the success of such official visits in strengthening good neighborliness and friendship between Turkey and the USSR [28].

The Soviet press noted the importance of the visit of the Turkish delegation to the USSR headed by B. Ecevit in June 1978 in the development of bilateral relations, namely the signing of a political document on the principles of friendly cooperation between the Soviet Union and the Republic of Turkey. The main objectives of this document corresponded to the Final Act of the Conference for Security and Cooperation in Europe. The parties committed themselves to observe the principles of non-use of force in mutual relations. Kosygin at a dinner in honor of Minister B. Ecevit noted that political relations are becoming more stable with the expansion of practical, business ties and contacts. They also have a stimulating effect on the course of economic and other cooperation between states [30].

The Soviet-Turkish negotiations received a wide response in the Soviet press. The results of these meetings were considered successful and fruitful, which opened up prospects for strengthening trust and developing mutually beneficial relations.

In 1972, the USSR provided Turkey with a new loan in the amount of \$288 million to modernize the steel mill in Iskanderun and bring its capacity to 2 million tons of steel per year. In 1975, Chairman of the USSR State Committee for Foreign Trade Semyon Skachkov visited Turkey, and as a result of this visit, an agreement was signed on the establishment of the Turkish-Soviet Bilateral Committee for Economic Cooperation. In 1977, Moscow allocated another

loan in the amount of \$1.3 billion for 10 years, and the first tranches were completed a year later. In November 1976, a ten-year agreement on cooperation in the energy sector was prepared, according to which the Soviet side sold machinery and equipment worth \$3.8 billion to Turkey. On June 5, 1979, a corresponding protocol was signed [21, p.44–45].

Economic cooperation between Turkey and the USSR greatly hindered Ankara's Western partners, and since 1970 aggressive political actions on the part of the West began to prevent this rapprochement, and these political steps were partially successful in the 1970s and 1980s [20, p.34]

In 1979, Soviet-Turkish relations became strained due to the events in Afghanistan. Although Turkey has adopted a neutral position towards the Afghan war and pursued a cautious policy [51, p.375]. In the 1980s, Soviet-Turkish relations continued to be influenced by global and regional events. Despite the tensions caused by events in Afghanistan and other regions, relations between the Soviet Union and Turkey remained diplomatically stable.

During the period under review, scientific and cultural ties developed between Turkey and the USSR. During B. Ecevit's visit to the Soviet Union, documents on cultural and scientific exchange for 1978–1980 were signed. This cooperation program has expanded opportunities for the development of scientific, sports, tourist ties, as well as tours of theater and cinema artists. "Pravda" wrote that all this is evidence of the expansion of Soviet-Turkish cooperation, filling it with new content, establishing mutual trust [31].

Soviet propaganda wrote about the development of relations in a positive direction even after the army leaders came to power in Turkey in the 1980s. At the end of September 1980, an exchange of views took place between A.A. Gromyko and the Minister of Foreign Affairs of the new Government of Turkey I. Turkmen. During this exchange, the stable state of Soviet-Turkish relations was stated and "the intention of both sides to further develop them in political, economic, trade and other fields on the basis of good neighborliness, principles of equality and mutual benefit" was expressed [29].

Conclusion. Having analyzed the articles from 1964 to the 1980s in the newspaper "Pravda", it should be noted that the most popular topics of publications were the relationship between Turkey and the Soviet Union, the problems of foreign policy and the international situation of Turkey, and the domestic policy of Turkey was also covered. The least number of publications were on the materials of culture, science and sports.

An important stage in Soviet-Turkish relations has been considered since 1964, when L. Brezhnev came to Soviet power and set a course to improve friendly relations with neighbors. Soviet-Turkish political relations reached a new level after Brezhnev became the head of the USSR. Active coverage of the image of the Turkish Republic takes place after these events. The materials on successful good-neighborly relations between Turkey and the Soviet Union

come to the fore. Official visits of both countries since 1965 have contributed more to the improvement of bilateral relations.

During 1964–1982 in the materials of the newspaper "Pravda" there was a formation of a positive image of Turkey, considering it subordinate to the United States and isolated in international affairs, and the Soviet press sympathized with it. Publications related to Turkey were devoid of negative connotation.

REFERENCES

1. Belyaev I. Barren politics. *Pravda*. 1964, November 15. (In Russian)
2. Conversation of L.I. Brezhnev with D. Sunay. *Pravda*. 1969, November 21. (In Russian)
3. Bragin N. Changes dictated by life. *Pravda*. 1965, January 4. (In Russian)
4. Bragin N. This is dictated by life. *Pravda*. 1965, May 26. (In Russian)
5. In a friendly environment. *Pravda*. 1969, November 14. (In Russian)
6. In a friendly environment. *Pravda*. 1969, November 15. (In Russian)
7. In a friendly environment. *Pravda*. 1969, November 21. (In Russian)
8. In the interests of good neighborliness and peace. Arrival of the President of the Turkish Republic Cevdet Sunay in Moscow. *Pravda*. 1969, November 13. (In Russian)
9. Foreign policy under Brezhnev. *WWW.ISTMIRA.COM*. URL: <https://www.istmira.com/drugoe-istoriya-rossii/16581-vneshnjaja-politika-pri-brezhneve-kratko.html> (accessed: 10.04.2024). (In Russian)
10. Return of the President of Turkey to Moscow. *Pravda*. 1969, November 20. (In Russian)
11. Meeting in the capital of Turkey. *Pravda*. 1965, January 13. (In Russian)
12. *Gasany J.* USSR – Turkey: from neutrality to the Cold War (1939–1953). Moscow: Propaganda Center Publ., 2008. 663 p. (In Russian)
13. Delegation of the Supreme Soviet of the USSR in Turkey. *Pravda*. 1965, January 6. (In Russian)
14. Friendly meetings. *Pravda*. 1965, January 11. (In Russian)
15. For good neighborly relations. *Pravda*. 1965, January 9. (In Russian)
16. The acquaintance continues. *Pravda*. 1965, January 10. (In Russian)
17. From a trip to Turkey. *Pravda*. 1965, January 14. (In Russian)
18. Art brings neighbors closer together. *Pravda*. 1964, December 6. (In Russian)
19. Yeshilbursa B.K. From The Cold War to detente: Turco-Soviet relations according to British documents of the 1960s. *Modern scientific thought*. 2019, no.1, pp.108–122. (In Russian)
20. Kaygusuz J. Features of Soviet-Turkish economic relations in the 1960s. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. 2016, no.3, pp.29–35. (In Russian)
21. Kalugin P.E. Historical dynamics of Russian-Turkish relations in economics and energy. *News of Irkutsk State University. Series "History"*. 2015, vol.12, pp.40–54. (In Russian)
22. Departure of the delegation of the Supreme Soviet of the USSR to Turkey. *Pravda*. 1965, January 5. (In Russian)
23. The trip is over. *Pravda*. 1965, January 14. (In Russian)

24. Potskhveriya B.M. *Turkey's foreign policy after the World War II*. Moscow: Science Publ., 1976. 312 p. (In Russian)
25. Pravda. *Вологодская областная универсальная библиотека*. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/092/177.htm> (accessed: 10.04.2024). (In Russian)
26. *Pravda*. 1964, November 1. (In Russian)
27. *Pravda*. 1964, November 7. (In Russian)
28. *Pravda*. 1976, April 14. (In Russian)
29. *Pravda*. 1980, September 20. (In Russian)
30. *Pravda*. 1978, June 22. (In Russian)
31. *Pravda*. 1978, June 26. (In Russian)
32. *Pravda*. 1974, November 27. (In Russian)
33. *Pravda*. 1964, May 8. (In Russian)
34. *Pravda*. 1965, May 18. (In Russian)
35. *Pravda*. 1965, May 20. (In Russian)
36. *Pravda*. 1965, May 22. (In Russian)
37. *Pravda*. 1965, May 23. (In Russian)
38. *Pravda*. 1965, August 10. (In Russian)
39. *Pravda*. 1965, August 11. (In Russian)
40. *Pravda*. 1965, August 12. (In Russian)
41. *Pravda*. 1965, February 21. (In Russian)
42. President of Turkey in the capital of Ukraine. *Pravda*. 1969, November 16. (In Russian)
43. President of Turkey in the capital of Ukraine. *Pravda*. 1969, November 17. (In Russian)
44. Primakov E. The goal is good neighborliness. *Pravda*. 1965, May 24. (In Russian)
45. Rumyantsev V.P. U.S. policy in connection with the transformation of the Baghdad Pact and the formation of the CENTO (1958–1960). *Bulletin of Tomsk State University*. 2009, no.323, pp.163–169. (In Russian)
46. Soviet parliamentarians flew to Izmir. *Pravda*. 1965, January 8. (In Russian)
47. Joint Soviet-Turkish communique. *Pravda*. 1965, August 17. (In Russian)
48. Joint Soviet-Turkish communique. *Pravda*. 1969, November 22. (In Russian)
49. Let neighbors live in friendship. *Pravda*. 1965, January 7. (In Russian)
50. Warm meetings. *Pravda*. 1969, November 19. (In Russian)
51. Özdemir A., Aksu F. The Soviet Union's intervention in Afghanistan: transnational solidarity and war volunteering in Turkey. *Ortadoğu Etütleri*. 2021. Cilt 13. Sayı 3. S.363–394. (In Turkish)

About the author:

Gaynanova Milyausha Ramilevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Abdullin Department of History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3689-7425; e-mail: mgaynanova@gmail.com

Received April 30, 2024

Accepted for publication May 13, 2024

Эволюция образа Турции в 1964–1982 гг. на страницах газеты «Правда»

М.Р. Гайнанова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье предпринята попытка проследить эволюцию образа Турции в советской прессе 1964–1982 гг. на материалах газеты «Правда». Данное издание являлось главным печатным органом страны и выражало официальную точку зрения Коммунистической партии Советского Союза. Хронологически работа охватывает период с 1964 по 1982 г., то есть период правления Л.И. Брежнева в СССР. Цель работы – проведение количественного анализа текстов газет, содержащих информацию о Турции. Эмпирическую базу исследования составляет сама газета, ее содержание. В процессе подготовки статьи были использованы методы научных исследований, такие как анализ, сравнение, систематизация и классификация, методы количественного и качественного контент-анализа газеты «Правда». В работе было рассмотрено развитие взаимоотношений СССР с Турецкой Республикой. Анализ материала позволил проследить образ Турции на страницах газеты, выявить, какая информация доводилась до советского читателя.

Ключевые слова: Турция, Советский Союз, советско-турецкие отношения, газета «Правда», советская государственная пресса

Для цитирования: Gaynanova M.R. The evolution of the Turkey image in 1964–1982 on the pages of the newspaper “Pravda” // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.123–136. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.123-136>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев И.* Бесплодная политика // Правда. 1964. 15 ноября.
2. Беседа Л.И. Брежнева с Д.Сунаем // Правда. 1969. 21 ноября.
3. *Брагин Н.* Перемены, диктуемые жизнью // Правда. 1965. 4 января.
4. *Брагин Н.* Это продиктовано жизнью // Правда. 1965. 26 мая.
5. В дружественной обстановке // Правда. 1969. 14 ноября.
6. В дружественной обстановке // Правда. 1969. 15 ноября.
7. В дружественной обстановке // Правда. 1969. 21 ноября.
8. В интересах добрососедства и мира. Прибытие в Москву Президента Турецкой Республики Джемалета Суная // Правда. 1969. 13 ноября.
9. Внешняя политика при Брежневе // URL: <https://www.istmira.com/drugoe-istoriya-rossii/16581-vneshnjaja-politika-pri-brezhneve-kratko.html> (дата обращения: 10.04.2024).
10. Возвращение в Москву Президента Турции // Правда. 1969. 20 ноября.
11. Встреча в столице Турции // Правда. 1965. 13 января.
12. *Гасанлы Дж.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: «Центр Пропаганды», 2008. 663 с.

13. Делегация Верховного Совета СССР в Турции // Правда. 1965. 6 января.
14. Дружеские встречи // Правда. 1965. 11 января.
15. За добрососедские отношения // Правда. 1965. 9 января.
16. Знакомство продолжается // Правда. 1965. 10 января.
17. Из поездки в Турцию // Правда. 1965. 14 января.
18. Искусство сближает соседей // Правда. 1964. 6 декабря.
19. *Йешилбурса Б.К.* От холодной войны к разрядке: турецко-советские отношения по британским документам 1960-х гг. // Современная научная мысль. 2019. №1. С.108–122.
20. *Кайгусуз Дж.* Особенности советско-турецких экономических отношений в 1960-е годы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №3. С.29–35.
21. *Калугин П.Е.* Историческая динамика российско-турецких взаимоотношений в экономике и энергетике // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т.12. С.40–54.
22. Отъезд делегации Верховного Совета СССР в Турцию // Правда. 1965. 5 января.
23. Поездка завершена // Правда. 1965. 14 января.
24. *Поцхверия Б.М.* Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М.: Наука, 1976. 312 с.
25. Правда. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/092/177.htm> (дата обращения: 10.04.2024).
26. Правда. 1964. 1 ноября.
27. Правда. 1964. 7 ноября.
28. Правда. 1976. 14 апреля.
29. Правда. 1980. 20 сентября.
30. Правда. 1978. 22 июня.
31. Правда. 1978. 26 июня.
32. Правда. 1974. 27 ноября.
33. Правда. 1964. 8 мая.
34. Правда. 1965. 18 мая.
35. Правда. 1965. 20 мая.
36. Правда. 1965. 22 мая.
37. Правда. 1965. 23 мая.
38. Правда. 1965. 10 августа.
39. Правда. 1965. 11 августа.
40. Правда. 1965. 12 августа.
41. Правда. 1965. 21 февраля.
42. Президент Турции в столице Украины // Правда. 1969. 16 ноября.
43. Президент Турции в столице Украины // Правда. 1969. 17 ноября.
44. *Примаков Е.* Цель – добрососедство // Правда. 1965. 24 мая.
45. *Румянцев В.П.* Политика США в связи с трансформацией Багдадского пакта и образованием блока СЕНТО (1958–1960 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. №323. С.163–169.
46. Советские парламентарии вылетели в Измир // Правда. 1965. 8 января.
47. Совместное советско-турецкое коммюнике // Правда. 1965. 17 августа.

48. Совместное советско-турецкое коммюнике // Правда. 1969. 22 ноября.
49. Соседям жить в дружбе // Правда. 1965. 7 января.
50. Теплые встречи // Правда. 1969. 19 ноября.
51. Özdemir A., Aksu F., Sovyetler birliği'nin Afganistan müdahalesi: Türkiye'de uluslararası dayanışma ve savaş gönüllülüğü // Ortadoğu Etütleri. 2021. Cilt 13. Sayı 3. S.363–394.

Информация об авторе:

Гайнанова Миляуша Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3689-7425; e-mail: mgaynanova@gmail.com

Поступила 30.04.2023

Принята к публикации 13.05.2024

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 297.18

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.137-147>

Муса Бигиев о стилях рецитации Корана и проблемах мусульманской системы образования

А.Г. Хайрутдинов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В публикации представлен краткий обзор вступительной статьи Мусы Бигиева (1875–1949) к касыде средневекового знатока Корана из Андалусии имама Аш-Шатыби (1144–1194). Изложена критическая оценка Бигиевым методологии мусульманского образования, религиозной литературы и главные недостатки, присущие этим элементам мусульманской культуры. Вниманию читателя также предлагается перевод на русский язык фрагмента упомянутой статьи М. Бигиева.

Ключевые слова: Муса Бигиев, Муса Ростовдони, Аш-Шатыби, татарское корановедение, мусульманское образование в России

Для цитирования: Хайрутдинов А.Г. Муса Бигиев о стилях рецитации Корана и проблемах мусульманской системы образования // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.137–147. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.137-147>

В 1907 г. с целью издать ряд своих работ Муса Джаруллах приехал в Казань. В указанном году он опубликовал в Казани три работы, одной из которых является трактат «Китаб аш-Шатыбиййа» [1]. Эта книга представляет собой написанный одним из размеров классического арабского стихосложения (аруд) труд, автором которого является прославленный андалусский знаток Корана Абу Мухаммад (также Абу аль-Касим) аль-Касим ибн Фиррах ибн Халыф ибн Ахмад ар-Руъйани Аш-Шатыби (1144–1194).

Муса Бигиев посчитал, что комментированное издание этой работы имама Аш-Шатыби является чрезвычайно важным для распространения среди российских мусульман достоверных коранических наук и глубокого знания Корана. «Китаб аш-Шатыбиййа», с одной стороны, достойна вни-

мания как работа, посвященная кыраъатам¹ Корана, с другой стороны, она примечательна в качестве научного сочинения, изложенного в стихотворной форме, а именно в жанре касыды², что свидетельствует о высокой степени владения ее автора языком арабской поэзии. Данная особенность упомянутой работы, конечно, не только затрудняет для современного читателя понимание и использование этого произведения, и, возможно, даже выводит его за рамки доступности для тех, кто не владеет арабским языком в совершенстве, но и делает этот труд достаточно «крепким орешком» для тех знатоков арабского языка, которые в той или иной мере зная язык, все же, не имеют глубоких познаний в арабском стихосложении, в образной системе и иных аспектах этого искусства, а также, собственно, в корановедении. По этой причине в настоящей публикации внимание будет сфокусировано на вступительном слове к упомянутой книге, которому Муса Бигиев хоть и дал арабское название «Аль-ахруф аль-куръаниййа ва таърих аль-кыраъа», но тем не менее, написал его на татаро-османском языке [2].

Название вступительной статьи Бигиева на русский язык можно перевести как: «Диалектальные варианты (харфы³) Корана и история формирования традиции его рецитации (кыраъат)».

Объем упомянутой статьи составляет 1,5 п.л., и она занимает 17 страниц в начальной части тома «Китаб аш-Шатыбиййа». Привлекает внимание тот факт, что Бигиев подписал ее Муса Джаруллах Ростовдони⁴.

Бигиев разделил вступительную статью на следующие разделы: 1) вступительное слово; 2) «Семь харфов» (диалектально обусловленных

¹ Здесь и далее постраничные сноски сделаны автором статьи: *кыраъат* (от арабск. *караъа* – читать) – традиция или манера чтения Корана, восходящая к пророку Мухаммаду, и перешедшая от него к имамам из числа сподвижников, которые обучали Корану своих учеников, передавая им ту или иную манеру рецитации Корана.

² *касыда* (от арабск.: *касада* – отправляться (куда-л.), стремиться, намереваться) – поэтический жанр у мусульманских народов, подчиняющийся своим строгим правилам, например, сколько бы бейтов (двустихий) не включала в себя касыда, все они должны заканчиваться на одну и ту же букву. Например, рассматриваемая здесь касыда «*Китаб аш-Шатыбиййа*» состоит из 900 бейтов, каждый из которых заканчивается сочетанием букв лам-алиф (ﻻ).

³ *харф* (от арабск.: *харф* – буква) – в качестве корановедческого термина слово означает один из семи (или десяти) стилей чтения (рецитации) Корана. Существование различных стилей рецитации было обусловлено наличием различных диалектов и говоров арабского языка, а также различием лексических, грамматических и синтаксических средств выражения значения.

⁴ *Ростовдони* – *нисба* Бигиева, т.е. добавочное слово (нисба) к имени, которое указывает на место рождения человека. Поскольку Муса Бигиев появился на свет в окрестностях Ростова-на-Дону, то он прибавлял к своему имени нисбу Ростовдони.

стилей) коранической рецитации; 3) история кыраъатов (стилей рецитации); 4) наука о кираъатах и книга «Шатыбиййа»; 5) имена двадцати одного имама-знатока кираъатов, упомянутых в «Шатыбиййи».

Во введении, перевод коего будет представлен ниже, Бигиев затронул также такие проблемы, как: 1) недостатки отдельных методов и, в целом, методологии мусульманской системы образования; 2) пути решения проблемы; 3) причина издания трактата андалусского корановеда: имам Аш-Шатыби и достоинства его произведения; 4) издание трудов имама Аш-Шатыби: планы и их реализация.

В ходе изучения данного материала наше внимание привлекло представленное во вступительном слове освещение Бигиевым степени интеграции Корана в татарское мусульманское общество начала XX в. Проблеме интеграции Корана или, если взглянуть с другой точки зрения – степени «вовлеченности мусульман в Коран», Бигиев затрагивал едва ли не в каждой из своих работ, начиная с самой первой, под названием «Таърих аль-Куръан ва аль-масахиф» («История Корана и его списков-мусахфов») и изданной им в Санкт-Петербурге в 1905 г.

Далее мы предлагаем вниманию читателей соответствующую часть рассматриваемой статьи, в которой Бигиевым представлены реалии мусульманской жизни в плане присутствия в ней Корана. Источник переведен на русский язык и вводится в научный оборот впервые.

Приложение

Жизнь, сила и счастье приверженцев ислама заключается в Коране. До тех пор, пока Коран не будет восстановлен в плане своей структуры (*назым*) и духа (*магънэ*), исламская община в этом мире не сможет утвердиться на престоле могущества, обретя честь, достоинство и счастье. Это утверждение является очевидной истиной, которая доказывается внимательным взглядом на айаты Корана или содержащиеся в нем повеления.

Имеет ли смысл говорить о том, что в исламском мире не осталось следования предписаниям Корана в политических и повседневных делах, в то время, когда в самой исламской умме⁵ не осталось опоры даже на арабистичность Корана⁶, на науки, занимающиеся исследованием его строя и внутреннего устройства?

В наших российских медресе опора на корановедческие науки крайне слаба. Несмотря на то, что мало-мальски преподаются связанные лишь с

⁵ *умма* – мусульмане как таковые; община последователей ислама.

⁶ *арабистичность Корана* (*'арабиййат*) – лингвистические и историко-культурологические факторы, нашедшие отражение в Коране как откровении, ниспосланном арабам на арабском языке. Кроме этого, Бигиев подчеркивал, что, поскольку Коран был ниспослан к арабам, то он естественным образом несет на себе отпечаток арабской культуры, традиций, быта и иных аспектов арабской национальной и этнической парадигмы.

арабистичностью Корана дисциплины, такие как синтаксис (*наху*), грамматика (*сарф*) и риторика (*блягать*), совершенно не преподаются дисциплины, обращающиеся к Корану как к справедливому уставу человеческой жизни и руководству по обретению грядущего счастья. Причина такого положения дел очевидна: нация, не изучающая естественные науки, а также такие науки, как философия, политика, экономика и история, конечно же, не может одновременно являться нацией, которая обращает внимание на упомянутые выше содержательные аспекты Корана.

Самым большим недостатком религиозных медресе в нашей России является то, что в них совершенно не преподаются и не изучаются тафсир⁷ и хадис⁸, являющиеся, между прочим, основой и сутью исламских наук. Даже если они, так или иначе, представлены, они даются прежде, нежели освоение арабского языка и хотя бы поверхностное ознакомление с естественными науками, историей, политикой и правовыми дисциплинами. По этой причине, шакирды⁹ лишаются возможности понимать Коран и тафсиры.

Да и большинство наших тафсиров являются такими же: они настроены на раскрытие только таких аспектов Корана, как его арабистичность и имеющиеся в нем предания. Среди тафсиров отсутствует полноценный и доведенный до совершенства научный тафсир. Большинство тафсиров представляют собой придание тех или иных значений словам, передачу редких, или, напротив, распространенных (*мэтэватер*) кырабаатов, приведение доказательств, применяемых в правовых мазхабах¹⁰. Или же они повторяют то, что и так уже подробно разъяснено в других научных дисциплинах, и, при этом, ничего не говорят о том, что касается существенных особенностей тафсира как такового.

Однако я связываю такое положение дел не с недостатками, присущими нашим муфассирам¹¹, но с тем, что у нас не осуществлена систематизация и не произведено упорядочение образовательных методик (усулы тадрис), и с отсутствием подготовленности шакирдов. Судите сами: цело-

⁷ *тафсир* – комментирование/толкование Корана – одна из основополагающих исламских наук, занимающаяся разбором коранического послания, раскрытием, разъяснением и донесением до людей заключенных в нем смыслов.

⁸ *хадис* – в узком смысле – высказывания пророка Мухаммада или сообщения о его поступках; в широком смысле – одна из основных исламских шариатских и нравоучительных наук, изучающая все, что связано с поучениями Пророка, его поведением, поступками, вызванными теми или иными фактами действительности.

⁹ *шакирд* – учащийся мусульманского религиозного учебного заведения, студент.

¹⁰ *мазхаб* – в узком смысле – одна из четырех школ суннитского права и юриспруденции, в целом; в широком смысле – любое течение правовой, теологической, богословской или философской мысли в исламе.

¹¹ *муфассир* – религиозный ученый, специализирующийся на комментировании и толковании Корана.

век, который должен будет читать тафсир, не знает арабского языка, а ему нужно будет разъяснять другим смыслы и значения слов. Человек является несведущим в арабском синтаксисе и грамматике, но ему приходится говорить о склонении и спряжении в Коране. Человек ничего не знает о риторике и ораторском искусстве, а он должен преподнести подробные разъяснения касательно предмета науки о правильном и понятном построении речи. Человек не изучал и даже не слышал о такой науке, как корановедение (*зыйлемел-Коръан*), но ему приходится доводить различные особенности кыраъата. Он совершенно не понимает, что из себя представляют другие науки, поэтому ему ничего не остается, кроме как хранить молчание. Перо, уставшее писать о смыслах лексических единиц Корана, о спряжении и склонении в предложениях и их риторических достоинствах, о различиях между манерой рецитации чтецов Корана, конечно, не будет старательно рассказывать о других вещах, и оно будет неспособно этого сделать. По этой причине наши тафсиры написаны в такой форме, которая не позволяет им достичь поставленной цели.

Подобная бессистемность и непоследовательность характерна не только для наших тафсиров. Возьмите обычный урок в любом из медресе, и будет видно, что шакирд, который понятия не имеет ни об устройстве общества, ни об основах политики, тем не менее, изучает юриспруденцию (фикъх). Студент, ничего не понимающий в окружающем его мире и природе, изучает акиду¹² и таухид¹³. Люди, несведущие даже в элементарной математике, изучают и даже разъясняют астрономию. Это безобразие, характерное для методики преподавания, проникло и в писательское дело. Нетрудно увидеть, что в большинстве из существующих у нас книг нет структуры и порядка: в книге, посвященной логике, автор приводит всяческие невнятные примеры из теологии и прилагает усилия для их обоснования или опровержения. Книга по теологии (кэлам) рассказывает о научных взглядах, почерпнутых из трудов древних мудрецов, о существующих различиях между ними, и, в качестве вступления, утверждает относительно каждой науки самостоятельные начала, порочит каждые из них. Под воздействием подобных вещей у шакирдов складывается враждебное чувство по отношению к любой научной формулировке. В привычку превращается огульное отрицание научных проблем под предлогом того, что они де «пришли от мудрецов или от другого народа, или от другого мазхаба», и это при том, что отрицающий вообще ничего не разумеет в этих пробле-

¹² *акид*а – исламская наука о фундаментальных и производных понятиях вероубеждения.

¹³ *таухид* – в узком смысле – фундаментальный догмат ислама, заключающийся в признании и утверждении строгого монотеизма/единобожия; в широком смысле – исламская наука, занимающаяся объяснением соотношения сущности (зат) Аллаха и Его атрибутов (сифат), Творца и Его творений, т.е. утверждением единобожия с помощью инструментария спекулятивной теологии (калам).

мах. Или же они считаются обязательными для защиты религиозных убеждений. И, если у существующих в мире ислама приверженцев старины сложилась антипатия по отношению к наукам и просвещению, то, по моему мнению, причина заключается в том, о чем было сказано выше. Именно отсюда берут начало корни неукоснительной веры наших ученых в каждый тезис, относящийся к наследию ашаритов¹⁴ и матуридитов¹⁵, невзирая на их ошибочность. Отсюда же берет начало и отрицание ими любого взгляда, восходящего к мудрецам или к другим мазхабам, при том, что эти взгляды верны. От ученых подобное отношение перешло во все слои общества и приобрело всеобщий характер. По этой причине мир ислама ушел в сторону от пути наук и просвещения, оставшись недвижимым и придя в состояние безжизненности.

Любой честный человек непременно признает, что безжизненность, иными словами, отстраненность от цивилизованной жизни, поразила весь мир ислама. У столь общего явления, конечно же, и причины будут столь же общими. По моему предположению, причина застоя и апатии всего исламского мира кроется в отсутствии системности в образовательной методике и в методике создания религиозных трудов.

Пути решения проблемы:

Если мы реорганизуем, пересторим образовательные и воспитательные методики, то исправится и наше состояние. Несмотря на то, что выражение «реформа (ислах) образовательных методик» весьма коротко, оно подразумевает огромный и нелегкий труд. Для осуществления этого дела требуется учесть тысячи факторов и заняться каждым из них. В качестве примера приведу лишь один фактор из тысяч: прежде, чем преподавать какое-либо знание или науку, необходимо дать учащемуся базовые начала этого знания или науки. Любое востребованное знание или науку следует преподавать в качестве самостоятельной самодостаточной дисциплины. На занятиях в таких реформированных медресе будет господствовать не-

¹⁴ *ашариты* – представители одного из основных направлений мусульманской спекулятивной теологии (суннитского калама). Основатель течения – выдающийся мусульманский мыслитель и мутакаллим Абу-ль-Хасан Али аль-Ашари (873/874–935). Как течение теологической мысли ашаризм занимался решением разногласий между позициями сторонников свободы воли (кадаритов) и сторонников предопределения (джабаритов), номинализма и реализма в осмыслении божественных атрибутов, направленных на смягчение последствия деятельности «абсолютного разума» мутазилитов. Ашариты отвергали слепое следование религиозным авторитетам (таклид) в вопросах вероубеждения. Они отрицали существование естественных причинно-следственных связей между явлениями, считая, что происходящие в мире процессы идут в согласии с введенным Богом порядком, который предопределен Его извечным знанием.

¹⁵ *матуридиты* – представители одного из основных направлений мусульманской спекулятивной теологии (суннитского калама), появившегося в начале X в. Основатель течения – Абу Мансур аль-Матуриди (ум. 944).

вероятная атмосфера легкости. Каждый урок у студентов будет основан на научных началах. Они легко будут понимать и усваивать каждую изучаемую науку. Полученные занятия будут легко запоминаться. Учащиеся будут обучаться, не зная утомления. Станет возможной значительная экономия средств с точки зрения как рационального использования срока человеческой жизни, так и с точки зрения уменьшения его материальных расходов: отпадает необходимость тратить время на чтение супракомментариев (шәрех) и разъяснений-к-супракомментариям (хәшия), равно как и отпадет необходимость расходовать бесчисленные тысячи на [приобретение] восьми – десятитомных супракомментариев к таким книгам, как тафсир «Кади»¹⁶. Отпадет необходимость утомлять студентов такими вещами, как лингвистические нюансы, грамматика, синтаксис, кираъаты, что, на самом деле, лишь отдаляет от целей обучения.

По моему мнению, этот способ принесет ощутимую пользу и выигрыш, если применить его в контексте реорганизации и реформы наших образовательных методик. Вместе с этим, благодаря рывку, который в силу облегчения учебно-образовательного процесса наши студенты совершат в постижении религиозных дисциплин, они смогут без затруднений и утомления получать общее образование. Эти реалии станут причиной для быстрого распространения разнообразных наук в среде российских мусульман.

Отталкиваясь от этих соображений, и в надежде на то, что это станет шагом в деле реформирования системы преподавания коранических наук, я, в этот раз благодаря содействию уважаемого хазрата Каримова¹⁷, издал трактат имама Аш-Шатыби, поскольку для того, чтобы читать и сам Коран, и его тафсиры, написанные в соответствии с древними методиками, необходимо знать «Шатыбийю». Кроме этого, нужно сказать, что в области корановедческих наук не было и не будет книги, которая была бы столь же полезна и столь же подробна, как «Шатыбийя».

Предлагаемый читателю трактат «Шатыбийя» является самой полезной, самой полной, самой доходчивой и самой известной из всех когда-либо написанных книг по семи кыраъатам. Это уникальный удивительный труд, в коем отсутствуют какие-либо недостатки. В нем говорится обо

¹⁶ Тафсир «Кади» (в источнике: قاضى) – обиходное название тафсира «Анвар ат-Танзиль» (также: Тафсир аль-Байдави), написанного прославленным комментатором Корана, факихом шафиитского мазхаба, историком Насираддином аль-Байдави (ум. 1286)). Название «Кади» («Шариатский судья»), или «Тафсир-е кади» («Тафсир шариатского судьи») своим возникновением обязано тому факту, что аль-Байдави служил главным шариатским судьей Ширази.

¹⁷ хазрат Каримов – подразумевается казанская типография «Матбаъа-и Каримия» братьев Шарифджана, Мухамматджана и Хасана Каримовых, которая была открыта в 1900 г. и проработала до 1918 г. В течение этого периода типография выпустила 1700 различных книг на татарском языке общим тиражом 19 647 076 экземпляров.

всех коранических словах, которые подробно описаны на примерах кыраъатов двадцати одного имама с приложением соответствующих научных комментариев. Таким образом, перед нами одно из благодатных произведений Имама аль-курра¹⁸ досточтимого Абу Мухаммада аль-Касима бин Фирруха.

Этот имам оказал честь этому миру своим появлением на свет в 538 году хиджры¹⁹ в крупном городе Шатыба²⁰, который находился в вилайете Валенсия²¹ в восточной части Андалусии²². Имам Аш-Шатыби был выдающимся человеком в сообществе мусульманских ученых: несмотря на то, что он был лишен зрения на оба глаза, имам выучил наизусть все известные труды по исламским наукам. Когда он давал уроки, то цитировал каждую книгу по памяти. До своего тридцатилетия он жил в Шатыбе, но позже, по причине смуты, затеянной франками, или по какой-то иной причине, о коей нам доподлинно неизвестно, в 572 году покинул Шатыбу и отправился в Миср аль-Кахира²³. Он жил в этом городе до самой смерти, занимаясь преподаванием. После себя он оставил миру ислама весьма большое благодатное наследие и отошел в иной мир в воскресенье 28 числа месяца джумада-аль-ахира 590 года²⁴. На следующий день тело ученого было предано земле в Карафе²⁵.

Как уже было отмечено, ученый оставил после себя большое количество благодатных трудов. В настоящее время у меня в наличии имеется четыре его книги: 1) посвященная Семи кыраъатам и состоящая из 1173-х

¹⁸ *Имам аль-курра* (امام القرا) – Предводитель чтцов Корана, т.е. Ведущий специалист в науке о стилях рецитации Корана.

¹⁹ 538 год хиджры соответствует 1188 году по григорианскому летоисчислению.

²⁰ *Шатыба* (*Шатива, Хатива*; арабск. مدينة شاطبية) – город в Испании с двухтысячелетней историей. Расположен на востоке Испании на берегу реки Альбаида, в 25 км от побережья Средиземного моря. Существовал уже в римские времена под названием Saetabis. Арабы правили городом в 711–1244 гг. При них появились многие здания исторического центра, и была построена бóльшая часть замка – главной городской достопримечательности.

²¹ *Валенсия* – город, расположенный на побережье Средиземного моря на востоке Иберийского полуострова.

²² *Андалусия* (арабск.: *аль-Андалус*) – в период с 711 по 1492 г., т.е. в эпоху господства мусульман так назывался весь Иберийский п-ов, за исключением Астурии.

²³ *Миср аль-Кахира* (مصر القاهرة) – арабское историческое название столицы Египта г. Каира.

²⁴ 1194-й по григорианскому летоисчислению.

²⁵ *Карафа* (также: *Мадинат аль-кубур*, т.е. Город мертвых) – самый крупный по площади некрополь в мире, который в Средние века располагался на юго-востоке Каира, а в настоящее время оказался полностью окружен разросшимся городом.

бейтов²⁶ «Касыда ламиййа»²⁷; 2) посвященная графическому облику кыраъатов Корана «Касыда раъиййа»²⁸, состоящая из 298-ми бейтов; 3) еще одна короткая, но емкая «Касыда раъиййа», в которой автор ведет речь о количестве аятов Корана. В этой касыде автор привел шесть тысяч двести четырнадцать, или [шесть тысяч двести] тридцать шесть аятов вместе с их фасилами²⁹; 4) также у меня имеется «Касыда далиййа»³⁰, состоящая из пятисот бейтов и посвященная кораническим наукам.

Инша Аллах, в будущем я поочередно издам и распространю все четыре этих произведения, дабы ими могли воспользоваться российские талибы³¹. Ибо нужно понимать, что в соответствующих областях знания невозможно найти книги столь же полезные и полные, как перечисленные выше четыре работы.

Я начал с того, что издал посвященную Семи кыраъатам «Касыду ламийю». Я потратил все свои силы для того, чтобы внимательно и безупречно переписать оригинал работы. В итоге, сделанная мною копия по своей точности даже превзошла мои самые смелые надежды. Кроме всего прочего, для того, чтобы избавить от ненужных забот ее читателей, которые обратят внимание на имеющиеся в книге знаки препинания, я точками отделил каждое предложение от другого.

Я счел своевременным и нужным делом изложение истории кираъатов, тех самых «Семи харфов»³² (эхруф сәбга), о которых говорится в известном хадисе, поскольку надеюсь, что, став своеобразным вступительным словом к науке рецитации Корана (гыйлемел-кыраәт), это принесет пользу искателям знания (таләбәләр). Несмотря на то, что мое изложение является кратким, от него будет польза. Благодаря ему, инша Аллах, с легкостью будут решены те четыре или пять больших проблем, которые оставались в руках мусульманских ученых нерешенными вплоть до нашего времени ... [2, б.1–17].

²⁶ *бейт* – двустишие в поэзии мусульманских народов Востока, выражающее законченную мысль; бейт может представлять собой самостоятельное стихотворное произведение, но чаще является составным элементом таких жанров мусульманской поэзии, как рубаи, газель, касыда и др.

²⁷ *Касыда ламийя* – стихотворное произведение, в котором каждый бейт заканчивается на букву «лам».

²⁸ *Касыда раъийя* – стихотворное произведение, в котором каждый бейт заканчивается на букву «ра».

²⁹ *фасила* – последнее (завершающее смысловой отрезок) слово в аяте.

³⁰ *касыда далийя* – стихотворное произведение, в котором каждый бейт заканчивается на букву «даль».

³¹ *талибы* (букв.: искатели знания, студенты) – имеются в виду учащиеся религиозных учебных заведений.

³² *семь харфов* – семь канонических способов рецитации Корана, восходящих к семи арабским диалектам, на которых говорили племена айман, кинана, курайш, сакиф, тамим, хавазин и хузайл.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аш-Шатыби, Абу Мухаммад*. Книга аш-Шатыбийя. Казан: Лито-Типография Торгового Дома «Братья Каримовы», 1907. 88 б.

2. *Ростовдони, Муса Джаруллах*. Аль-ахруф аль-куръанийя ва таърих аль-кыраъа // Книга аш-Шатыбийя. Казан: Лито-Типография Торгового Дома «Братья Каримовы», 1907. 88 б.

Информация об авторе:

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Поступила 18.12.2023

Принята к публикации 28.04.2024

Musa Bigiev about styles of recitation of the Koran and problems of the Muslim education system

A.G. Khairutdinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication provides a brief overview of the introductory article by Musa Bigiev (1873–1949) to the qasida of the medieval Koranic expert from Andalusia, Imam Ash-Shatybi (1144–1194). Bigiev’s critical assessment of the methodology of Muslim education, religious literature and the main shortcomings inherent in these elements of Muslim culture are outlined. The reader is offered a translation into Russian of a fragment of the mentioned Bigiev’s article.

Keywords: Musa Bigiev, Musa Rostovdoni, Ash-Shatybi, Tatar Koranic studies, Muslim education in Russia

For citation: Khairutdinov A.G. Musa Bigiev about styles of recitation of the Koran and problems of the Muslim education system. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.137–147. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.137-147> (In Russian)

REFERENCES

1. Ash-Shatybi, Abu Mukhammad. *Kitab ash-Shatybiyya*. Kazan: Karimov Brothers Publ., 1907. 88 p. (In Arabic)
2. Rostovdoni, Musa Dzharrullakh. *Al-akhraf al-quraniyya wa tarikh al-kyraa. Kitab ash-Shatybiyya*. Kazan: Karimov Brothers Publ., 1907. 88 p. (In Ottoman)

About the author:

Khairutdinov Aidar Garifutdinovich – Cand. Sci. (philosophy), Docent, Acting Head of the Abdullin Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Received December 18, 2023

Accepted for publication April 28, 2024

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.41)"17/19"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.148-153>

Рецензия на книгу: Габдрафикова Л.Р. Уездный город
Мензелинск (конец XVIII – начало XX века):
монография (Казань, 2023)

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Рецензия содержит характеристику содержания монографии, посвященной исследованию истории уездного города Мензелинска в период с конца XVIII до начала XX в. на базе широкого круга источников, представленных в фондах областных и центральных архивов Российской Федерации. Рецензент подчеркивает научную и практическую значимость исследования, охватывающего обширный хронологический период со времени колонизации края и до установления советской власти, отмечает научный вклад монографии в развитие отечественной региональной историографии.

Ключевые слова: Мензелинск, конец XVIII – начало XX в., колонизация, городской социум, общество, власть, Мензелинская ярмарка, городская повседневность, просвещение, здравоохранение

Для цитирования: Миронова Е.В. Рецензия на книгу: Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск (конец XVIII – начало XX века): монография (Казань, 2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.148–153. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.148-153>

Комплексные исследования малых городов до недавнего времени считались вотчиной краеведов, которые с любовью собирали сведения о родных местах, но зачастую их книги были лишены научного подхода. Либо же их история затрагивалась в профессиональных работах по прошлому уездных городов. Монография Л.Р. Габдрафиковой объединяет эти два подхода [1]. Взяв историю Мензелинска в общероссийском контексте, автор уделяет внимание и отдельным личностям, повседневности горожан.

Научная актуальность заключается в дополнении представлений о жизни небольших городов в дореволюционный период. Подобные исследования позволяют выявлять общее и особенное как в развитии уездных городов, так и сравнивать их с более крупными населенными пунктами. В

то же время работа вносит вклад в развитие исследования истории городов Татарстана, может быть использована для развития музейного дела и привлечения туристов, а поскольку написана живым языком, то будет интересна и людям, не являющимся специалистами в исторической науке, – как жителям Мензелинска, так и желающим узнать больше о прошлом этого города.

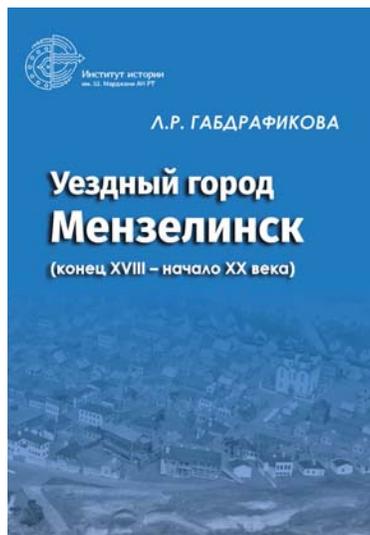
Монография состоит из Введения, 7 глав, Списка источников и литературы, Приложения.

Историографический обзор литературы и источников по теме представлен в хронологическом порядке и соответствует трем периодам: дореволюционному, советскому и современному. Согласно анализу, проведенному Л.Р. Габдрафиковой, практически все труды дореволюционной эпохи, посвященные истории Мензелинска, представляют собой публицистические работы, главным образом, статьи в региональной периодической печати, а также обобщенные статистические сведения по социально-экономической жизни края, топографические описания Оренбургского края и его колонизацию в XVII–XVIII столетиях и сборники различных документов. Кроме того, Л.Р. Габдрафиковой были изучены труды дореволюционных историков, детально проанализировавших такие проблемы, как история уфимского дворянства, а также реализация Великих реформ 1860–1870-х гг.

По справедливому замечанию Л.Р. Габдрафиковой, историографическая ситуация советского времени отличалась преимущественным вниманием вопросам классовой борьбы, в связи с чем жизнь Мензелинска была представлена через призму революционной борьбы в разные исторические эпохи, начиная с Пугачевского восстания и вплоть до событий начала XX в.

Всплеск интереса к региональной истории в постсоветский период значительно обогатил историографию Мензелинска краеведческой и научной литературой, среди которых особо стоит выделить исследования последних лет, проведенные сотрудниками Института истории им. Ш.Марджани АН РТ [2; 3; 4; 5].

Источниковую базу исследования составляют законодательные акты, опубликованные в различных собраниях и сборниках. Используются делопроизводственные материалы органов местного управления и самоуправления, представленные в фондах Государственного архива Республики Татарстан, Национального архива Республики Башкортостан и Госу-

дарственного Оренбургского областного архива. На базе этих же архивов, а также фондов Российского государственного исторического архива автором были исследованы документы по истории учебных заведений. Отдельную группу источников составили справочники, содержащие статистические сведения по Уфимской губернии. Автор активно привлекает и такой вид источника, как периодическую печать, позволяющую детально представить повседневную жизнь в Мензелинске. Особую группу привлеченных материалов составили эго-документы, представленные в фондах Государственного архива Республики Татарстан, а также сохранившиеся в личных собраниях, некоторые из которых впервые были введены в научный оборот.

Также во Введении автор делает экскурс в раннюю историю Мензелинска, необходимый для понимания процессов становления и развития города.

В первой главе «Рождение города: Мензелинск в дореформенное время» рассмотрены особенности формирования системы местного управления – институты городничих и земских исправников, организацию Мензелинской городской ратуши, ее состав и функции, а также судебные дела, связанные со злоупотреблением членов Мензелинского уездного суда. В этом же параграфе автор рассматривает деятельность почтовой службы, обеспечивавшей коммуникацию в дореволюционной провинции.

Во втором параграфе «Мензелинские привилегии: шляхтичи и дворяне» проанализировано правовое положение шляхтичей и казаков в XVIII–XIX вв., их численность и занятия в первой половине XIX столетия, а также состояние имений мензелинских шляхтичей накануне отмены крепостного права.

В следующих двух параграфах рассматриваются некоторые социальные, культурные и экономические аспекты жизни уездного города в первой половине XIX в.: храмы, учебные заведения, биографии педагогов, а также создание системы медицинского обслуживания в Мензелинском уезде. Показана торговая деятельность горожан.

Завершает первую главу параграф, раскрывающий особенности «свободы слова» в эпоху Николая I на примере провинциального городка.

Во второй главе «Город и люди в XIX столетии» рассматривается городское население, его сословный и конфессиональный состав, вопросы общественного призрения, а также планировка и пожарная безопасность города и становление системы страхования.

В третьей главе «Мензелинск в пореформенное время: власть и общество» рассматриваются особенности реализации городской реформы в Мензелинске, характеризуется сословный и национальный состав органов городского общественного управления; деятельность полиции; помимо этого, рассматривается организация банковского дела. Особое внимание уделяется Мензелинской ярмарке как наиболее важному мероприятию для экономической жизни города.

В четвертой главе «Охрана здоровья в условиях уездного города» рассматривается народная и официальная медицина, условия жизни и труда медицинских работников. В пятой главе «Вехи истории мензелинского просвещения» – учебные заведения Мензелинска, отношение населения к обучению, социально-экономическое положение учителей, а также библиотечное и издательское дело в уездном городе. Рассмотрение данных аспектов позволяет сформировать представление о социокультурной роли уездного города, ставшего важным культурным центром уезда и края уже к середине XIX в.

Шестая глава «Мензелинск в начале XX века» посвящена таким разноплановым вопросам, как городское самоуправление в годы Первой русской революции, татарская община города в 1900-х гг., внедрение в быт горожан технических новинок, а также изменения, произошедшие в Мензелинском уезде в связи с Первой мировой войной. При этом автор рассматривает не только институциональные аспекты городской жизни, но и погружается в повседневную жизнь Мензелинска. Исследуются конфликтные ситуации, которые более рельефно отображают обычные, повседневные явления и социальные противоречия.

В исследовании переплетается микро- и макроистория, отображено влияние общероссийских событий на местную жизнь на разных исторических этапах. При этом подчеркиваются и уникальные особенности Мензелинска – наличие татарской общины, ярмарки и т.д.

Свое повествование автор завершает главой-эпилогом, посвященном жизни в Мензелинске в первые годы советской власти, а также биографиями выдающихся ученых из Мензелинска. Исследование дополняют Приложения, включающие в себя разнообразные источники, уточняющие основное содержание монографии.

Таким образом, можно утверждать, что автору удалось собрать, проанализировать богатый источниковый материал и представить комплексную картину развития уездного города Мензелинска в XVIII – начале XX в. Монография обогащает как научную историографию, так и будет интересна читателям, интересующимся родной историей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск (конец XVIII – начало XX века): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. 440 с.; 8 с. ил.
2. Родники жизни = Тормыш чишмэлэре = Springs of life: научно-популярное изд. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 552 с.
3. Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 276 с.; 20 с. ил.

4. Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры / отв. ред. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 388 с.; 20 с. ил.

5. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.) / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 240 с.; 16 с. ил.

Информация об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила 05.02.2024

Принята к публикации 07.05.2024

Book review: Gabdrafikova L.R. County town Menzelinsk (late 18th – early 20th century): monograph (Kazan, 2023)

E.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The review contains a description of the content of the monograph, dedicated to the study of the history of the county town Menzelinsk in the period from the end of the 18th to the beginning of the 20th century, based on a wide range of sources presented in the funds of the regional and central archives of the Russian Federation. The reviewer emphasizes the scientific and practical significance of the study, which covers a vast chronological period from the time of colonization of the region until the establishment of Soviet power, and notes the scientific contribution of this study to the development of domestic regional historiography.

Keywords: Menzelinsk, late 18th – early 20th century, colonization, urban society, society, authority, Menzelinsk fair, urban everyday life, education, healthcare

For citation: Mironova E.V. Book review: Gabdrafikova L.R. County town Menzelinsk (late 18th – early 20th century): monograph (Kazan, 2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.148–153. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.148-153> (In Russian)

REFERENCES

1. Gabdrafikova L.R. County town Menzelinsk (late 18th – early 20th century): monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 440 p.; 8 p. ill. (In Russian)

2. *Springs of life = Tormysh chishmalare*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 552 p. (In Russian)

2. *Tatar villages of East Trans-Kama region*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 276 p.; 20 p. ill. (In Russian)

3. *Tatar villages of South-east Trans-Kama region: centers of education and culture*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 388 p.; 20 p. ill. (In Russian)

4. *Tatars of Ufa district (materials of population censuses of 1722–1782)*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 240 p.; 16 p. ill. (In Russian)

About the author:

Mironova Yelena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Received February 5, 2024

Accepted for publication May 7, 2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.154-167>

Памяти Миркасима Абдулахатовича Усманова (1934–2010) (к 90-летию со дня рождения)

Б.Л. Хамидуллин

*Институт Татарской энциклопедии
и регионоведения им. М.Хасанова АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье содержится информация о жизни и деятельности выдающегося ученого-востоковеда, талантливого педагога и писателя, доктора исторических наук, профессора, действительного члена Академии наук РТ и Археографической комиссии РАН, члена Союза писателей СССР и Татарского ПЕН-центра, широко известного общественного деятеля Миркасима Абдулахатовича Усманова (1934–2010). Воспроизводятся основные вехи его жизненного и творческого пути, характеризуются результаты его научных изысканий, указывается его вклад в изучение и развитие источниковедения и историографии истории татарского народа и Татарстана. Особое внимание уделено исследованиям М.А. Усманова по источниковедению истории Золотой Орды.

Ключевые слова: Миркасим Усманов, ученый, писатель, общественная жизнедеятельность, источниковедение, история татар, Золотая Орда

Для цитирования: Хамидуллин Б.Л. Памяти Миркасима Абдулахатовича Усманова (1934–2010) (к 90-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №2. С.154–167. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.154-167>

11 октября 2010 г. татарский народ, общественность Республики Татарстан, российское и мировое научное сообщество понесли тяжелую утрату – на 77 году жизни от нас ушел выдающийся ученый и талантливый педагог, основоположник современной татарской археографии, доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета, действительный член Академии наук РТ, член Комиссии РАН по археографии, архивоведению и смежным историко-филологическим дисциплинам, член Союза писателей СССР и РТ, Татарского ПЕН-центра, заслуженный деятель науки ТАССР и заслуженный работник высшей школы

РФ, лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники, широко известный общественный деятель и горячо любимый и уважаемый нами Учитель – Усманов Миркасым Абдулахатович¹ [1; 2; 8; 10; 11].

Будущий талантливый, глубоко эрудированный, всемирно известный татарский историк М.А. Усманов родился 31 мая 1934 г. в Восточном Туркестане в городе Кульджа (ныне городской уезд в Или-Казахском автономном округе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики).

Начальное образование М.А. Усманов получил в кульджинской татарской школе, куда он поступил в 1941 г. В этой школе ученики, благо, что преподавателями там были воспитанники небезызвестного педагога Габдуллы Буби (Нигматуллина), одновременно со средневековым татарским фольклором, литературой и историографией, наряду с творчеством Мифтахетдина Акмуллы, Шигабутдина Марджани и Габдуллы Тукая, подробно изучали и жизнедеятельность таких запрещенных в СССР выдающихся представителей татарской гуманитарной интеллигенции, как Исмаил Гаспринский, Дэрдменд, Гаяз Исхаки, Галимджан Ибрагимов и т.д. После окончания 4 класса, М.А. Усманов обучался в русской гимназии Кульджи, что дало ему также хорошее понимание русской истории и культуры. Все это, безусловно, существенно расширяло кругозор молодого Миркасыма и создавало капитальную базу, фундамент его будущего мировоззрения и жизнедеятельности.

Как указывал сам Миркасым Абдулахатович, и это подчеркивают многие его коллеги, близкое знакомство с татарской культурой в Кульдже дало ему решающее преимущество перед другими соплеменниками, которые родились и получили образование в СССР, а проживание в полиэтничном регионе Восточного Туркестана естественным образом содействовало овладению им разными близкородственными тюркскими языками (уйгурским, казахским, киргизским, узбекским и др.), а также разными видами письменности на основе арабицы, кириллицы, латиницы и староуйгурской графики. Арабская графика, которой татары и уйгуры Северо-Западного Китая пользуются до сих пор, была ему очень хорошо известна с детства; впоследствии он пользовался ею даже в личной переписке с коллегами-ориенталистами (например, с исламоведом Анасом Халидовым и тюркологом Михаэлем Фридрихом). Все это оказало существенное влияние на профессиональные качества М.А. Усманова как историка-источниковеда и в его литературной, в том числе переводческой деятельности.

В 1955 г. семья Усмановых возвратилась в Советский Союз, в Казахскую ССР, где М.А. Усманов работал поочередно в совхозе, в комитете ДОСААФ, на киностудии. В 1958–1963 гг. он учился в Казанском государственном университете – колыбели российского востоковедения, сна-

¹ Миркасым Госманов (1934–2010). Күренекле галим, тарихчы // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rv65vpg0d0Q> (дата обращения: 27.02.2024).

чала на отделении татарской филологии, а затем, начиная с 3 курса, на историческом отделении историко-филологического факультета. Будучи студентом, активно ездил в диалектологические и археологические экспедиции КГУ, участвовал в научно-исследовательской работе различных кафедр, в учредительном конгрессе Общества археологии, истории и этнографии КГУ (1962). По окончании учебы получил специальность «архивовед», был оставлен на кафедре и прошел в родной Alma mater путь от ассистента до проректора.

Основным направлением научно-исследовательской деятельности М.А. Усманова было изучение арабграфических письменных источников по истории и культуре тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья XIII – начала XX в. В 1963–1988 гг. М.А. Усманов (чья благая идея была полностью поддержана заведующим кафедрой истории СССР, доцентом Шамилем Мухамедьяровым и заведующим кафедрой татарской литературы, доцентом, членом Союза писателей СССР Хатибом Усмановым) являлся организатором и научным руководителем не менее 53 археографических экспедиций КГУ в различные регионы страны, в 35 из них принимал непосредственное участие. В 1964–1967 гг. пройдя обучение в аспирантуре КГУ под руководством Шамиля Мухамедьярова, в 1968 г. он защитил свою кандидатскую диссертацию по теме «Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. и их особенности» (издана в виде монографии с дополнениями в 1972 г. [16]), а в 1981 г. – докторскую диссертацию «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.» (издана в виде монографии в 1979 г. [14]), которые были очень высоко оценены мировым научным сообществом. Отмечу также, что к 2010 г. в результате обследования около 900 населенных пунктов компактного проживания татар в 5 бывших автономных республиках СССР и 15 областях Российской Федерации М.А. Усмановым и его коллегами было собрано около 10 тысяч рукописей и около 1,5 тысячи редких старопечатных изданий на различных восточных языках, которые ныне представляют собой ценнейший архивный фонд нашей республики (к примеру, если на 1 января 1963 г., т.е. к началу работы АЭ КГУ, в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки КГУ имелась 5701 восточная рукопись, включенная в инвентарные описи, то на 1 января 1989 г. рукописей, занесенных в инвентарные книги и каталоги, было уже 11630). Археографическим экспедициям КГУ, визуальной и содержательной характеристике выявленных рукописей и редких книг была посвящена книга М.А. Усманова «Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары» [3].

С 1967 г. Миркасым Абдулахатович являлся преподавателем КГУ, куратором групп, специализировавшихся по истории Татарской АССР. Он читал лекции по источниковедению этногенеза, политогенеза и культурогенеза татарского и иных тюркских народов, по истории Поволжья и Приуралья, по татарской палеографии и старотатарскому языку. С 1982 г. профессор, руководитель кафедры истории СССР досоветского периода.

Одновременно, в 1985–1991 гг., проректор КГУ по учебной работе (в 1990 г. и.о. ректора КГУ), с 1988 г. являлся руководителем основанной им научно-исследовательской археографической лаборатории КГУ, а с 1989 г. – заведующим созданной им кафедры истории татарского народа факультета татарской филологии, истории и восточных языков. Кстати, именно в эти годы (1985–1992) он был и моим научным руководителем студенческих курсовых работ и дипломной выпускной работы по историографии этнополитической истории Волжской Булгарии. За это я искренне благодарен судьбе, ведь она дала мне возможность многолетнего близкого общения с выдающимся ученым-просветителем, даровитым прозаиком и публицистом, мудрым и требовательным педагогом, обладавшим еще и талантом организатора науки...

Важной отраслью творческой деятельности М.А. Усманова являлось последовательное изучение истории татарской литературы и общественной мысли. Он исследовал творчество поэтов Кул Гали (эпоха Волжской Булгарии) и Мухамедъяра (период Казанского ханства), идейно-политические концепции авторов ряда исторических произведений XVII–XVIII вв. («Таварих-и Булгария» Шарафетдина Муслими, «Таварих-и Булгария» Таджетдина Ялчыгула, анонимный сборник «Дафтар-и Чингизнаме» и «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека), огромное внимание уделял изучению деятельности и наследия таких выдающихся татарских просветителей XVIII – начала XX столетия, как Габдрахим Утыз-Имяни, Габдельджаббар Кандальный, Мифтахетдин Акмулла, Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Исмаил Гаспринский, Гаяз Исхаки, Гайнетдин Ахмаров, Фатих Карими, Хади Атласи, Саид Вахиди, Газиз Губайдуллин, Хади Атласи и Ризаэтдин Фахретдин. Большой научно-популярный, литературно-документальный труд М.А. Усманова был посвящен известному востоковеду и тюркологу Хусайну Фаизханову [15].

Именно через переводы М.А. Усманова, который в 1962 г. издал в виде отдельной книги на татарском языке повесть «Жамийла» (тат. «Жәмилә», рус. «Джамиля») Чингиза Айтматова [10, с.12; 11], чья мать – Нагима Абдувалиева – была татаркой, татарский читатель впервые познакомился с творчеством всемирно известного киргизского писателя. Наряду с переводческими трудами, ориентируясь на молодых читателей и подростков, в 60–70-х гг. XX столетия М.А. Усманов писал литературно-документальные произведения в авантюрно-приключенческом и научно-популярном жанрах. В 1966 г. им была издана книга «Киек сукмакларында» [4], написанная на основе личных воспоминаний в форме увлекательных рассказов об особенностях природы и фауны гор Тянь-Шаня, а в 1973 и 1977 гг. – сборники интересных документальных очерков «Серле балбал» [5] и «Таулар, үзәннәр иленә сәяхәт» [8], написанные в жанре историко-археологического науч-попа, дающие яркое представление о жизни древних племен и народов Центральной Азии. Указанные произведения М.А. Усманова следует рассматривать как достойный вклад в татарскую

детскую и юношескую литературу. Благодаря изданным им книгам «Жәмилә» (1962, 1965) и «Киек сукмакларында» (1966), в 1970 г. М.А. Усманов заслуженно был избран членом Союза писателей СССР, и поныне как писатели, так и читатели с большим уважением относятся к его литературному творчеству [8; 11]. М.А. Усманов также всегда уделял большое внимание научно-популярным и публицистическим выступлениям на страницах периодической печати, в которых, кстати, никогда не забывал о татарской диаспоре стран Центральной Азии и КНР. Избранная часть публикаций подобного содержания была переиздана в 1990 г. в его сборнике «Үткәннән – киләчәккә: фәнни-публицистик мәкаләләр» [6], а позднее в его сборниках – «Ябылмаган китап, яки Чәчелгән орлыклар: Шәркый Төркестан турында тарихи очерклар» (1996), «Гасырдан – гасырга: мәкаләләр, әңгәмәләр, чыгышлар» (2004) и т.д. [12].

С 1994 г. М.А. Усманов являлся научным консультантом Национальной библиотеки Республики Татарстан по тюрко-татарским и восточным рукописным книгам. Он внес значительный вклад в становление Отдела редких книг и рукописей библиотеки, развитие его научно-исследовательской и археографической деятельности. С 2000 г. М.А. Усманов входил в Попечительский совет Национальной библиотеки РТ и в этом качестве содействовал повышению ее роли как научного, культурного и образовательного центра республики.

С первых же дней проведения учредительного собрания и создания Татарского ПЕН-центра (с апреля 1995 г.) М.А. Усманов, совместно с известными татарскими прозаиками, поэтами, драматургами и публицистами Амирханом Еники, Туфаном Миннуллиным, Разилем Валеевым, Ильдаром Юзеевым, Рафаэлем Мустафиным, Нуриханом Фаттахом, Равилем Файзуллиным, Ахатом Мушинским и Ркаилем Зайдуллоу, становится его членом так называемого «первого созыва». Данная региональная общественная организация писателей РТ объединяет выдающихся представителей татарской интеллигенции в благородном деле сохранения и развития, а также популяризации татарской культуры и истории, в том числе на международной арене. Татарский ПЕН-центр был принят в Международный ПЕН-клуб на Всемирном конгрессе писателей в Гвадалахаре в 1996 г., а его делегаты работали на многих конгрессах Международного ПЕН-клуба в Мексике, Шотландии, Финляндии, Великобритании, Македонии, Норвегии, Словении, ФРГ, Австрии, Японии, Сербии, Кыргызстане и т.д. Активную роль в деятельности Татарского ПЕН-центра играли Туфан Миннуллин, Миркасым Усманов, Разиль Валеев, Ахат Мушинский, инициировавшие сотрудничество с ведущими университетами, архивами и библиотеками мира, а также издание татарской художественной и исторической литературы на татарском, русском, турецком и английском языках.

*Члены Татарского ПЕН-центра «первого созыва» (1995)
в «Гроте» Национальной библиотеки РТ.*

*Слева направо – стоят: Разиль Валеев, Равиль Файзуллин,
Ахат Мушинский, Ркаил Зайдулла; сидят: Рафаэль Мустафин, Нурихан Фаттах,
Ильдар Юзеев, Амирхан Еники, Миркасым Усманов, Туфан Миннуллин.*

Фото Рустама Мухаметзянова (сайт Национальной библиотеки РТ:

https://kitaphane.tatarstan.ru/library_today/writers.htm#:~:text=Региональная%20общественная%20организация%20писателей%20Республики,%3A%20поэзия%2C%20эссе%2C%20новелла)

С 1989 г. М.А. Усманов являлся председателем регионального благотворительного общественного фонда сохранения и развития татарского языка и культуры «Жыен» («Жиен=Сход»), созданного с целью способствования возрождению татарского языка и культуры. В серии «Шәхесләребез» при активном участии М.А. Усманова (в качестве автора, составителя и научного редактора) были изданы либо подготовлены к печати книги, посвященные Карлу Фуксу, Хусаину Фаизханову, Фатиху Карими, Гайнетдину Ахмерову, Габдрахману Гумари, Газизу Губайдуллину, братьям Рамеевым, братьям Туйкиным, Исмаилу Гаспринскому, Хади Атласи, Габдрахману Сагди, Гали Рахиму, Шигабутдину Марджани, Джамалетдину Валиди, Ахметгараю Хасани, Габдрашиту Ибрагимову, Михаилу Худякову и другим известным людям. В различные издания серии М.А. Усманов вложил очень много своих духовных и физических сил, ибо не только являлся идейным вдохновителем всего проекта, автором и редактором отдельных книг, но и обеспечивал поддержку со стороны чиновников разного уровня государственных органов и меценатов. Этот огромный труд ученого был по достоинству оценен руководством Татарстана – в 2012 г. (к сожалению, посмертно) за цикл историко-биографических работ

и научно-редакторскую деятельность при подготовке серии сборников о знаменитых личностях, изданных фондом «Жиен», ему была присуждена Государственная премия РТ в области науки и техники.

Указ о награждении М.А. Усманова Госпремией РТ был подписан Президентом РТ Рустамом Миннихановым, что свидетельствует об уважительном отношении руководства РТ к выдающемуся историку и педагогу, организатору научных и просветительских проектов. Эту мою мысль подтверждает еще один важный факт. 30 сентября 1991 г. Президент РТ М.Ш. Шаймиев издал Указ «О создании Академии наук Республики Татарстан», в котором отмечалось, что АН РТ учреждается в целях обеспечения высокого уровня развития фундаментальных наук в республике, усиления их роли в решении актуальных проблем материальной и духовной культуры, народного хозяйства, координации научно-исследовательских работ. Данным указом утверждался Совет учредителей-академиков АН РТ в следующем составе: Камиль Валиев, Геннадий Дегтярёв, Сергей Дьяконов, Мирфатых Закиев, Газим Идрисов, Александр Коновалов, Юрий Коноплёв, Мирза Махмутов, Марс Михайлов, Роальд Сагдеев, Кев Салихов, Игорь Тарчевский, Ильтузар Терегулов, Миркасым Усманов, Ирек Фахрутдинов, Мансур Хасанов. Совету учредителей поручалось провести первые выборы в АН РТ, а также разработать устав и структуру АН РТ. Активную роль в этом процессе сыграл и проректор Казанского государственного университета по учебной работе, профессор М.А. Усманов, ставший академиком Отделения гуманитарных наук АН РТ, членом Главной научно-редакционной коллегии «Татарской энциклопедии» и председателем ее научной редколлегии по истории Татарстана и татарского народа до XX в. Немного позднее, в «нулевые» годы, М.А. Усманов становится вице-президентом АН РТ, а затем советником президиума Академии наук РТ, одновременно являясь, в частности, куратором академического журнала «Научный Татарстан», в котором буквально незадолго до смерти он опубликовал одну из последних своих научных статей – «О судьбе казанского востоковедения». Отмечу, что я 13 лет (2002–2014) являлся главным редактором издательства «Фэн» АН РТ и заместителем главного редактора журналов «Научный Татарстан» и «Фэнни Татарстан», поэтому в те годы достаточно часто и подолгу общался со своим уважаемым университетским учителем...

Благодаря М.А. Усманову, имевшему безапелляционный международный авторитет, были налажены контакты АН РТ со многими гуманитарными научно-исследовательскими учреждениями других регионов Российской Федерации, постсоветского пространства, иных государств. Появились новые совместные проекты, под его непосредственным руководством готовились академические коллективные монографии по истории и культуре татар, адресованные англоязычным и туркоязычным читателям. Он был одним из организаторов многих крупных международных симпозиумов и конференций, проводимых в АН РТ, в частности I Всемирного

форума татарских ученых в 2007 г. и XVI конференции Академии наук исламского мира в 2008 г. В октябре 1997 г. Первый общероссийский организационный съезд востоковедов РФ в г. Элиста избрал М.А. Усманова Президентом Общества востоковедов РАН, еще раз подтвердив его статус известного профессионального историка-археографа (кстати, II Всероссийский съезд востоковедов проходил в 1999 г. в Казани). Немного позднее, в 2008 г., за труды в области тюркологии и исламоведения он был награжден Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Permanent International Altaistic Conference) и стал лауреатом премии «За выдающиеся достижения в исследовательской деятельности» Международного исследовательского центра по изучению исламской истории, искусства и культуры (Research Centre For Islamic History, Art and Culture).

На международный авторитет Миркасыма Абдулахатовича вовремя обратил внимание и тогдашний председатель исполкома Казани Камиль Исаков, в середине 1990-х гг., заручившись поддержкой первого Президента РТ Минтимера Шаймиева, решивший реанимировать вопрос о 800-летию города, в 70-е гг. XX столетия активно лоббировавшийся известным археологом, профессором Альфредом Халиковым (1929–1994). В 1996 г. Камиль Шамильевич обратился к М.А. Усманову с просьбой возглавить научные изыскания по данной теме.

М.А. Усманов, будучи профессиональным, высококвалифицированным исследователем и по жизни достаточно принципиальным человеком, хорошо понимал, что обществу нужна правдивая, максимально научно обоснованная информация о возрасте Казани. Масштаб глобального мышления академика, его личные качества дипломата, стратега и тактика, талантливый и инициативный (а в некоторых ситуациях и жесткого, предельно требовательного) организатора привели его к главной мысли, достойной всяческих похвал, – используя все свои связи в мировом научном сообществе, финансовые и кадровые возможности Татарстана, он привлек к изучению данной непростой темы самых видных ученых со всего мира, чье мнение никто из адекватных археологов и историков не мог бы поставить под сомнение. Также им была разработана доскональная пошаговая научно-исследовательская программа, в которую в первую очередь вошла работа с археологическими и письменными источниками, а также проведение целого ряда международных научных конференций.

В конце XX в. ученые Татарстана совместно с исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов Российской Федерации, с зарубежными коллегами из Австрии, Венгрии, Германии, Египта, Турции, Франции, Чехии, скандинавских стран провели глубокие научные изыскания. В результате скрупулезных археологических раскопок на территории Казани (на месте 20 археологических раскопов археологи нашли редкие монеты, оружие и предметы быта, украшения, орудия труда, изделия из кожи, металлических сплавов, различную керамику, итого более 2 тысяч

предметов), многолетних работ в архивах, библиотеках и музеях Турции, Египта, Ирана, Венгрии, Германии и иных стран мира (в которых было обнаружено 10 ранее не исследованных рукописей и 56 неизвестных карт, где под различными названиями на месте нынешней Казани был отмечен город), проведения нескольких научных конференций (например, в 1999 г. в Казани состоялась конференция «Средневековая Казань: возникновение, развитие», в которой участвовало 150 ученых из 16 стран мира) международное научное сообщество официально заявило об установлении ими 1000-летнего возраста Казани, о возникновении города в конце X – начале XI столетия. Одновременно учеными Российской академии наук было объявлено, что археологами и историками Татарстана разработана принципиально новая методика датировки возраста городов, что является уникальным открытием в мировой науке.

1 сентября 1999 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации Бориса Ельцина «О праздновании 1000-летия основания города Казани». Согласно этому указу, празднование состоялось 30 августа 2005 г. В преддверии этой знаменательной даты, 4 августа 2005 г., в один день с Азадом Аббасовым, Асгадом Галимзяновым, Наилей Гилязовой, Борисом Ельциным, Альбертом Камалеевым, Александром Лаврентьевым, Ильдусом Мостюковым, Владимиром Путиным, Надеждой Тимашовой, Александром Фурсенко, Минтимером Шаймиевым и Харисом Якуповым, за выдающийся вклад в изучение истории и современное развитие города Миркасым Усманов был удостоен высокого звания «Почетный гражданин Казани».

Подготовка к выявлению возраста города Казани явилась, в частности, одной из предпосылок создания Указом первого Президента РТ Минтимера Шаймиева от 14 июня 1996 г. и Постановлением Кабмина РТ от 17 февраля 1997 г. на базе отделов истории, археологии, этнографии, истории общественной мысли и исламоведения Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН РТ нового НИИ – Института истории АН РТ. Руководство и сотрудники нового НИИ приняли самое активное участие в работе по установлению даты возникновения Казани, благодаря чему казанские научные школы археологов и историков стали широко известны во всем мире. Во второй половине 1990-х гг. конкретно перед Институтом истории АН РТ встала не менее, а скорее даже более важная задача – написание академической 7-томной «Истории татар с древнейших времен». Этот труд означал бы переворот всех наших представлений об истории современного татарского народа, так как все прекрасно понимали политизированность и крайнюю субъективность предшествующей историографии периодов Российской империи и Советского Союза. Огромную позитивную роль в организации работы над 7-томником, в приглашении большого количества авторитетных зарубежных и местных авторов, в поиске спонсоров издания и т.д. и т.п. сыграли 2 главных редактора и кура-

тора «Истории татар» – директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Рафаэль Хакимов и академик Миркасым Усманов.

Отдельно необходимо сказать о главном «детище» М.А. Усманова в указанном проекте – о 3-м томе «Истории татар с древнейших времен», посвященном предыстории и истории Золотой Орды [9]. Исследованием истории Улуса Джучи будущий академик профессионально занялся, еще будучи студентом КГУ, участвуя в археологических экспедициях на территорию южных столиц этого средневекового государства в Нижнем Поволжье и публикуя об этом научные статьи в Москве и Казани (например, в журнале «Советская археология»). За это на выставке студенческих работ в Москве он даже был награжден медалью ВДНХ [2, с.8; 10, с.14]. В 1975 и 1979 гг. в Москве в авторитетном «Археографическом ежегоднике» за 1974 и 1978 гг. были напечатаны объемные, насыщенные новейшими источниковедческими данными статьи М.А. Усманова «Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение» и «О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV–XVI вв.», получившие сугубо положительные отклики многих ученых по всему СССР. А изданная им в 1979 г. монография «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI веков» [14], базирующаяся на ранее опубликованных научных статьях и дальнейшем изучении автором первоисточников социально-политического строя Золотой Орды, во многом определила в СССР векторы всех будущих исследований по золотоордынской тематике. Этот труд казанского ученого получил самую высокую оценку не только советского, но уже и мирового научного сообщества. Позднее М.А. Усманов писал на темы исламизации и мусульманского духовенства Золотой Орды, о политическом и культурном наследии Золотой Орды, о состоянии и перспективах источниковедения истории Золотой Орды и т.д. [12]. Для 3-го тома «Истории татар» он написал статьи «История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время» [9, с.3–15], «Государственные акты Улуса Джучи» (соавтор Искандер Измайлов) [9, с.34–35], «Реформы и Йаса Чингиз-хана» [9, с.97–110], «Административно-управленческий аппарат Улуса Джучи» [9, с.320–326], «Ранние этапы этнической истории Улуса Джучи и ее особенности» [9, с.338–342], «Ислам в Улусе Джучи» (соавтор Искандер Измайлов) [9, с.599–617], «Делопроизводство и канцелярская культура Улуса Джучи» [9, с.658–667] и заключение [9, с.731–734]. Данный том 7-томной «Истории татар» получился концептуально цельным и очень содержательным, так сказать, «прорывным» в деле изучения истории Золотой Орды. Мне приятно отметить, что я тоже принимал активное участие во всех обсуждениях концепции и структуры 3-го тома, в научно-методологическом разборе и редактировании практически всех статей данной коллективной монографии. Удивительно, но факт – доктор наук, профессор, академик, всемирно признанный ученый М.А. Усманов даже структуру и содержание собственных статей подвергал тщательному анализу и редактированию совместно с кандидатами исторических наук Алсу Арс-

лановой, Искандером Измайловым и Булатом Хамидуллиным, ведь уважение к мнению и логике оппонента, пусть и младшего по возрасту и статусу, было для него очень характерно...

Выдающийся ученый и педагог, автор большого количества научных, научно-популярных и художественно-документальных произведений М.А. Усманов умер 11 октября 2010 г. в Казани, в своей квартире на ул. Лесгафта, и, после многолюдной гражданской панихиды в Татарском государственном Академическом театре им. Г.Камала, был похоронен на Ново-Татарском кладбище знаменитой казанской Татарской слободы. Уход из жизни Миркасыма Абдулахатовича стал не только личной глубокой потерей для его родных, друзей, коллег и учеников, но и огромной невосполнимой утратой для всего татарского народа. Ведь, как правильно отмечал известный политик Фандас Сафиуллин, «аның фәнни һәм ижтимагый эшчәнлегенә юнәлеш беркайчан да милләтебезнең мәнфәгатьләреннән аерылмады» («общее направление его научной и общественной деятельности всегда сопутствовало интересам нашей нации») [10, б.536].

Светлая память о Миркасыме Абдулахатовиче Усманове надолго сохранится в нашей памяти. Еще при жизни ученого Казанская студия кинохроники подготовила фильм «История Миркасыма Усманова»², его именем названы одна из улиц Советского района города Казани и Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, фонд «Жыен» издал сборник «Миркасым Госманов» [10], а его дочь Диляра Усманова и его коллега Дина Мустафина – книгу «Госманов М.Г. Хәтер мизгелләре: истәлекләр» [7], сотрудники Института Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Хасанова АН РТ подготовили и выставили на интернет-платформах ИТЭР АН РТ (в универсальном мультимедийном интернет-ресурсе «Татарская онлайн-энциклопедия Tatarica»), «YouTube» и «Миллиард.Татар» интересный видеоролик о нашем уважаемом академике³ [1; 13], в различных бумажных и электронных СМИ, а также в социальных сетях практически ежедневно вспоминают его лично либо его богатое научное и литературно-публицистическое наследие...

Урыны жәннәттә, рухы тыныч, туфрагы жиңел булсын! Мы любим, помним и ценим нашего дорогого Учителя и Наставника – Миркасыма Абдулахатовича Усманова. Requiescat in pace!..

² История Миркасыма Усманова: документальный фильм. Казанская студия кинохроники, 2004. URL: <https://www.net-film.ru/film-80272/> (дата обращения: 27.02.2024).

³ Миркасым Госманов (1934–2010). Күренекле галим, тарихчы // YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=rv65vpg0d0Q> (дата обращения: 27.02.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айнутдинова Л.М.* Усманов Миркасым Абдулахатович // Татарская онлайн-энциклопедия Tatarica. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/usmanov-mirkasym-abdulahatovich> (дата обращения: 27.02.2024).
2. *Гилязов И.А., Миннуллин З.С.* Миркасым Абдулахатович Усманов (1934–2010) // Научный Татарстан. 2014. №2. С.7–12.
3. *Госманов М.* Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 288 б.
4. *Госманов М.* Киек сукмакларында: Аучылык, киекләр һәм табигать турында язмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1966. 94 б.
5. *Госманов М.* Серле балбал: хикәяләр һәм очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. 167 б.
6. *Госманов М.* Үткәннән – киләчккә: фәнни-публицистик мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 472 б.
7. *Госманов М.Г.* Хәтер мизгелләре: истәлекләр / төз.: Д.М. Госманова, Д.Г. Мостафина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. 367 б.
8. *Госманов Миркасым* // Татарстан Республикасы Язучылар берлеге. URL: <https://sptatar.com/gosmanov-mirkasyjm/> (дата обращения: 27.02.2024).
9. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 1056 с.
10. Миркасым Госманов: тарихи-биографик, фәнни-документаль жыентык. «Шәхесләребез» сериясе. Казан: Жыен, 2014. 800 б.
11. Миркасым Госмановка 50 яшь // Казан утлары. 1984. №5. 177–178 б.
12. Миркасым Усманов: Биобиблиографический указатель / сост. З.С. Миннуллин. Казань: Милли китап, 2004. 275 с. (на татар., рус. и англ.яз.).
13. Миркасым Усманов: выдающийся историк из Восточного Туркестана, вернувшийся на родину предков // Миллиард.Татар. URL: <https://milliard.tatar/news/mirkasym-usmanov-vydayushhiisya-istorik-iz-vostocnogo-turkestana-vernuvsiiisya-na-rodinu-predkov-1180> (дата обращения: 27.02.2024).
14. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
15. *Усманов М.А.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 223 с.
16. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей». «Дафтари Чингиз-наме». «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 223 с.

Информация об авторе:

Хамидуллин Булат Лиронович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Центром изучения татарской диаспоры, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Хасанова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0585-350X; e-mail: bulat.antat@mail.ru

Поступила 22.03.2024

Принята к публикации 06.05.2024

In memory of Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov (1934–2010)
(on the 90th anniversary of his birth)

B.L. Khamidullin

*M.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article contains information about the life and work of an outstanding orientalist scientist, a talented teacher and writer, Doctor of Historical Sciences, professor, full member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and the Archaeological Commission of the Russian Academy of Sciences, member of the Union of Writers of the USSR and the Tatar PEN Center, widely known public figure Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov (1934–2010). The main milestones of his life and creative path are reproduced, the results of his scientific research are characterized, his contribution to the study and development of source studies and historiography of the history of the Tatar people and Tatarstan is indicated. Particular attention is paid to the research of M.A. Usmanov on source studies of the history of the Golden Horde.

Keywords: Mirkasym Usmanov, scientist, writer, public life, source studies, history of the Tatars, Golden Horde

For citation: Khamidullin B.L. In Memory of Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov (1934–2010) (on the 90th anniversary of his birth). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.2, pp.154–167. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-2.154-167> (In Russian)

REFERENCES

1. Aynutdinova L.M. Usmanov Mirkasym Abdulakhatovich. *Tatar online encyclopedia Tatarica*. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/usmanov-mirkasym-abdulakhatovich> (accessed: 27.02.2024). (In Russian)
2. Gilyazov I.A., Minnullin Z.S. Mirkasym Abdulakhatovich Usmanov (1934–2010). *Scientific Tatarstan*. 2014, no.2, pp.7–12. (In Russian)
3. Usmanov M. *Following the footsteps of manuscripts: notes of an archaeographer*. Kazan: Tatar Book Publ., 1984. 288 p. (In Tatar)
4. Usmanov M. *On wild paths: notes on hunting, game and nature*. Kazan: Tatar Book Publ., 1966. 94 p. (In Tatar)
5. Usmanov M. *Mysterious balbal: stories and essays*. Kazan: Tatar Book Publ., 1973. 167 p. (In Tatar)
6. Usmanov M. *From the past to the future: scientific and journalistic articles*. Kazan: Tatar Book Publ., 1990. 472 p. (In Tatar)
7. Usmanov M. *Moments of memory: memories*. Compiled by D.M. Usmanova, D.G. Mustafina. Kazan: Tatar Book Publ., 2019. 367 p. (In Tatar)
8. Usmanov Mirkasym. *Union of Writers of the Republic of Tatarstan*. URL: <https://sptatar.com/gosmanov-mirkasyjm/> (accessed: 27.02.2024). (In Tatar)

9. *The History of the Tatars from ancient times: in 7 volumes*. Vol.3. Ulus of Jochi (Golden Horde) 13th – mid-15th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1056 p. (In Russian)

10. *Mirkasym Usmanov: historical, biographical, scientific and documentary collection*. Series "Personalities". Kazan: Zhyen, 2014. 800 p. (In Tatar)

11. Mirkasym Usmanov is 50 years old. *Kazan utlary*. 1984, no.5, pp.177–178 (In Tatar)

12. *Mirkasym Usmanov: Biobibliographic index*. Compiled by Z.S. Minnullin. Kazan: National Book, 2004. 275 p. (In Tatar, Russian and English)

13. Mirkasym Usmanov: an outstanding historian from East Turkestan, who returned to the homeland of his ancestors. *Billion Tatars*. URL: <https://milliard.tatar/news/mirkasym-usmanov-vydayushhiisya-istorik-iz-vostocnogo-turkestana-vernuvsiiisya-na-rodinu-predkov-1180> (accessed: 02.27.2024). (In Russian)

14. Usmanov M.A. *Granted acts of the Jochi ulus of the 14th – 16th centuries*. Kazan: Kazan University Publ., 1979. 318 p. (In Russian)

15. Usmanov M.A. *The cherished dream of Khusain Faizkhanov. A story about life and work*. Kazan: Tatar Book Publ., 1980. 223 p. (In Russian)

16. Usmanov M.A. *Tatar historical sources of the 17th – 18th centuries: "Collection of chronicles". "Daftari Chingiz-name". "Tavarich-i Bulgaria"*. Tatar Shajaras. Kazan: Kazan University Publ., 1972. 223 p. (In Russian)

About the author:

Khamidullin Bulat Lironovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher, Head of the Center for the Tatar Diaspora Study, M.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0585-350X; e-mail: bulat.antat@mail.ru

Received March 22, 2024

Accepted for publication May 6, 2024

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2024. Том 14, № 2

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2024, vol. 14, no. 2

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 26.07.2024 г. Дата выхода в свет 15.08.2024 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 10,5 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство Академии наук Республики Татарстан

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф